

А. А. ЛОБАНОВ
Л. М. МАКСИМОВА
Л. В. ДОВЫДЕНКО

Поэт

**Владимир
Подлузский**

Калининград
2023

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6-8,4
Л68

Лобанов, Александр Александрович.

Л 68 Поэт Владимир Подлузский / А. А. Лобанов, Л. М. Максимова, Л. В. Довыденко. – Калининград: Страж Балтики, 2023. – 191 с.: ил. – 50 экз. – ISBN 978-5-91728-264-0

Сборник воспоминаний, посвящённых известному русскому поэту Владимиру Подлузскому, певцу славянского мира, прекрасного образа славянки, включает в себя воспоминания и критические эссе как самого Владимира Всеволодовича Подлузского, так и его ближайших друзей и соратников: Александра Александровича Лобанова, Веры Николаевны Подлузской, Людмилы Михайловны Максимовой, Лидии Владимировны Довыденко. Последний этап творчества Владимира Подлузского совпал по времени с эрозией культуры и понятия Божественного среди наиболее «прогрессивных» госдурств на планете, ввергнувших и российское государство в эти процессы эрозии и нравственного оскудения. Но Поэт всем своим творчеством ответил отказом – пригубить из козьего копытца, оглядывая мудрым взором пути человечества и выражая поэтическим языком философию сердца, добра, истины и красоты.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2=411.2)6-8,4

ISBN 978-5-91728-264-0

© А. А. Лобанов, текст, 2023
© Л. М. Максимова, текст, 2023
© Л. В. Довыденко, текст, 2023

Зачинаю песню не с канона:
С чайной малахитовой картины.
Если вам лужайка не икона,
То она икона для скотины.

Это заколашивалось слово
На святого летнего Николу.
Яловая рыжая корова,
В праздник сей привязанная к колу,

Одиноко сѣлето пасѣтся.
Хороша звездчатка спозаранку.
Русая хозяйка у колодца
С корнем рвѣт траву-американку.

Хрумкает кормилица по кругу.
Звякает валдайский колокольчик,
Заставляя пышную квоктуху
Целовать оранжевый комочек.

Днѣм придѣт с подойником молодка,
Даст ломоть солѣный и водицы.
Жаль, не каждая у нас солодка
Может сладким соком поделиться.

Что печальна, милая Красавка,
Хоть одна, хоть статная другая?
То ли ночью повстречалась мавка,
То ль ушѣл суседко из сарая.

Меньше луговины стало, сада,
И не так блистательны доѣнки.
Деревенское распалось стадо,
Разбрелись домашние бурѣнки.

Кто на молоко, а кто на мясо,
Кто в лесу нашѣл судьбу коровью.
Если расскажу вам про Тараса,
Значит, расскажу и про Прасковью.

Носит свою царскую корону
Яловая рыжая корова.
На святого летнего Николу
Отыскал я собственное Слово.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Александр

Мой великий друг	7
Наедине с Владимиром Подлузским	16

Владимир

Что меня сделало поэтом	41
Медоносы	41
Преображение	49
Розовая тройка	56
Сказ о романе в стихах	60
Икона осветилась	60
Отец Роман	64
Сирин и Гамаюн	66
Моя помощница мусульманка Назира	69
А на конце выстрел	70
Упавшая вертикаль	72
Сыворотка власти	72
Спиридон-солнцеворот	75
Золотое сияние	76
Звезда... опала	78
Поправка на ветер	81
Позднее прозрение	83
Очерк нравов книгоиздательства Коми	85
На дне Тихого Дона	101

Людмила

Из истории районной газеты	116
Мглинский медиан	116
Внуки князя Игоря	117
Гроссмейстер	119
Старик, не гони лошадей	120
Парторг и Остап	121
Прыгающее колесо	122
Говорит Мглин	124

Эпоха Гуторова	127
Студентка-верблюд.....	129
Светочи	130
Милый микрофон.....	132
Как там у Ильфа и Петрова?.....	134
 <i>Владимир</i>	
Гоголь и Шевченко как две ипостаси Украины	136
 <i>Вера (в изложении Александра)</i>	
Дом с мансардой	149
Встреча в Ижме.....	150
Встреча в Сыктывкаре	154
От земли Дебрянской, от корней российских.....	155
Размышление в День Успения. <i>Стихотворение ..</i>	161
 <i>Лидия</i>	
Владимир Подлuzский и журнал «Берега»	162
Образ славянки в романе в стихах В. Подлuzского	
«Тарас и Прасковья»	170
О поэмах Владимира Подлuzского «Русская труба»	
и «Стародубская пророчица»	177
О поэме как жанре.....	177
Поэма в России	178
Поэма «Русская труба»	179
Поэма «Стародубская пророчица».....	180
Мистическое – антипод пессимистического.....	184
 Краткая биография	 186
Публикации последних лет – «Журнальный мир».....	188
Писатели России о Владимире Подлuzском	189
Авторы сборника «Поэт Владимир Подлuzский».....	191

Александр

МОЙ ВЕЛИКИЙ ДРУГ

Догоняя лучшее былое,
Верю будущему, как себе...

Владимир Подлузский

Как-то давным-давно, в яркий весенний день был я в гостях у местных литераторов, собравшихся, не помню уж по какому поводу, в офисном кабинете Русского Собора. Мы пили чай, лакомились конфетами, беседовали о том, о сём, читали вслух стихи. Умеренно сплетничали, кого-то обсуждали, кому дали народного, кому заслуженного, кому просто грамоту и кило печенья. Сетовали мы, как стало трудно, практически невозможно пробиться к издательству, чтобы напечатать своё что-нибудь. Оттого ль, что куцое финансирование, или ещё по какой причине – версии всякие озвучивались. Некоторые без обиняков мне предлагали отказаться от силлабо-тонического стихосложения, поскольку у них здесь поэтов расплодилось, дальше некуда, «...и, Фебовы презрев угрозы, унизься до смиренной прозы...».

Вдруг стук в дверь. Входит скромной наружности, невысокого роста, седовласый, но совершенно не старый гражданин. Меня ему тут же представили, явно как некую диковинку: офицера, сочиняющего стихи. Присаживается он и буквально начинает понижать взглядом. Глаза у него добрейшие, но рентген. Душу просканировал за каких-то несколько секунд. По улыбке на тонких губах понял, пришёл я ему.

Это был Он, мой друг, наставник, учитель и вдохновитель, поэт Владимир Всеволодович Подлузский. В комнате, помимо остальных, присутствовала Любовь Терентьева, педагог, кандидат наук, талантливейший литератор. Наступила небольшая пауза, все смущённо молчали, заметив моё лёгкое замешательство. Дело в том, что я в это время сам интуитивно прочувствовал, что за человек пришёл, и растерялся, не зная, как себя вести. Неожиданно Любовь предложила:

– Володенька, почитай нам.

После услышанных первых же четверостиший, ясновидение осветило мою дремучую голову: правы девчонки, какой из меня поэт. Вот он, Владимир – это да! Это велико. Это божественно. Так я стал окончательным прозаиком, другом великого русского поэта Подлузского.

Люба рассмеялась:

– Что, забрало?

– Да, – простодушно признался я, по наивности даже не обратив внимания, как у некоторых ревниво сузились щели глазных радужек...

Брянщина – его малая родина. Синее-синее небо, поле созревшей пшеницы. Владимир стоит среди светящихся золотом колосьев, с обнажённым торсом и сам весь светится. По периметру поля частоколом темнеет великолепный русский лес. Подлузский улыбается, излучая такое счастье,

что, глядя на это фото, ты невольно начинаешь сам переполняться восторгом. Это был его последний приезд в родные места. Володя наслаждался каждой минутой, каждым мигом свидания, переполняясь душой до самых краёв, по-русски жадно, широко, будто уже знал, что больше сюда не

вернётся. Удачный, мастерский снимок. Хотя сделала его всего лишь любитель, его верная супруга Вера, по совместительству муза, критик и одна из первых слушателей.

Он обожествлял всю эту природную красу, перенося её в свои стихи, которые лились из-под его неутомимого пера волшебными светлыми струями, заставляя замирать сердце любого читателя.

Вишня у калитки, слива у межи,
Развернулись свитки утренней души.
Ласточка гуляет выше старых верб,
У кольца сверкает орошённый серп.

На Казанский праздник, как и век назад,
Весело зажинки начинают в лад.
И откуда столько тут не старых лиц,
Нива держит стойко баб и молодиц.

Яркие наряды, цвет застольный бус,
Как бы не влюбиться – снова я боюсь.
До тоски соскучился я давным-давно
По таким отчаянным девкам и кино.

Про деревню нашу с песней и мольбой,
И про то, как стала городу рабой.
Прыткою, красивою и упрямой то ж,
И пока упругой, как в зажинки рожь.

Вишня у калитки, слива у бугра,
Жница в синем платье на снопы легла.
Солнце раскачалось, марево и сушь,
Руки так и тянутся до поспевших груш.

Потом, это гораздо позже было. Помнится, яркое солнце рассыпало столько жгучих блёсток на повсеместные су-

гробы, что смотреть без тёмных очков было невозможно. Шестое февраля. Республиканский кардиоцентр. Мы забирали Владимира после выписки. Ему сделали сложнейшую операцию, шунтирование. Я, его жена Вера, он – все мы, не спеша, как-то неуверенно, осторожно переступали порог отделения. Ослеплённые сиянием снега, остановились. Володя схватил меня за руку, тихо сказал:

– Саша, сегодня мой второй день рождения.

И заплакал. Я, к тому времени уже полковник, при форме, под удивлёнными взглядами посетителей сам не смог сдержаться, слеза самопроизвольно скатилась по щеке. А уж Вера, бедняжка, разрыдалась открыто. Уж ей-то пережить пришлось – врагу не пожелаешь. Неожиданный Володин инфаркт, госпитализация, тягостные моменты ожидания. Выживет ли? Во время очередного посещения Володи, выглядевшего, скажем не то, что как покойник, но близко к тому, она лишилась чувств. По житейски печальному совпадению в отделении лежали с подобными проблемами не простые люди. Владимир Васильевич Тимин, наш мэтр, известный коми поэт, общественный деятель, один из руководителей правления союза писателей. Там же знаменитый наш оперный певец Алексей Васильевич Моисеенко, которого на тот момент посещала жена, Валентина Васильевна Жиделева, известная, публичная личность, доктор экономических наук, заместитель председателя госсовета Республики Коми. Приятная внешне и в общении совершенно простая, она услышала шум, живо поспешила на помощь. Мы вдвоём Веру Николаевну быстро привели в чувство. И так это было милосердно, от чистоты души, что разве мог после такого Володя нас оставить. И он тогда победил.

На счастье, Коми республика в своё время расщедрилась на строительство современного кардиологического центра. Возвели сие чудо турецкие специалисты. Добротно, надо признаться. В Центр были приглашены известные кардиохирурги, кандидаты и доктора медицинских наук.

Ими подготовлены впоследствии свои, замечательные врачи. Они тогда спасли нашего великого поэта. Смерть, не солоно хлебавши, отступила. Как тогда хотелось верить, что надолго.

Судьба отпустила ему несколько ещё недолгих лет. Он с головой погрузился в литературу. Писал-писал-писал. Каждое новое стихотворение обязательно начитывал мне по телефону и непременно по два раза, чтобы расшевелить мою интуицию, он ей доверял. Но когда мне что-то царапало слух, и я ему указывал на строку, которая не проходила мой интуитивный силлабо-тонический контроль, друг и наставник буквально взрывался: «Я окончил филфак, я профессионал, в стенах, где обучался, ходили такие великие люди, как...» Короче, кто ты по сравнению со мной! Типа, как смеешь подвергать сомнению великие мои звуки? Так в шутку мне казалось. На самом деле более деликатного человека встречать ни до него, ни после мне не доводилось. Он клал трубку, через полчаса-час перезванивал:

– Ты был прав. Я тут внимательно поразмышлял, действительно не то. Послушай теперь, я слегка переделал, – и читал, и это было идеально, благозвучно и, как всегда, гениально.

В такие моменты мы оба были искренне счастливы. Особенно я. Ещё бы, такому человеку запросто делаю заметки. Судьба свела, наверное, не зря. Мне порой приходила эзотерическая мысль, что мой друг – второе земное воплощения самого Александра Сергеевича. И я нисколько не стеснялся этой мысли, и нисколько не считал её крамольной. Стихи-то истинно гениальны. И ещё один немаловажный факт литературной биографии Подлузского: он автор романа в стихах, второго, после гениального «Онегина», официально признанного. Непростое произведение, не для салонного чтения. Оно, как Библия, сплошь пророчества. Необыкновенное видение прошлого, настоящего, будущего. С каждым очередным прочтением я открываю там всё новое

и новое. Прозоры сквозь века, минувшие и грядущие. «Тарас и Прасковья». Его эпическая муза уж постаралась. Роман оценён передовыми российскими умами. На родине поэта, на Брянщине, он введён в школьную программу. А что же здесь, у нас, в Коми? «Я такое не понимаю, – компетентно отозвалась одна дама, – вот если бы роман был написан на коми языке...» Права народная мудрость: нет пророка в отечестве своём. Среди невероятно расплодившихся народных поэтов и заслуженных деятелей культуры РК места великому поэту не нашлось.

Религиозный публицист, писатель Лев Смоленцев сказал: «Республика Коми – это Голгофа России, окружённая пустынными снегами и мглой и непролазными чащами огромной, как океан, пармы, коми тайги. Мне потом пришлось озарение: неспроста в этот гиблый Северный Край провидение послало гения поэзии. Светоч!!! И он это понимал. И готовил меня в гении прозы. Вторым Шолоховым называл, а мой роман-эпопею о Приднестровье – вторым «Тихим Доном». А я верил и не верил. Кто ж в такое поверит? Но в течение двадцати лет упорно готовил роман к изданию. Увы, за свои деньги. Председатель правления по телевидению во всеуслышание заявил, что в Коми прозы, к сожалению, нет...

Володя выхода моего романа в свет не дождался. Погиб 11 ноября 2020 года от подлого незримого врага, порождённого сатанинским Западом, проклятого ковида. Никто от Союза писателей на похороны не пришёл, ни цветочка, ни венка не прислал. Бог им судья.

Частенько Подлuzский звал в гости. Так, на часок, поговорить, обсудить, обменяться мыслями, послушать новые стихи. «Часок» порой затягивался на семинарскую пару, а то и больше. Эти встречи не имели цены. Получалось, я проходил очное университетское обучение. Владимир не просто

здро̀во рассу̀ждал на лю́бую те́му, но с блеском исполнял роль опытного педагога. Он был широко начитан, обладал невероятной памятью. И повторюсь, обвораживал деликатностью как собеседник. Никогда от него не слышал грубого слова. При разговоре происходило нечто вроде магии, хорошей такой, белой. В эти мгновения ощущалось, что я сам становлюсь умным всезнайкой, как он, таким же прозорливым и не менее талантливым. Много мы обсуждали мой будущий роман-эпопею. Как будто он там, в просторах описываемых мною событий, побывал и всё испытал вместе со мной и делал глубинный анализ всего, что там случилось, и, что невероятно, что случится далее. И события последующих лет происходили точь-в-точь по его прозору.

Естественно, одним из профилирующих наших «семинарских» предметов был его роман в стихах. Это, если так можно выразиться мне, не доктору наук и даже не кандидату, глубокое научное исследование, выведенное в ипостась великой, могучей русской поэтической словесности. Невероятный объем обработанной информации. Собственно, что гадать, объём этот и есть интереснейшая, трудная, полная событий его жизнь. Детство, юность прошли в Брянской области, место уникальное, стыковка трёх земных вселенных – России, Украины, Белоруссии. Прошлое и будущее там витало для него ощутимо. Красота природы и великая душевность людей, перемешавшихся в национальностях так, что не поймёшь, кто из них, кто: хохол, бульбаш или кацап. Культура у них практически общая, обычаи, нравы, хотя и не без контрастов. Владимир эти нюансы ощущал всем естеством, он ими жил. И, как будущий гений, педантично фиксировал в памяти, чтобы впоследствии создать великое современное произведение, **роман в стихах «Тарас и Прасковья»**.

Он бился над ним почти столько же, как над своим «Евгением Онегиным» Пушкин. Компьютера тогда не имел. Трещал на допотопной пишущей машинке денно и ночью.

«Пресс-Клуб» 2005

В своём вдохновении был силён, яко Геракл. Когда Бог привёл к нему меня, Владимир искренне обрадовался, усмотрев не только родственную душу, но и верного помощника. Вначале удалось обрести старенький компьютер. Учил им пользоваться я его, как мог. Но сам-то не силён, увы. Упросили моего сына Дмитрия. Дело пошло. Со временем появился компьютер поновее и помощнее. Была осуществлена Володина мечта – оцифровать роман. Сын, в компьютерном деле изрядно поднаторевший, сию задачу решил за несколько дней. Пару недель ушло на то, чтобы придать тексту читабельный вид. И вот макет романа занял свой законный файл. Началось историческое обсуждение, историческая оправка. Подлузский либо звал «на часок», либо примагничивал меня к телефонной трубке. И, как всегда, яркие эмоциональные вспышки, по типу «кто ты такой есть», «у меня высшее филологическое образование», «я окончил лучший в мире журфак», «ВППШ, Академию госслужбы», «я был главным редактором ведущих издательств»...

– Куда уж нам, сырым, мы академиев не заканчивали, – подзуживал я его. – Но, видишь, ли, отец родной, там-то и там-то строка хромает и ранит мою творческую душу.

– Саша, поверь, это правильно, грамотно, так все пишут. Что ты цепляешься, как репей?

– Говори, что хочешь и сколько хочешь, а моё чутьё ни разу ещё не подводило. И ты – не все, ты гений.

– Я знаю, – отвечал без ложной всякой скромности мой дорогой дружище. – Ладно, не будем попусту... Посмотрим. Пока!

И бросал трубку. Либо шёл кипятить чайник, когда баталия происходила у него дома. И, как всегда, друг включал особый какой-то механизм в своём недюжинном интеллекте, превращал себя во что-то типа стороннего наблюдателя, судью решительного и строгого, и непременно «прозревал». И радостно мне же докладывал, что у тебя (т.е. у меня) есть-таки рациональное зерно. И я смущённо краснел от удовольствия.

И снова беседы, беседы, беседы. Это стало уже потребностью, как для меня, так и для него. Одну из таких я умудрился записать на диктофон. И почему только одну?! Но вот она, бесценная, слово в слово.

НАЕДИНЕ С ВЛАДИМИРОМ ПОДЛУЗСКИМ

– Художники... Может это к искусству никакого отношения не имело, но давало очень большие деньги. Мои друзья-художники получали по 700 рублей. Все начинали халтурить, даже если были привязаны к государственной конторе какой-то. Представь, секретарь райкома или обкома получал 250. Первый секретарь райкома... А он 700–900 получал, художник. Так вот. Этот художник, о котором скажу, он бывший зэк. Отсидел 15 лет. Рядом с ним в одиночке си-

На съезде Союза писателей Коми 2015 г.

дел мужичок. Их на прогулку водили, и они общались. А их водили на прогулку... Ну, знаешь, там идёт... Как, ну, ваша система известная. Саша, сделай чайку...

– Сейчас. Ну, да, это прогулочный дворик...

– Это не задумывайся о том, не так важно, где и что. А главное суть. Вот они прохаживались, и он ему тихонько рассказывал. Не просто рассказывал, а скажем так, вещал. Называет имена. Называет даты. Сиделец такой, постоянный. При царе, и в Советском Союзе такие были. Но главное, он называл всех. Когда Брежнев умрёт. И про приход Горбачёва рассказал. Всё день в день говорил. Всё-всё. И всех этих... назвал. Ты вот мне говорил, семидесятые годы. А ты знаешь, что это такое было. Впечатлительный журналист и прочее... Впитывал, как губка. Сидим, и всё, что он мне говорил, всё сбывалось, один к одному. Всё, понимаешь? Конечно, этому ничего удивляться не стоит. Просто, вот ты

знаешь, ведь это, любая судьба, всё это записано. Просто православие, мягко скажем, не рекомендует делиться этими вот вещами. А колдуны, они могут всё показать, рассказать. Только ничего хорошего от этого никогда не было. Человеку знать свою судьбу... О, как раз воду дали. Надо посуду помыть, пока опять не отключили.

– Давай, сюда пересяду.

– Балкон... Не боишься, протянет?

– Володюшка, для меня сквозняк – это пустой звук. Я его никогда не боялся и не боюсь.

– Пустой... Да, последняя просьба человека, не имеющего интернет. Нужно, Сан Саныч, переписать и сбросить спонсору «Тараса».

– До конца не выправленный же.

– Он, однако, в восторге великом, диком. Но говорит, я хочу прочитать то, что есть.

– Ну давай скачаем.

– Давай.

– Какой там файл, «Тарас-3»? Что, запуск или чего?

– «Третий», Ваше сиятельство, господин полковник.

Я вот, что хотел сказать. В истории России бывали уже не раз периоды, когда всё, казалось, подходит к концу, всё разрушено до основания, Бог полностью проставил жирный крест на Россию, народ растревожен... (Звонит телефон). Алё... Привет! Всё нормально. Что голос такой грустный? Пообедала уже? Ну, хорошо. Сан Саныч приехал в гости. Спасибо. Приезжай с тортом, чай попьем вместе. Торт не вреден в такую погоду. А вот ты приедь, и посмотрим, вредно или не вредно. А, ну ладно. Угу. Ну, спасибо, что позвонила. Ну ладно, потихонечку успокаивайся и отдыхай. Ну... Ну, давай. Всё.

– Что-то случилось?

– Нет, она просто сюда звонит. Она по работе бежит туда-сюда. Она ж, знаешь... такой отдел. Всех стариков-разбойников и прочее... Так вот. В России бывают периоды,

когда казалось, всё кончено. Так было в Великую Смуту, так было в общем-то и до принятия христианства не раз, и во время принятия христианства, и после принятия христианства. Но Россия выходила всегда из этого, а-а-а... передряги с этой. И всегда оставались великие святые, великие мыслители, часто неизвестные, просто известны их труды. Оставалась литература, как устная, так и письменная. И что удивительно, именно как оказывалось, эта литература, вот как исцелённый больной. Она была всё более прозревающая. Она подходила к самым истокам истины. Или к самой истине. Потому что истину понять человеку невозможно. Но именно русский человек, именно русский ум, именно русская философия, если так можно выразиться, она приближала человека к человечеству, всё к понимаю, кроме европейской цивилизации, к пониманию того, во имя чего существует это человечество.

Весь двадцатый век эти катаклизмы и эти философские всплески повторялись, но начинали иссякать. Видимо, нужен был какой-то энергетический взрыв. И этим энергетическим взрывом, как ни странно, в России всегда является то ли революция, то ли бунты, череда, вот какие-то потрясения. Это очистительный такой смерч. И события 91 года, и предшествующие им пять-семь, а может и больше лет, там всякие мелкие события, они готовили Россию к вот этому новому всплеску. К этому времени Россия фактически превратилась в пустыню, на которой не звучало ни одного свежего слова, по крайней мере после Рубцова ничего не слышно было. Просто вот, понимаешь, пустыня, где вылетит ветер, где-то жаркий, где-то холодный. Шамкал один за другим. О чём сегодня говорил вождь? Тоже ни о чём. Любая мысль давилась.

Собственно, если честно, и давить-то нечего было, мысли никакой не было. Происходит всплеск, революция, её все кланут, и прочая, прочая. И нам с тобой в ней многое не нравится. А кое-что есть хорошее. Она развалила ту систему,

о которой плачут все. Даже священники начинают плакать. Вчера только слышал, плач такой. Ну, во имя чего происходят катаклизмы такие, ведь есть же промысел какой-то, я не знаю. Всё не происходит так просто. Да, где-то произошли события, они как бы ответ на поведение человека. Вот как я это понимаю. Погода сейчас...

Но и это не главное. Понимаешь, не этот процесс главный. Вначале было слово! Нельзя об этом забывать. И слово главенствует, и слово было Бог. И, понимаешь, слово главенствует над всем. И вот с этого хаоса выкарабкиваются голые пока ещё, но живые словечки. Новой литературы. Новой русской философии. А я так давно подозреваю, что русской философии как таковой не существует. Русская философия это и есть в препарированном виде божественная философия, которая подаётся нам в виде знаков и в виде литературных произведений.

И вот, если говорить о «Сорок восьмой параллели» (один из предполагавшихся нами вариантов названия моей эпопеи), если это действительно не выдумка теологов, или шарлатанов от разных наук, то действительно следует очень внимательно изучить эту самую 48-ю параллель как некую энергетическую границу между прошлым, скажем, и будущим. Ты вот говорил о том, что это двенадцать, 4+8, дюжина. Я об этом не думал, но не исключено, что и в этом есть какой-то знак. Я знаю роль своего романа в будущем и крепко верю в роль твоего романа в будущем. Очень верю. И всё это не зря. Заметь, если не родился, и почерпнул там для своего романа, то ты там родился и жил там же, и какие-то, да не какие-то, а многие почерпнул какие-то энергетические сгустки. Почему ты боишься эту дату минуть, можно разные вопросы, варианты предложить, ты просто не готов к этому по разным причинам. Я могу только догадываться об этих причинах. Так вот, 48-я параллель. Почему девчонка вот эта, глупышка какая-то (мне однажды из Приднестровья знакомая прислал свои стихи, я попро-

сил Подлузского дать оценку)... Тоже тянет к этому. Она не знает. Но вот её тянет. Может, она тоже там родилась, на этой параллели. А может её какие-то знаки тянут. Для того, чтобы об этой параллели сказать, вот заметь, она там-там, она всё описала... А вот что касается главных сгустков славянских, ваша параллель, Молдавия там и Украина, она ничего не знает, потому что она не готова к этому. Её к этому не готовили. Готовы к этому другие люди, сейчас они (с улыбкой смотрит на меня) сидят рядом. И это не моё предназначение. Это не какое-то бесовское там наваждение. Это действительно так. Нам поручено с тобой освоить эту параллель. Как бы это громко ни звучало. Почему сколько лет мы с тобой беседуем о романе, и всегда я на полнейшем серьёзе тебе говорил, Саша надо. Знаешь, я с искренним восторгом отношусь к книге, которую редактировал и которую рецензировал. Почему? Потому что в ней было всё. Но я помню, что ты сказал, это предтеча, понимаешь, предтеча... То, что сегодня у тебя рождается, вот это и есть то, что надо. Вот ты писал там, концовка, конец и так далее... Это хорошо. Ты заглянул, ты застолбил будущее. Понимаешь, это очень важно. В тебе есть маяк, на который ты сейчас движешься. Теперь ты должен очень внимательно выгрести зелёную молодую травку по всей 48-й параллели, протекающей по славянскому миру. По славянскому. Именно по славянскому. Дальше тебя это не должно касаться. Хотя где-то, что-то может на девочку на ту ссылаясь, которую так может произвольно тянет на эту линию запретную, к запретной части её подтягивает, как знаешь вот заколдованный круг. Нечто в этом есть. Я не знаю, может 48-я это половина Земли. Половина – как чего? – северного полушария, может быть. Надо посмотреть. Хотя я не думаю, что там 48-х и 96-х параллелей. А там, кто его знает. Но факт остаётся фактом. И почему так сочно выписывается и у тебя, и у меня именно эта местность. Она, я ещё тогда чувствовал, чем-то пропитана, таким вот, мистическим.

Есть вот вообще на Земле параллели, которые... они пропитаны особым составом. Заметь, и Гоголь творил, и Шолохов тоже на одной параллели. Вёшенская и Миргород, они находятся абсолютно на одной параллели. И Гоголь, и Шолохов вообще-то на чаше весов литературных, где-то они одинаковы. Хотя Гоголь, конечно, мощнее. А Гоголь мощнее потому, что Гоголь более мифологичен. Гоголь более народен, Гоголь вырван из гущи. Но Гоголь уже прошёл и университетские кафедры, и хорошее образование получил блестящее, Шолохов это не сделал. Образование Шолохова – это казачий круг. Понимаешь?

Но дуализм, я бы назвал это явление как дуализм, Рубцов-Есенин, если Рубцов не вышел из Рязани, то Рубцов очень долго жил в Рязанской губернии. Главной фигурой по принципу дуализма напитывается энергетикой специальной. Ты меня понял, да? Так же, как и главные сомнительные фигуры в литературе и в политике, так же напитываются по законам дуализма одинаковой энергетикой. Так же был напитан и Ленин, и Толстой. Друг друга ненавидя вообще-то. Потому что прошли через Казанский университет. И одного, и второго изгнали в разное время со второго курса Казанского университета. Одного за революционную деятельность, второго за неуспеваемость. Так вот, дуализм. У нас с тобой тоже вот этот дуализм. Нас с тобой напитывали на одной и той же 48-й параллели. Наиболее важной, видимо, параллели.

Почему, зачем? Для того, чтобы где-то публиковать или что-то? Нет. Вот Надежда (Н. А. Мирошниченко) это называет энциклопедией русской жизни. Мой роман уже назвала. Вся эта... Это не новое выражение, так говорили в романе Пушкина «Евгений Онегин». Мы с тобой это уже обозначили как новую русскую библию. Библия – это книга, не более того. А насчёт, перехлест это или нет – перехлест. Просто библия означает «книга» и больше ничего, понимаешь? Так вот дожидаются две книги, которые в чём-то должны друг

друга дополнять. И не в силу разных несколько географий, а в силу единых энергетических потоков, которые перемешиваются вот не в самом котле, а параллельно, она как ручка котла, большая ручка котла, в котором варится вот это варево под названием славянская каша. Понимаешь? В которой есть много очень зёрен истины. Но не самой истины. Только зёрна, понимаешь? Из них, из этих зёрен каждый волен добывать собственное понятие истины. Вот это и задача наших с тобой романов.

Что для этого требуется? Естественно нужно безумно, если так можно выразиться, любить места, которые ты описываешь. Не менее безумно любить своих героев всех, подряд. И забыть о том, что я вот отомщу этому человеку, я его выведу. Нельзя, это святое дело. Тут нельзя брызгать слюной и кричать «Я». Мы никто, мы исполнители. А помнишь, я тебе говорил, главное, чтобы копия от оригинала не сильно отличалась, понимаешь, в чём дело, там уже всё написано. Угадать нужно, просто подойти к этому. И чем максимальнее копия не будет отличаться от оригинала, потом мы их увидим, оригиналы, тем больше могуществом это слово будет обладать для христиан. На огромной территории. То, что наши романы будут в каждом доме, когда придёт время, несомненно. Для этого мы прошли через все мучения и через всё. Прошли... правда, не будем никогда заикаться, понимаешь, не наше дело.

Задачи великие. Я сегодня, как однозначно давно говорил и продолжаю говорить, силы для этого даны, мощные. Тебя специально они таскали по биржам разным литературным и прочее. Это на фиг нужно. Тебе дали просто сгусток таланта, который должна огранить сама жизнь. Ну и кое-что почитать, чтобы как-то немножко очистить клеммы. И всё. Нужно, вот я повторяюсь, любить героев и любить пространство, в котором находятся твои герои, в котором действуют твои герои. И нужно ничего не выдумывать. А если выдумываешь, то ты должен быть твёрдо

уверен, что пишешь абсолютную правду. Просто тебе это поступает из иного источника информации, и всё. И когда ты это поймёшь, тогда вот все твои сомнения по поводу некоторых глав, кусков, абзацев, отдельных фраз, они исчезнут.

Ещё... То, что меня волнует, там, где тебе не хватает образности, не в силу таланта, а в смысле спешки, ты эту образность как можно больше создавай не искусственным путём, а естественным. Ну, вот понимаешь, образность должна проходить через твой роман постоянно. Образы огромные. Один образ, проходящий через весь роман, как у меня допустим образ коровы там, понимаешь. Герои... За героями тоже надо следить, но ты это уже понимаешь. Надо следить, чем они у тебя занимаются. Своим ли делом занимаются. Но это не от бзиков. Ты их делаешь порой с бзиками, то есть откровеннее характерами. Характер не должен быть железным, нет. Ты это понимаешь. Но герой должен поступать так, какую ты ему генетику задал. Ты же понимаешь, что это никоим образом не проживёт. Ты это хорошо понимаешь. Саша, я тебе дал такую подготовку, литературную чисто, это важнее.

Вещь должна быть мифологична по-своему, понял? Вот у меня в романе мифов много, и в то же время он очень живой. И вообще в русской жизни никогда не отличишь, что такое миф, а что такое жизнь. Вообще вся русская жизнь – это миф. Понимаешь? Окувание человека в несколько потустороннее пространство. Всегда. В романе это должно присутствовать, в меру, конечно. И это у тебя в предыдущих вещах присутствует, и в этих тоже немножко есть, я это вижу. Ты не должен стесняться этого. В фантазии нельзя выдумать того, чего нет во вселенной. Понимаешь? Ты просто это должен точно, чётко соизмерять с пространством романа, пространством героя, с пространством событий. Вот это всё должно вписываться. А сколько там фантастики создашь, насколько она будет многоярусна, это удел твоего

таланта, твоего понимания. Вообще, слово талант – это мировоззрение человека и не надо ни под кого подделываться, чтобы всё это изобразить. У тебя всё есть для того, чтобы это изобразить. Главное, вот эти роли там, кольчугу рыцаря там или что, кольчуга это может быть жёсткая конструкция, это понятие должно быть растяжимое. Знаешь, как, с одной стороны Рыбница, с другой стороны Резина, всё должно как натягиваться, как резиновое. И это резиновое способно вместить массу галактик, целых галактик, твой роман.

Всё-таки у меня поэтическое произведение, я ограничен в средствах. В прозе, это конечно возможностей больше. С одной стороны, С другой стороны, поэзия, она порой заменяет десятки страниц прозы. Порой одно четверостишие... Понимаешь? Об этом тоже нельзя забывать. Напекаю на то, чтобы вкрапления твоей поэзии были. Ну, сумеешь на уровне романа выписать такие кусочки, ради бога. Этим никому твой герой Геннадий, он вполне, кстати, где-то там он пробует чего-то, это вполне будет входить в его характер.

Смотрю внимательно за женщинами, которые трутся около твоих героев. Они должны соответствовать. Они должны тоже некую, не просто бабью, а и философскую функцию при этом, понимаешь, нести. Но эта философия не должна быть такой, голой, пустой, такой, знаешь, шаблонной. Ты же женщин прекрасно знаешь, ты вот так прекрасно о них рассказываешь, что всё это должно быть там. Не выдумывай никаких женщин, ты их хорошо знаешь. И эти женщины должны жить на страницах романа. Особенно те женщины, которые прошли через эту параллель. Понимаешь? Обязательно. Северные женщины, они будут иметь другую энергетику. Они имеют у тебя другую энергетику. Это хорошо присутствуют в тех рассказах, особенно, когда ты выписываешь, когда вы на севере. Понимаешь? Но это южные женщины. И вот всё, что ты хорошо знаешь, оно должно быть там. Вот ты так с иронией говоришь о них, но

эта ирония должна быть там. И даже, понимаешь, ироническая любовь должна присутствовать.

Ирония – это не русское чувство. И сарказм – это не русские черты. Но лёгкая улыбка, такая русская, она всегда должна присутствовать. Потому что русская баба испортилась по большому счёту. Она стала другой. Из неё, понимаешь, наполовину выдрали симку, она вроде вставлена, но она уже фонит там. Понимаешь? И она меняется, баба. И вот эти изменения мы с тобой обязаны запечатлеть. У тебя масса для этого возможностей. Женские образы, они не приложения к чему-то должны быть. Не гайка к болту под названием твой герой там такой-то. А если гайка, то уж извини, она блок должна завершать полный. Держать крепко какую-то конструкцию, вот в чём дело. И я повторяю, что женщины сами по себе должны быть ценны в твоём романе также. Женщины должны это с открытым дыханием читать. Во-первых, они повысят, как ни прискорбно говорить, читабельность романа с одной стороны, а с другой стороны они приблизят к истине, к человеческой жизни. Не надо им придавать черт, которых у них нету. Если она никогда не ходила в церковь, не ходила точно. Понимаешь? И так далее. Если она не умеет быть честной, то и не надо с неё делать богиню. Обычную, понимаешь, обычную бабу. Пиши это так. Обычная баба не интересна, потому что, герои-то у тебя интересные. Но, как правило, под руки попадают там и определённые бабы, определённого склада. Вот их-то и стыкуй. Но их не надо выдумывать. У тебя, в принципе энергетики хватает.

Крики там внутренние, ух блин, поехать и конкретнее поговорить, они имеют право на жизнь. Но лучше на это смотреть с другой стороны. Тебя нечто тянет другое, не литературное, это да, а тянет... Вот тебе нужна энергетика, пощупать, вот там побуду и тебе кажется, что всё покатится. Нет, не в этом дело Ты где-то можешь зачистить контакты и врубиться в блоки, которые у тебя уже находятся. У тебя

мощные блоки, там миллиарды килобайт информации, самой-самой-самой. Нужной. И мне кажется тебе лучше не отсутствие информации, а изобилие информации. Чтобы это не мучило, ты должен чётко, теперь вот когда вешки расставил, должен чётко понять, чего ты хочешь от романа, где начинаются и кончаются границы твоего романа, где начинаются и кончаются границы твоих героев, хотя они безграничны, как правило. Где кончается историческое пространство, и географическое пространство. И ты это всё должен осмыслить.

Но делай при этом так что вот это маленькое, казалось бы, пространство влияет на весь существующий мир. Понимаешь? Как энергетическое ядро какое-то. Зачем эти все бойни были, в 92-м году по стране прокатились. Зачем? И на этот вопрос ты тоже должен ответ дать. Не политический. Не военно-политический, а исторический. Может даже не исторический, а теософский. Понимаешь, в чём дело? Какие незаживающие раны болят у этой местности, или у этой земли, что ей нужно постоянное вот ощущение крови. Всё это ты должен там людям рассказать.

Хотя, если честно, то уж там многое сказано. Сейчас ты должен отойти от романа, писать всё, что пишется, и думать о том, куда ты это поставишь. Пиши всё, что думаешь. И пускай в хранилище. Пускай выстоится. Всем кускам найдётся место. Всем, абсолютно. Причём абсолютно точно. И все зазубринки, все неровности, они сойдутся один к одному с теми кусками, которые ты их будешь прикручивать, ты это уже любишь. Это ещё раз говорит о мистическом смысле... О мистическом смысле, полусатанинском, это уже не божественно, а в смысле, как раз освещённом свыше. Если бы тебе нужно было написать какую-нибудь простенькую вещь, тебя бы в такие экстремальные условия не помещали бы постоянно, как и меня. Это ни к чему.

Пушкин никогда бы не стал Пушкиным, если бы его не колошматил жизнь. И постоянно он игрался с нею в пря-

мом смысле. В конце концов проигравшись, отошёл от неё. Понимаешь, он игрался с нею. Потому что ему нужны были, скажем так, биохимические процессы, которые вызывали всякие вот волнения на другом уровне потом. Всё это у тебя тоже хватало, да и хватает. У меня тоже. И всего этого надо не избегать. А просто нужно время от времени в церковь ходить и чистить симки. Во главе угла должна стоять мысль: я делаю великий роман. Вы можете мне мешать, вы можете мне, это самое... Но учти, из всех, кого тебе посылает жизнь, и всякие раздражители тоже, они тоже с какой-то целью посылаются, с определённой целью, не просто, чтобы тебя разозлить, не просто, что там чего-то изменить, а для чего-то. Тебе это виднее. У тебя мозгов и прочее хватает, чтобы понять потом, зачем всё это надо было.

Ну ты представь, какой ещё писатель выдумает сюжет, когда в далёком северном городе за тысячи километров от событий встречаются два человека, один с одного берега, другой с другого. И один другому гадит, понимаешь, потому что враги. Враги не потому, что были по разные стороны баррикад, а враги по крови. Враги по энергетическому балансу. Враги по задачам, которые поставлены перед ними на жизнь. А зачем ты приходишь, надеваешь звёзды и первый, кто встречается, это встречается Канев (известный в Сыктывкаре писатель, заслуженный работник культуры Республики Коми), достаёт писательский билет и говорит: вот и я такой же. Это что, случайности? Так не думай, Саша, просто те, кто это планировали более гениальны, чем мы с тобой. И вообще до мелочей спланировано, всё буквально.

Вот, исходя из этого, ты должен и понимать, что сразу тебе даны были знаки. Ты не готов был к писательскому труду, и вот на, вспомни, кто ты. И всё! Вспомни, кто ты. И вообще, ради какого хрена ты оказался в этом Сыктывкаре? Твоя главная задача, да, обеспечить семью, продовольствием, крышей над головой и пр. Но не для этого ты приехал в Сыктывкар. Сразу будь тебе сказано. А вот для этого.

Понимаешь? А почему Сыктывкар, может потому, что здесь Мирошниченко, Подлuzский. А может, я думаю, там намного всё серьёзней. И мы все здесь оказались не зря. Понимаешь? Здесь какой-то создан искусственно, с помощью неба, конечно, энергетический узел, очень мощный. И этому способствовала та система, к которой ты ныне принадлежишь. Именно она создала этот энергетический узел. Потому что она впитывала самые мощные узлы со всей Европы и всей Азии, тоже кстати, сюда и здесь в этом котле они варились-варились, проваривались, и от них оставались одни костки. Но от них оставался дух, мыслеформы оставались. И так далее, и тому подобное. Я понятно говорю? И должна прийти группа людей, группа товарищей, которые эти мыслеформы переплавят в какие-то иные вещи. И не в иные, а крайне важные вещи. Как бы это жутко ни звучало, эти люди оказались удобрением для произрастания новой литературной нивы русской.

В России думающие люди уже удивлены, почему какой-то Сыктывкар стал центром новой русской литературы. У меня нет сейчас вопросов, всё понятно. Понимаешь? Главное – уметь вовремя ставить энергетические заборы, чтобы на нас не влияли разные языческие дребедени. Но он тоже даны для того, знаешь, чтобы щука не дремала. Э-э-э... чтобы карась не дремал, то есть. Всё это продумано до мелочей там. И как ни странно, создаёт блестящие условия для настоящей творческой работы. Не в одной Москве, видишь, что творится, этого следовало ожидать, это делать невозможно. Здесь нет никаких там политических задымлений. А жара. Она, как и в Москве. Но создано пространство. А коли оно создано, мы не имеем права отделаться халтурой. Вот и всё.

Я глубоко убеждён, что тебе вообще не требуется разъяснять, чего бы ты там ни написал. Хотя мы, конечно, на эту тему поговорим, когда это всё будет готово. Уверен, всё, что я тебе буду говорить потом, ты это будешь сам ощущать не

меньше, чем я. Это будет как бы отражать твои ощущения не в меньшей мере, чем до того, как я это скажу. Ты просто порой проверяешь, а чего ж это я там такое создал. Я глубоко убеждён, что у тебя всё, как надо. В том смысле, что ты глубоко размышляешь и мыслишь самостоятельно над всеми этими процессами. Просто ты, в силу своего характера, вполнину иронизируешь над этим, чтобы как бы немножко упростить себе жизнь, в нас внутри, духовную. Но я знаю, насколько это тяжёлый процесс. Какой хаос там творился. Сейчас уже чувствуется, что выравниваться стало. А почему это происходит? Да потому, что полотно, за которое ты взялся, ты имел наглость – взяться за полотно, но понимал наверняка, что коль берусь, то это уже не наглость, а что-то такое больше. Заставляет, домашнее задание давит. Я считаю, что у тебя оно делается успешно.

Хотя, конечно, над книгой, где у тебя много документов, тебе придётся работать. Но может так случиться, что ты, ну скажем, за две-три недели вдруг всё это перевернёшь, вычистишь, и всё то, что ты нашёл, а там ничего лишнего нету, в смысле лишней информации нет, просто этому нужно придать не резко журналистский характер, а весьма и весьма литературный, писательский. Это мы с тобой уже не раз говорили, и это дело будущего. Все эти пласты в тебе переварятся. Ты же какие-то документы имел для рассказов, как это по ходу у тебя там... Понятно, да? Ты же на основе чего делал, рассказов каких-то или фантазий?

– Был во время всех этих событий такой Рыбницкий вестник, подпольная почти газета, и там всё это описывалось.

– Ну, извини меня, всё это читается как гигантская, мощнейшая вещь. Но это же тоже на основе материалов. Хотя я не исключаю, что кое-что можно процитировать. Но эти цитаты должны быть настолько малы по объёму, но они должны быть значимыми. Даже целый документ можно сохранить. На две-три страницы – максимум. Этим не

надо пересаливать, потому что, кто это будет читать? Это почитают пять-шесть человек, спецслужбы, шефы Приднестровья, дружки твои прочитают. Но ты же не такие цели ставишь.

Кстати, насчёт издания тоже не беспокойся. Я уже тебе не раз говорил. Когда будет готова, найдётся, кому надо. Там люди для этого готовы. Сверху уже предусмотрено несколько вариантов. В этом будь уверен. Главное – создать твёрдо, уверенно. Вот то, что сейчас я сделал, понимаешь, я считаю, что настолько близко подошёл к оригиналу, что уже можно задумываться об издании. Вот, представь себе, как меня судьба берегла, показывая, насколько она, не она, а они снизу невыносимы к халтуре. Когда у меня была явная халтура, ну, там тят-ляп пока, с сегодняшней точки зрения – было тят-ляп, но теперь, пожалуйста, тут же в этот день берут, договоры подписывают, всё, будем издавать...

– А у кого подписывают-то?

– У Бутыревой (Галина Васильевна Бутырева, коми поэт, переводчик, известный деятель культуры РК, главный редактор республиканского литературно-публицистического журнала «Арт»). Уже договоры подписали и так далее. Но прошёл срок, говорят, нет денег. Я говорю, как?! Потом понял: да это ж меня берегут. Работать надо. Садись и пиши. Я сел и написал. Теперь начинается трудный процесс. Теперь издать трудно. Хотя всё, принято решение. Почему? Да потому что вещь настоящая. Она ж будет мешать, а не помогать уже, потому что я их нарушил планы. Верхние... Верхние будут дожимать меня, чтобы я довёл до идентичности оригинала, понимаешь? Когда я доведу, тогда и будет другой разговор. Вот так вот.

Что ещё? Главное... Главное... Кажется, вчера было, мы с тобой говорили, под Новый год в позапрошлом году 31 декабря, ты только с Питера приехал, говорили о том, что потребуется два-три года. И кто-то из нас двоих, не помню, сказал – минимум. Два года уже в декабре будет. Сделали

что-нибудь за это время? Я думаю, да. Гигантский труд проведён. За это время ты побывал там (в Приднестровье), ты работал, а то, что написано и куда ты боишься заглядывать, говорит только об одном, что ещё не пришло время авторским глазом на всё это глянуть. Вот ты мечтаешь о папaxe (т.е. получить звание полковника), вот я не знаю, насколько это хорошо, насколько это плохо, для мужского самолюбия и для карьеры, что называется, сто процентов это надо. Поднимет ли это тебя над твоим произведением, может, да, а может опустить. Если ты этого добьёшься, значит, так суждено. В принципе, уже что называется, близок локоть. Откусишь, не укусишь, как извернётся. Это другой разговор, эта тема другая. Но она имеет прямое отношение к творчеству. Имеет, конечно. Но чем больше успехов на бытовом уровне, тем меньше успехов на литературном уровне. Тут уж несомненно, потому, что энергетические поля действуют разные.

– Именно, что разные. Вообще противоположные.

– Ну, я бы не стал это в противоположности записывать. Но... Главное, окунаясь в эту грязь, а это грязь, конечно грязь. Это сточная канава общества, ваша система (управление исполнения наказаний). Так вот, ты пишешь о самых светлых вещах. Это разве не библейский подход? Это разве не библейский тебе подарок? Понимаешь? Вот представь себе, в самую грязь тебя жизнь окунула, в канаву, в сточную канаву общества, где ты говоришь не об этой канаве, а говоришь о том, как солнышко светит над этой канавой, и как эти бактерии там разлагаются под солнечным светом, понимаешь?

– Вот потому-то и нужна. Надо отдать ей должное, этой канаве.

– Как ни странно, именно благодаря этой канаве, понимаешь, всё и продолжается. Процесс продолжается. Впервые, ты года два бы переживал, чего я, дурак, ушёл. Надо было б ещё послужить. Там ты должен полностью, в систе-

ме, карму что ли свою отработать. И всё. Должен отсидеть там до конца.

– Да, оно само собой решится. Да, может, в этом году уже уволят. А может, и оставят служить.

– Ну... Как ты мне говорил, особенно в прошлом году, у тебя был период застоя. В мае прошлого года. Ты столкнулся с тем, что сразу всё навалилось. Служба, здоровье. Я тебе что сказал? Ты всё это преодолеешь. Просто нельзя нос опускать. Тебя проверяли. Проверяли не в смысле, насколько ты устойчив к этой службе, проверяли, не забрать ли у тебя это дело. Способен ли ты его вытащить, потому что испытания-то, сам знаешь какие. Постоянные сомнения. Вот садись и думай, а зачем я вообще это пишу? Но что-то ж держит? Если уж прижало, то бросать нужно всё. Тут тебе канава хлещет со всех сторон, а ты сидишь, пишешь. Горланят со всех сторон, а ты сидишь и пишешь. Эти, понимаешь, костлявые мертвецы, ожившие, что-то там говорят тебе, размахивают папахами, саблями, а ты сидишь и пишешь в этом аду. Про рай пишешь.

– В аду...

– Единственное, что надо при этом делать, благодарить Бога искренне, что тебе подарил такую судьбу. Судьба не самая худшая, по большому счёту. Вот так. Ещё и женщины толпами стоят у интернетовского подъезда и ждут очереди. Ну, вот тебе разговор о чём-то. А собственно, как бы зачёт перед самим собой о сделанной работе. Зачёт, можно сказать, ты прошёл. Мне нравится в тебе, что ты вот не волнуешься, не переживаешь больше за судьбу романа. Ты понял, что тебя ведут. А коль ведут, куда надо, приведут.

У тебя достаточно трудоспособности. Трудиться надо. Я ведь тоже порой на неделю бросаю. Потом раз, и всё, раз – и всё. Сегодня уже дочитывал. И, знаешь, когда я читаю и уже больше не спотыкаюсь – всё! Где-то что-то я вставляю... Когда-нибудь прочитаешь, увидишь. Саша, я довёл его почти до совершенства. Почему почти? По-

тому что всё меньше времени остается до тех пор, пока увидят. Самое страшное для писателя, когда он открывает книгу свою и берётся за голову! Чего ж я этого не видел раньше? Самое страшное. Он должен открыть и на едином дыхании прочитать до последней страницы, и его ничего не должно царапнуть. Ничего! Ни одной лишней мысли не прийти больше, потому что все мысли уже пришли. О, как это я сделал! Вот какие мысли должны приходить. А не на каждом шагу за голову браться, думать ёлки-палки, как я этого не заметил?

Тут явно напрашивается: писатель не должен быть умён задним умом. Понимаешь? Всё должно быть, как я помню чудное мгновенье. Всё коротко и ясно. Если бы ты на это не был способен, я бы никогда тебе это не читал. По крайней мере, я не вижу здесь ни одного человека, которому всё это можно рассказывать. Писателей, так называемых. Понимаешь? Ты способен на труд. На тяжёлый, на длительный литературный труд. А как по-другому?

Сказки там пишут. Про Толстого, который там встанет, рюмку выпьет, поедет – попашет, а потом сел писать. Невозможно сочетать пахоту с литературным трудом. Это разные энергетики. У пахаря психология пахаря. У писателя психология писателя. Они не могут меняться, знаешь, как перчатки, одну снял чёрную на пахоту, выбросил, белую надел – и писать книжку. Человек рождается в одних перчатках и в этих перчатках и книгу пишет, и навоз выбрасывает.

- Так может он пахал не с психологией пахаря?
- Это невозможно.
- Взялся за рукоятки плуга и пошёл...
- Это так кажется. Ты не пробовал браться и пойти?
- А ты пахать не пробовал?
- Нет, пахать-то я не пробовал, но близок к тому был.

По крайней мере, с конём работал. И могу сказать, если ты с конём стал работать, да, какие-то отрывочные мысли при-

ходят, но это похоже уже на бред. Понимаешь? Почему? Потому что животное, природа вообще, она требует полной отдачи, с ней нельзя так, в полсилы. Вот так вот. Потом, если ты будешь ходить за плугом и думать про роман, у тебя никогда ничего не вырастет. Останется никчёмная, пустая борозда. Ты должен, ну, понимаешь, какой-то эликсир жизни расплёскивать при этом. Я не беру нечто вульгарное. Пахарь должен готовить всё. Каким-то образом вот то, что с тобой происходит на работе, на службе, это вполне вписывается в литературный процесс. Понимаешь? Это какая-то сторона литературного процесса. Где тебя учат ответственности за сказанное слово. Проблем чтоб не было на службе, сам знаешь. Попробуй, ляпни что-нибудь на службе. А с чего ты взял, что можно ляпать в романе? Не можем! Контроль ещё какой стоит. Ещё какой! Советская власть называла это внутренним редактором.

Но теперь я бы хотел побольше услышать о 48-й параллели. Я, конечно, сам об этом ничего толком не знаю, верю, что это так. Стоит глянуть на Запорожье... Почему меня мистическим образом постоянно тянет к карте? Почему я в каждую щель хочу проникнуть? Здесь больше видно, чем наяву, чем на местности. Почему... А почему простые карты таро, на которых нарисовано неведь что, они действуют мистическим образом больше, чем все эти явные короли. Почему?

– Таро... а ведь на таро есть такие предсказатели, что...

– А почему мы не имеем возможности, писатели, которые крепко прикрученные к 48-й параллели, не можем там увидеть больше, чем там есть? А мы видим. Я вот поставлю интернет и увижу ещё больше. Это не какая-то тоска и прочая. Нет. По прошлому. Это тяга к истине. Не более, не менее. Почему меня не тянет в Россию, в Мулино, где сержантскую школу заканчивал. А в Горьковской области, которая тоже описана... Почему туда совершенно не тянет? Никак. Хотя это ближе.

– Для меня – Самара, где военфак заканчивал. Самара, что она есть, что нет. Тьфу! А спроси, хочешь увидеть? Ну вот... Спроси, Володь, а хочешь увидеть?

– Хочешь, я знаю. Но... Тебя туда тянет. Бог тебе судья. Но ты сам толком не знаешь. Но в любом случае, вот ты понимаешь, какую карту тебе судьба подсунула! И заметь, ты ведь никогда не задумывался, она фактически находится на широте твоего дома. А ведь Рыбница, я уверен, один к одному сходится с Донецком, понимаешь, думается, где ты родился и где ты жил.

– Она проходит через посёлок Горняк. Я на этом посёлке и вырос.

– Вот как ты часть увидел, так ты должен всю эту параллель пройти сам. В каждый дом вглядываясь. Каждый домик! Вот надо, полдня потратил – выходного. Но посмотрел, никуда не отвлекаясь. Записывай. Всё, что приходит в голову, записывай. Вот, в блокнотики, знаешь – это целая глава будет. 48-я параллель. В интернете, да...

Нельзя, меня учили в журналистике всю жизнь, нельзя за усы притягивать, то есть, если тебе хочется «Сорок восьмая параллель» назвать роман, я считаю, что это гениальное название будет, просто гениальное, то надо это выписать в целую главу.

– Я вот сижу, думаю, это мне надо привязывать моего Гену Савватиева (главный герой романа-эпопеи) к Донецку.

– Зачем? Он должен туда приехать... Понимаешь, твой Гена давно уже в Донецк съездил. К Светлане, помнишь, ездил (моя двоюродная сестра, живёт в Макеевке под Донецком). Гена это был, к Светлане ездил? Когда к другу он приехал...

– «Письмо к другу», – это ж другой герой, другая повесть. Вон у тебя на полке стоит. А у меня Гена закончил Ленинградскую академию. Но надо будет переиграть.

– А что переигрывать? Он что у тебя не может в Донецк приехать, на 48-ю параллель?

- Тут надо подумать.
- Ну, всё равно он окажется на 48-й параллели. В Рыбнице. У тебя ж какой-то приезжает офицер с севера в Рыбницу? Герой.
- «На Белом море» – это Савватиев и есть.
- Не обязательно он должен пройти Донецк. Донецк может пройти другой герой, автор, в конце концов. Понимаешь? Почему автор, как у меня, не может параллельно появиться?
- Хотя ты прав. Ты прав... Но кого-то из Донецка я должен вставить.
- Да сам себя. Ты можешь кого-то другого.
- Кого-то вставлю.
- Тут-то ты уже можешь писать с себя сто процентов, обозначая персонажа автором.
- И какое имя персонажу. Может, Володя Брянский? Но как можно фамилию Подлузский менять на какую-то? Подлузский же – это есть Подлузский! И какую кличку придумать моему полковнику Евтодиеву (бывший начальник медицинского отдела УФСИН). Я склоняюсь дать ему фамилию Тодика. Могу в словаре молдавскую любую подыскать.
- Кстати, насчёт словарей. У тебя должны быть украинский, молдавский всё время под рукой. А вообще-то у тебя под рукой уже есть, в интернете. Но этим не злоупотребляй. Если уж сказал, особенно молдавский, то переведи.
- Или сносочку сделать.
- Сносочку делать обязательно.
- Тут с источниками полгода работать.
- А я постоянно работаю. Меня Димка научил. По фамилии Лобанов, между прочим. Так что ты к этому источнику тоже обращайся. Я как-то столкнулся. Звоню... Ты был, естественно (в служебной командировке)... Таня (моя невестка) дала любезно мне телефон. Это Владимир Всеволодович, друг Сан Саныча. Я хотел бы... А он меня, оказывается, тоже знает. Пожалуйста, говорит. И я у него быстро научился. Сын

твой говорит, я компьютер так изучил, когда писал диплом. Всё, молодец. Он у тебя такой немножечко с улыбочкой парень, но такой... Молодец.

– Отходит от меня...

– Ну, что значит, отходит? Человек взрослый, отец. Старший лейтенант уже. Это естественно.

– Да...

– У племянницы, у Вериной, Маши маленькой, уже 20 лет ей, тоже муж – старший лейтенант, они общались, тоже Димка. С твоим Димкой. Рассказывал Димка Машин. Этот спрашивает, твой Димка у этого Димы, откуда вы знакомы. С племянницей тёти Веры я дружу, жена его. Представляешь, блок какой. В жизни всё круглое. А в его, у этого Димки, у зятя, уже он, его отец, начальник милиции по Инте, полковник. А Димка уже заканчивает в Йошкар-Оле в Удмуртии институт заочно, ну... милицейский, старший лейтенант, в январе получил вот недавно. Сейчас в ОБЭПе служит городском. Сейчас у ребят – слышал? – будет выведение за штат всех.

– Весь личный состав выводится за штат для того, чтобы переименовать...

– Будут не милиционерами, станут полицейскими.

– И потом принимать на службу. Им сказали, ребята, чтобы не было зазора, заранее одни списки подготовить и вторые. Причём, юридически всё будет чётко, комар носа не подточит. Министерство ликвидируется, МВД? Или назовут по-другому. Но это будет другое юридическое лицо совершенно. С похожими задачами. Скажут, вот, у вас есть образование специальное? У твоего Димки как раз есть, поскольку юридическое, для следователя это идеально. Ну и вот, у нас зять милицейскую школу закончил, и сейчас институт милицейский заканчивает. Там потомственные. Твой уже вон как заматерел на этой службе.

– Так, пошёл ещё чайку приготовлю, Саша?

– Чайку? Да давай.

– Давай. Я сейчас. Посиди пока там. Что-то прохладно немножко.

– Так я бы не сказал. А вообще прохладно...

11 марта 2007 года

На этом запись прерывается. Я специально не корректировал, тем более не редактировал. Владимир Всеволодович умел говорить так, что в его устах речь получалась идеальной. Она изобиловала замечательными паузами, в течение которых происходило осмысление интонаций, с которыми он произносил то или иное слово, порой кажущихся неправильностей, но звучали как правильные! Слушать моего великого друга – это всегда вызвало интеллектуальное наслаждение. Даже голос его имел необыкновенные по мозаичности обертоны, в звучании которых всё высказанное воспринималось, как гениальное.

*Николай Александрович
Щукин*

Припомнилось выступление Подлузского на поэтическом марафоне. Тогда он уже был в немилости у местной литературной «элиты». Когда ему передали эстафету, что выражалось в накидывании на плечи белого атласного шарфа, руководители правления филиала СП по Коми откровенно встали и покинули зал. Унизили вроде как...

Добродушный и совершенно безобидный дедушка Щукин, в своё время известный коми писатель, борода совершенно белая, чуть ли не по пояс, в шут-

ку звали его наш Лев Толстой, зачем-то стал суетно бродить между стульев. Скорее всего, был ошарашен невиданной чиновничьей выходкой. Среди приглашённых зрителей, в основном студентов, часть которых господа чиновники показательно увели, возник гул. Владимир выдержал паузу, взял себя в руки, успокоился и начал читать так, как стихи Подлузского мог читать лишь один человек – Подлузский. Гул через минуту прекратился. «Лев Толстой» застыл на стуле и слушал, раскрыв рот. Тишина, только голос Владимира Всеволодовича. Волшебные стихи, волшебная сила искусства.

Прошли годы, великого поэта в миру уже нет. Как будто... Но он с нами, он со мной. Всегда и везде. И его гений всё также ярко освещает литературное пространство не только нашей республики, но и России ярким неповторимым светом.

Владимир

ЧТО МЕНЯ СДЕЛАЛО ПОЭТОМ

Медоносы

Рос я в брянском селе Рохманово, километрах в двадцати от старинного русского города Стародуб. Через соседнее Рюхово Карл Двенадцатый вёл свои полки на Полтаву. Мои земляки, тогда уже партизаны, основательно пропололи тылы хромого короля, и до сих пор на местном погосте ютятся холмики, называемые Шведскими могилами. В районном городе Унеча, крупном железнодорожном узле, Щорс формировал свое войско. Тут же в семье лесоторговца родился Блантер, автор нот бессмертной «Катюши». Село раньше принадлежало Украине, и гетманы его судьбу решали своими универсалами. После Гражданской воны Рохманово причислили к России, и возмущенные мужики на сходе орали: «Не хотим быть кацапами!..».

Не зря в селе редкая фамилия оканчивалась не на «о». Люд тут был ушлый. Местная средняя школа с начала прошлого века сеяла доброе и вечное. Каждая хата вскормила минимум одного питомца с высшим образованием. Летом в клубе молодыми голосами звенели буквицы именитых столичных вузов. Здешних учёных хватило бы на кафедру. А полковников – на целый взвод. Орденами только нашей

части села, именуемой в просторечии Хитрым хутором, можно было бы заполнить, как золотыми монетами, десяток ведёрок. Медалей и возом не утащить. Точно резвых карасиков, которых мужики в нашей речке Стечне, бегущей в Днепр, удачно ловили на хлеб вентерями, а пацаны их цапали простыми корзинками.

Старинных песен бабы знали великое множество. Роскошно пели и на престольные праздники, и на выборы. Мужики отчебучивали на бубнах и наяривали на гармошках. И на ошкуренных задами колодах тут же, в углу деревенской площади, резались в карты. Шум, гам, музыка, развлекающиеся саяны. Пограничная Россия! Рядом – Украина и Белоруссия. За ночь можно доехать до Польши и Прибалтики.

Порой кажется, будто под мою грядущую поэзию сотни лет лепились растущие под напором подземных вод холмы и плелись дивные дубовые и берёзовые перелески, вкручивая промеж деревьев неземные нити планид. С этих холмов прозорливцы, может быть, разглядывали не столь далекие золотые купола Киева и волны Черного моря и Азова. Именно здесь, наверное, и должен был родиться лирик, кого наши классики типа Ганичева и Распутина, именуют крупнейшим современным поэтом, а «Российский писатель» недавно назвал «новым русским национальным поэтом», взбаламутив тем самым весь честной литературный мир.

Моё село глухим никому не казалось. С обеих сторон в морозы через леса гудели поезда с донецким углём. Ревели паровозы пассажирских экспрессов. Истребители, взяв звуковой барьер, сыпали на него ошмётки фольги. В начале 60-х взметнулись редкие гигантские сосны телеантенн. Самый первый «Неман» засиял в школе. После занятий завхоз торжественно отмыкал специально сооружённый в ученической мастерской шкаф, и набившаяся в зал толпа сквозь яростную пургу помех пыталась разглядеть грохо-

чующую цивилизацию. А продвинутые пацаны просто промышляли в эфире, и краснозвёздный вертолет, кружа над селом, пеленговал и отлавливал радиохулиганов. В 68-м, чуть не за околицей, по лесной дороге Брянск – Гомель всю ночь на Чехословакию шли танки. А за крайними усадьбами в мощных трубах нефтепровода «Дружба» пульсировала русская нефть, закручивающая хвосты хромированных мустангов Дикого Запада. Поперёк продажных артерий шествовали стада, оставляя

запах молока и свежих лепёшек. А позади с кнутиком раз в месяц плёлся я, отрабатывая семейную пастушью очередь.

Деревенским, в смысле крестьянским, я, конечно, не стал. Хотя с самых ранних лет помогал родителям-учителям во многих сельских работах. Особенно весной и осенью. Было это, как сказали бы земляки, муторно, но необходимо. Огород, да ещё с «дорезком» за километр от бревенчатых пенатов, сарай с коровой, кабаном, курами, утками, погреб с соленьями, сад и пасека нам помогали выживать. Вокруг ульев выгуливал лозу невиданный в округе кислый виноград, а у плетня заворачивали взор и нюх деревца сладкой шелковицы. То здесь, то там пёрли к небу дерзко пахнущие медоносы – мелисса и мята. Охажки малины, смородины и крыжовника. Вишни, сливы, конопляник и облепиха сторожили межи.

Я и сам постоянно стоял на условной меже. С одной стороны – кипучая деревенская жизнь, где каждый пау-

*Великому поэту три годика,
уже умел читать*

*Рохманово,
школьные годы*

чок знает, как ему лучше скрутить крепчайшую паутинку. С другой – мой образный мир, украшающий самые обыденные предметы. И я фотографически впитывал чарующие картины, когда над нижним пенным ярусом сада исходили соком волошки, тумановки, белый налив, французские груши и «глечки», сводящие с ума мириады цветных насекомых. Вслушивался то в мерное, то в нервное гудение пчёл, которые однажды во время взятка взбесились и «зарезали» наших собак.

Вся эта противоречивая роскошь, переходящая порой в опасность, требовала повседневного ухода. Особенно доставали копка картошки и вывоз на санках глыб снега из пасеки. Для мальчишки, который мечтал стать поэтом, а грезил я лирой с пяти лет – с тех пор, как отец, в прошлом кадровый офицер-контрразведчик, научил меня читать и писать, трудовой календарь был сущим наказанием. По крайней мере, мне так казалось.

На каникулах немного подрабатывал в колхозе. Заготавливал сено на лесных угодьях. Стаскивал копны к стогу конной волокушей. Не денег ради, платили копейки. Чтобы родителям дали сенокос для бурёнки Галки.

До школы в сельской библиотеке я прочитал сотни три детских книг и всё чаще покушался на отцовские, которые тот поглощал с завидной быстротой. А я лежал на кровати и тоже читал через папино плечо. Иногда обгонял отца, нетерпеливо ожидая, когда тот перевернёт страницу.

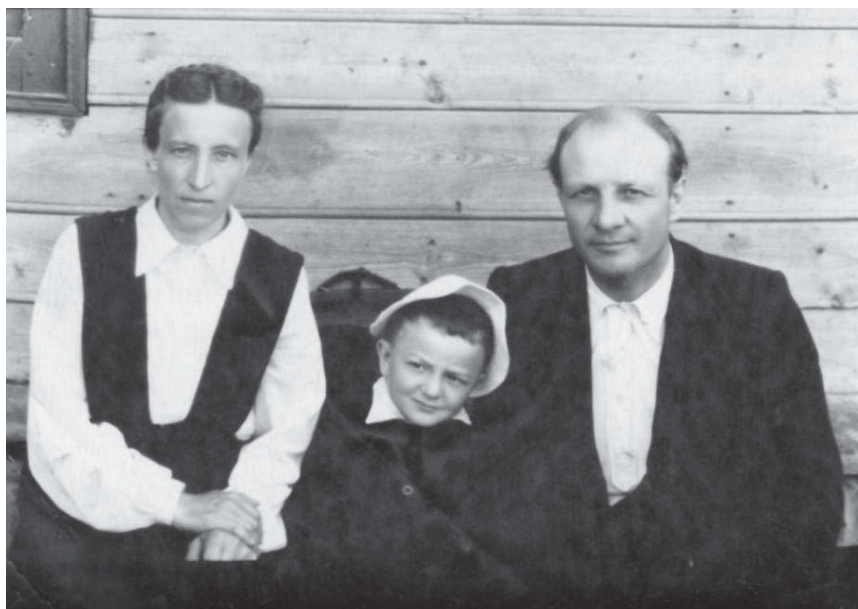
Мощным источником воздействия на юную натуру была и улица с её безудержными порывами сексуальности и разлитой в лунном воздухе мистикой. С рассказами об огненных колёсах, коромыслах и расхаживающих на задних лапах огромных чёрных котах. И нашей бывшей соседке, прилетающей с кладбища в свой пустой дом.

Первые стихи я написал лет в восемь с мамой вдвоём. О зиме. Но строчки, на которых настаивала мама, мне сразу не понравились, хотя я их до сих пор помню. Осмысленные стихи стали появляться лет в четырнадцать. Уже тогда я влюбился в поэзию Есенина, близкую мне по духу и ощущаемую каким-то шестым чувством.

А чувством этим, думаю, было православие. В два года меня крестил в своём приходе родной дед Пётр Дружинин, священник, в 30-х по доносу попавший на Беломорканал и освобожденный лично Сталиным, с которым по желанию вождя во время приезда того на стройку Петр Матвеевич имел весьма откровенную беседу. После открытых упрёков всесильному Иосифу дед ждал расстрела, а его амнистировали и направили в хороший приход, в брянский посёлок стекольщиков Бытошь. Об этом я писал в своих стихах. О том рассказано в моём романе в стихах «Тарас и Прасковья».

*Встреча с земляками
в библиотеке
Рохманово*

*Владимир с родителями,
Натальей Петровной и Всеволодом Николаевичем*

Дома в шкафу мама прятала семейные иконы. Их не раз пыталась обнаружить учительская шайка-комиссия, состоящая из алкоголиков и воров с партбилетами. Все они кончили плохо. На Пасху, часов в шесть утра, к нам бабки заносили освящённые куличи, яйца и прочие яства, побывавшие уже ночью за десять вёрст, в Яцковичском храме.

Там же, по-моему, в детстве крестили маленькую Людмилу, тогда еще не Путину. Отец её из тех мест. Праздник Воскресения был для меня самым любимым и таинственным, окрашенным в солнечные и меловые, с синькой, тона. А солнышко так и играло в разноцветных яичках, которыми потом на цвинтаре, бывшей храмовой площади, мерялся с мальчишками на взбитки.

Позже я многое узнал о своих предках. По бабушке, Марии Тимофеевне Красновской-Дружининой – учителях

и священниках. Её родные братья, Николай и Александр, учились в Нежинской духовной семинарии вместе с будущим известным украинским поэтом Павлом Тычиной. Трое парубков каждое лето приезжали в Рохманово на каникулы. В домашнем архиве сохранилась фотография. Молодые, красивые, интеллигентные. Павло даже безуспешно сватался к Марии. Моя мама, Наталья Петровна, за одной партой сидела с Дмитрием Дудко, знаменитым русским священником и проповедником, жившем в Москве, но под конец жизни основавшим в родном соседнем селе Березина-Зарбуда церковь, на строительство которой я, находясь на Брянщине в отпуске, дал монашкам тысячу рублей.

Дальний прямой предок моего отца, Всеволода Николаевича, Пахомий Подлузский был ещё в конце 17 века четвёртым по счёту ректором престижнейшей Киево-Могилянской академии, из которой вышел цвет восточнославянской науки и литературы. Двоюродный дядя отца (по моей второй бабушке Анне Власьевне Протченко-Подлузской), академик Иван Филиппович Протченко был редактором советских орфографических словарей. Он даже даровал моему отцу после школы ботинки, и тот поехал учительствовать в лесную мглинскую Луговку. Там рядом вырос хутор Подлузский, в окрестности которого любила ездить на пикники не чуждая походов партийная элита.

Печататься я начал рано, где-то в пятнадцать лет. Сразу и стихи, и первые журналистские материалы. Написал в девятом классе очерк о своём учителе и принёс в редакцию Унечской районной газеты, что на Брянщине. Ответсекретарь Пётр Чубко посмотрел и воскликнул заму редактора Александру Бовтунову, сидящему напротив:

– Саша, смотри, какой талантливый парень!

Очерк опубликовали. А потом вышла подборка стихотворений в «Брянском комсомольце».

*Семья Подлuzских в саду,
с. Рахманово, 1962 г.*

После школы я отправил документы на журфак МГУ. И, наверное, поступил бы. Ведь школу закончил с похвальной грамотой. Медалей сельским ребятам не давали. Золото расходилось среди детей райпартактива. Но, заполняя в университет документы, я по-комсомольски честно указал, что дед у меня священник. Хотя к тому времени и покойный. Такая правда на много лет закрыла дорогу на журфак. Предстояла длинная тернистая стезя в литературу. Я был готов к любым испытаниям. Укрепляла всесиль-

ная уверенность, что буду журналистом и поэтом. Душа подсказывала.

Экзамены, конечно, мне «помогли» провалить. Начиная самостоятельная жизнь. Забегая вперед, скажу, что журфак я всё-таки закончил. Питерский. В сорок лет. С красным дипломом. Правда, надо было пересдать один экзамен. Помог мне в этом очень интеллигентный и немногословный однокурсник Олег Путин, уже получивший до университета два диплома и поработавший на Контору в Скандинавии. Его двоюродный дядя Владимир Владимирович трудился тогда помощником ректора по международным делам, а потом стал первым вице-мэром Санкт-Петербурга.

Из других близких университетских друзей больше всего помню профессорскую дочь Анну Питкевич, которая вышла замуж за сына двоих профессоров и стала Анной Амель-

киной. Это имя долго гремело со страниц «Комсомолки». Ее в «КП» даже признавали лучшим корреспондентом года. Сейчас Анна – пресс-секретарь головного банка «ВТБ-24». Писала мне по электронной почте, что работает над книжкой «Люди в банке». По дороге на работу в метро (свою машину из-за пробок оставляет у станции «М») любит читать Гончарова. В электронной книге.

Преображение

Любезный Пётр Никитич Чубко позвонил в Погар, и вчерашнего школьника согласились взять в газету «Вперёд». И вот я, семнадцатилетний, в Яблочный Спас, ещё не зная, что по-другому он – Преображение Господне – дождливым утром нахожу за фигурной дубовой калиткой с клямкой белую редакцию. Погар – маленький русско-хохлацкий городок, славный сигаретно-сигарным комбинатом, чьи буржуйские скрутки курил сам Черчилль, а пролетарскими сигаретами баловался Брежнев, и ядрёной усатой цыбулей. У ветных дородных хоромин с верандами погарцы, прозванные рубцами, сеют не картошку, а лук. Его по ангельской цене, вызывая ажиотаж, закупает консервный завод, чтобы потом по дешевке отправить на Север. Многие на слёзном овоще становятся богатеями. Покупают машины, мотоциклы с колясками, набивают книжки. По улицам бродят живописные дивчины, породистые дядьки, прокуренные тётки-сигарницы, нажива и лёгкая коррупция. Из открытых окон строчат швейные машинки.

Запах, особенно в непогоду, везде соответственный. Как от питуха из булдыря, затесавшегося в универмаг. Однажды я видел, как пьяный мужичок вечером катил на драндулете по Погару и всю дорогу сквозь дырчатый багажник из авоськи сеял украденные на комбинате сигареты.

А люди тут весёлые, радушные. Разносят по яблоневым улочкам смех, переходящий порой в казацкий хохот. Уборщица отвела меня к тётке Наде, которая держала квартирантов. Мест не было, и мне предложили красный деревянный диван у входа, более похожий на лавку. Постели не дали. Кантуйся пока тут.

Потом я ходил по адресам. Везде отказывали в жилье. Запомнился ухоженный, весь в цветах, дом, напоминающий терем, а изнутри похожий на церковь. Зал перегорожен самым настоящим иконостасом. Горели лампадки. Пахло непривычно грустно. «Ой, не жить тебе, Володя, тут»...

Примерно через неделю к Надежде пришла седоватая женщина в потёртом сизом пальто и предложила перейти к ней на квартиру. Софья Ильинична была в войну партизанкой, дочкой комиссара. Говорила, что в отряде всегда носила гранату, чтобы подорваться в случае чего. Трудилась в Водоканале. Жила с сыном Сергеем. Двое старших женатых сыновей обитали в Питере. Мне отвели горенку с иконами, одна из которых, по рассказу Софьи Ильиничны, в канун моего прихода обновилась. Осветилась и засияла первозданным светом.

Однажды я утром проснулся, а надо мной стоял мужик с топором. Бывший муж Софьи Ильиничны, которого она за глаза величала Хохлом. Я выскочил в окно и помчался в милицию. Там посмеялись: «А, Гришка чудит...»

Запомнилась первая командировка. Совхоз «Чеховский». Парторг Владимир Ильич возил меня по деревням. Показывал, комментировал, хитро щуря золочёные очки. Поразила деревня Берёзовка. Гористая. Какая-то крутая. Через годы я узнал, что там родилась моя мама, когда дедушка в тех краях служил батюшкой.

С кем бы я в Чеховке и Берёзовке ни встречался, поражался русскому гостеприимству и благоговению перед словом вообще и поэтическим в частности. Девушка из сельсовета подарила областную молодежку с моими стихами.

Сейчас вот думаю: а вдруг её бабушку в младенчестве крестил мой дед, Пётр Матвеевич? Пришло время благодарности поповскому внуку.

А в армии была ещё одна Берёзówka. С ударением на третьем слоге. Городок в Одесской области, где наш дивизион в канун крупных учений выдраивал целый населённый пункт перед прибытием маршала Якубовского. Той командировке я посвятил главу в «Тарасе и Прасковье».

С третьей Берёзовкой столкнулся ещё через двадцать лет. Но уже в Пермском крае. На эту речку с пудовыми щуками меня вместе с петербургскими радиологами забросил «Ми-8». Учёных, всю жизнь искавших урановые жилы, интересовало атомное озеро, образовавшееся у Берёзовки от подземного взрыва трех ядерных бомб. Я оказался первым советским журналистом, побывавшим на том месте, где академики и маршалы в 72-м, когда я рыл инженерные траншеи под Одессой, пытались развернуть Печору на юг, копая дьявольскими зарядами ей новое русло.

По бурелому журналист Коми профсоюзной газеты, как все, таскал тяжеленную аппаратуру, отдалённо напоминающую артиллерийские дальномёры и теодолиты, знакомые по армейской службе. Только они, в отличие от военных ДАКов, подпитанные здешними изотопами, жужжали, как пчёлы, готовые зарезать Каштана и Шарика. Почивал я в спальном мешке у костра на ельнике. С топором под боком. От медведей.

*Владимир на учебном полигоне
Мулино. 1971 г.*

Знаки и символы, как теперь понимаю, с детства окружали меня повсюду. На Чистый четверг русская девушка Мария привела в Погарский собор, перестроенный при поляках в костёл, а после подвига нижегородских ополченцев вновь – в православный храм. (Кстати, Погар назван в честь князя Пожарского, чьим владением раньше и числился. До 17 века его именовали Радогощь. Имя до сих пор вызывает трепет у историков. Тут бывали многие русские деятели. Например, Юрий Долгорукий и Александр Меншиков).

Маша позвала просто посмотреть. Не скажу, что служба впечатлила. Скорее, напрягла. Вышел с ощущением, что побывал в ином колеблющемся измерении, где не очень уютно. Пасхальных уроков оказалось мало, чтобы пареньку из партийной газеты вдохновиться храмовой радостью.

Через Погар не раз проезжал Гоголь. Говорят, знаменитую лужу он как раз подсмотрел тут, а не в Миргороде. Охотно верю, вспоминая дорожное жирное месиво, из которого, должно быть, черти отливали свои котлы.

Из городка, мимо табачных, луковых и свекловичных плантаций, вёл двадцативёрстный шлях прямо в Новгород-Северский, где князь Игорь собирал в бессмертный литературный поход свой полк. В столице княжества я так и не побывал, хотя в Москве не раз садился в одноименный поезд, но всегда сходил по дороге. Зато газетная работа в былых Игоревых владениях научила особому языку и традициям.

В университете, например, мне удалось приоткрыть одно из тёмных мест в «Слове о полку Игореве», чем я несканно обрадовал Милену Всеволодовну Рождественскую, дочь поэта Серебряного века, сопровождавшего из Питера в Москву гроб с телом Есенина. Профессор, ближайший помощник Дмитрия Лихачёва, преподавшая нам древнерусскую литературу, не раз трёхлетней девочкой сидела у Сергея Александровича на коленях. Узнав, что я работал в Погаре и Мглине, указала на строку: «На болони бѣша дебрь Княня». Над ней, мол, ломает голову весь Пушкин-

ский Дом. А мне эту строчку за дружеским ужином объясняли учителя из мглинских Красных Косаров. Дескать, по замерзшему болоту поздней осенью мужики косят сено. Милена Всеволодовна ахнула и помчалась через линию в старинный особняк со священными рукописями «просвещать» Лихачёва. С тех пор, говорила она мне, одним тёмным местом в гениальном «Слове» стало меньше.

Главное, чему я научился в свой первый журналистский год, конечно, не писать. Тому учатся всю жизнь. Господь сподобил меня довольно правильно воспринимать жгучий поток разношёрстной информации. Район был передовой. С богатыми землями и чудесными людьми. Со сказителями, утверждавшими, что в окрестных болотах утопла золотая карета Наполеона. С живыми героями Советского Союза и социалистического труда. С гоголевским, что ли, очарованием человеческих отношений. Поэтому я сочинял не только статьи, но и стихи. Пусть не всегда совершенные, но искренние. Строил часто их по принципу есенинских корабельных образов. Многоступенчатых и многомерных.

К своим героям я добирался на «Аннушке», «кукушке», попутках, мотоциклах, телегах, казённых «газиках» и своих двоих. Ночевал на тряпье, лавках, канцелярских столах, топчанах и кроватях с электрическим подогревом. В зависимости от ума, рук и статуса хозяина. Журналистов тогда любили и старались приютить и угостить от души. Особенно вкусно и сытно кормили в семьях сельских специалистов. Их жёны знали толк в блюдах. Люд не чурался бесед, пересыпанных говорком, которого и у Даля не сыщешь. Выслушивал местных гениев и откровенных безумцев. Газета «Вперёд» и стала моим первым университетом, в котором я учился, думая, на твёрдую «четвёрку».

Бывали и курьёзы. Однажды весь тираж с моей заметкой о юной Кате-шофёре бросили в редакционную топку. При правке в спешке выбросили пару линотипных строчек про полуторку. Корректор и дежурный литсотрудник, так на-

зываемый «свежий глаз», «очепятку» не заметили. И Катя превратилась в тренажёр для старшеклассников, изучающих машиноведение.

Куратором в редакции у меня был Анатолий Згонник, успевший к тридцати двум годам отслужить на флоте, закончить Белорусский университет и по тревожной повестке отправиться в только что созданную газету Группы войск в Чехословакии. Он и прислал мне в Брянск телеграмму (там я учился на месячных обкомовских курсах) о призыве в армию. Кто-то в таких случаях пьёт горькую, а я ночь напролет читал «Щит и меч» Вадима Кожевникова. Между прочим, фильм по этой книжке, по признанию Путина, стал для будущего разведчика судьбоносным.

Потом – проводы в армию, и старлей запаса Згонник на полном серьёзе сказал:

– Встретишь в армии офицеров – участников чехословацких событий, передавай привет. Они должны помнить меня по газетным очеркам. Действительно, встретил и служил в Запорожье в артдивизионе подполковника Николая Михайловича Погорелова, героя одной из публикаций Анатолия Згонника. Комдив, помнится, сильно удивился привету из горячего 68-го. Прихрамывающий после Праги, он время от времени меня по-отцовски поругивал за дембельские проделки, но как-то, прочитав уже мой очерк об учениях в газете Одесского военного округа, сказал:

– Быть тебе, сержант, политобозревателем!

Отвлекусь и скажу, что в конце 90-х я работал редактором Коми регионального приложения к «Аргументам и фактам», и их главный редактор, легендарный Вячеслав Старков, предлагал мне в Москве именно эту почётную должность.

Воспоминания о подполковнике Погорелове, других офицерах и солдатах дивизиона стали творческим толчком для создания романа в стихах «Тарас и Прасковья», который за пять месяцев только в Интернете прочитали около ста тысяч человек. Прообразами стали реальные люди, встреченные мною в Погаре и других брянских городках. Особенно, в Климове и Мглине. Но у Тараса и Прасковьи масса прототипов. Особенно у Прасковьи. Журналистика дала возможность десятками лет изучать быт и характеры тысяч людей, которым находилось уютное место не только в очерках, но и во многих стихотворениях, поэмах, романе.

Каждый брянский район, где я поработал, мне что-то дал. Погар – первые уроки профессии и христианства. Мглин – половодье чувств. Климово – широту пограничных славянских характеров. Комаричи – очарование полустепи. Суземка – предощущение сходящего с пьедестала Богдана Хмельницкого. Потрепанная атомом Гордеевка – пафос преодоления Чернобыльской катастрофы. Чем краше и богаче удавались места, тем сильнее и яростнее их щипали изотопы. Ученые трюндят, что те не имеют цвета, вкуса и запаха. Это не так. На губах чуешь привкус тяжелых металлов. А их молекулы сверкают на солнце искорками. Ко всему, НЛО везде шныряют. Даже из озер выпрыгивают. Зелёные человечки в скафандрах к бабкам заглядывают. Сны вещие снятся. Старухи бают, что очередной парад на Красной площади Гагарин принимать будет. Радиация, господа, не фунт изюма. А нечто промежуточное. Межа...

Я всегда преображался от соприкосновения с солью земли нашей – лучшими людьми, которые помнили, что ходят под Богом. А когда они пытались вильнуть налево, их обяза-

тельно настигала кара. Истина особенно ясно видна репортеру районки, живущему рядом со своими героями. Не ангелу, а обычному человеку со страстями и искусами. Каждый шаг как на ладони. Слух обгоняет. Ты на порог редакции, а у профсоюзных активистов улыбочки. Знаем, мол. И вот пульсируешь в этой радужной капле России, именуемой районом, влюбляешься, разочаровываешься, набиваешь шишки и создаёшь нечто, что иногда становится хорошей литературой.

Розовая тройка

С детства я мечтал побывать в Михайловском и Константинове. Увы, благословенных мест увидеть не довелось. Хотя на поезде переезжал через Оку, уже поцеловавшую есенинскую Мещеру, и следовал через Пушкин, где в бытность города Царским селом, проказничал великий лицеист.

Заносила сюда судьба и военного белёсого санитаря, которого ждали для беседы царские дочери. А потом из серебряной ложечки угощали сметаной.

Отметиться удалось только на могиле Сергея Александровича. Да из университетского окна видел старое здание гостиницы «Англетер», которую неотроцкисты вскоре взорвали.

Зато часто ходил мимо ректорского флигеля, где родился Александр Блок. На памятные двери либералы любили клеить свои листовки. На Смоленском кладбище бывал под могучим тополем с окисшей бронзовой табличкой, утверждавшей, что здесь лежит бледнолицый символист. На самом деле, прах Блока давно перенесли на Литераторские Мостки.

У поэта явно есть потусторонняя потребность общения с тенями лириков, ставших памятниками. Чувство выше жажды славы. Оно сродни особой религии, которую исповедуют только посвящённые.

Из современных больших поэтов лично встречался только со Станиславом Куняевым, ну и около двух десятков лет дружу с Надеждой Мирошниченко, ученицей Станислава Юрьевича.

Что же такое поэтическая судьба? Вещь заманчивая, таинственная, обитающая на грани многих миров и ни в одном из них не живущая. Любая привычная схема, порядок, формула и закон напрочь разрушают царствие Слова, оставляя лишь его обесцвеченную скукожившуюся оболочку. И поэтому даже обычная газетная работа, энергетически близкая поэзии, выталкивает творца из колеи, как стихотворный размер исторгает из строфы чужеродное словцо.

Настоящий поэт чувствует свое предназначение с младых ногтей. Я был мечтателен; во всем, например, в росе, видел чудо. В деревне подобные чудеса на каждом шагу. В пять лет с раннего утра я гонял за пару километров уток в урочище Поплово, попастьись на ржевнике. И однажды туда приперся самый настоящий волк. Я поднял хворостинку и произнёс тут же придуманное заклинание. И зверюга... исчезла.

Как-то вечером пас после дойки корову на лужайке, откуда было рукой подать до погоста. Вдруг с кладбища в сад умершей соседки прилетела большая белая тень. Наутро мама мне сказала, что во Фросином саду нашли платок, в котором гулящую бабу похоронили. А люди ещё несколько лет шептались, что мамка моего друга Мишки их преследует по ночам. Мишка тоже намекал. Со временем такие рассказы стали основой для некоторых моих произведений. В частности, поэмы «Русская труба».

Долго ни о ком кроме Есенина я слышать не хотел. Обижало, когда мама мне заявляла, что розового коня не бывает. За нашим огородом стояла колхозная конюшня. Перед весной жеребцы буйно гоняли кобыл, и порой прямо в кухонное окно удавалось подсмотреть картинки, о которых

детям говорить не принято. Кони мастей были разных, но розовых точно не видел. Хотя и свято верил, что они бывают. И вот в радиационной Гордеевке мне сказали, что в полночь по главной улице там пролетает тройка розовых коней, запряженных в карету. А на огородах откуда ни возьмись появляется чёрная привязанная коза, также внезапно исчезающая.

Из религиозной и мистической сферы поэзия и зарождается. Когда она проистекает из государственных и партийных установок, появляется вполне профессиональная, но опасная для психики читателя тягомотина, обзываемая идеологией. Автор может быть державником, истинным поклонником очередного цезаря, как бы его ни называли, но он не поэт. Читатель от его виршей часто скатывается к неверию. Таков диагноз советского человека, от которого как-то стыдливо припрятывали Есенина и Рубцова, способных его вернуть к истинам русской жизни. Тогдашняя дерусификация общества обернулась трагедией. Обездоленная душа исказилась. Она уже не в состоянии была вобрать чувства добрые, пробуждённые лирой. Под завязку нахлебалась порционной несолёной каши из высокопарных, не поддающихся размолу и размягчению слов. Невкусных и несъедобных. Хотя с точки зрения записных теоретиков – точных и правильных.

Помнится, в ночной холодной электричке я спрашивал у брянского поэта Виктора Макукина, учившегося в Литинституте на одном курсе с Николаем Рубцовым: «Витя, вы хоть понимали, с кем ходите рядом?». «Да ты что, Володь! Конечно, нет. Все стихи писали. Все гордые были». А ведь Виктор, как и его тогдашний дружок, детдомовец. Вместе их изгоняли с очного за дружеские попойки и вместе восстанавливали на заочное.

...Ехали мы с Виктором после выступления на Лопандинском сахарном заводе, что на границе Брянской и Курской областей. Запомнилась огромная серая сахарная пирамида

метров в двадцать посреди мрачного цеха. А вокруг мельтешили работяги с такими же серыми лицами. Вскоре они пришли в Красный уголок и слегка оживились от стихов. Истомленным «сладкой жизнью» людям дали щепотку соли. И они пришли в себя. Порозовели. Похожую гору, только из клубники, я видел в Климово. Вот бы тамошним варщикам джемов тоже преподнести кисленькую ягодку. Авось бы очухались. Много клубнички – ой как вредно для здоровья. Мечтал же о колодезной воде знакомый директор Творишинского спиртозавода, обставленный проклятыми колбами со свежими образцами.

...Мы часто говорим о едином духовном славянском пространстве. Символом его стал Монумент Дружбы на границе России, Украины и Белоруссии. Там ежегодно проходят потрясающие фестивали, где бывают лучшие коллективы из братских стран. Туда прилетали Патриарх Кирилл и Владимир Путин. В своё время как журналист Климовской районки побывал там и я. Написал статью «Цветы бессмертника». Её тут же, переведя на национальные языки, перепечатали пограничные украинские и белорусские газеты. Запомнилась командировка и обедом в доме директора местной десятилетки. За доброй чаркой мне рассказали, как юрковичские педагоги учат ребятишек из украинской Липовки, а тамошний богатый магазин потчует русское село гарным маслицем и разными деликатесами.

Об этом вроде простом факте я постоянно размышлял, работая над романом в стихах «Тарас и Прасковья». Такие связи никаким политикам уже не разорвать. Они, как рифмы, держат поэзию славянской жизни.

СКАЗ О РОМАНЕ В СТИХАХ

Эссе

«Тараса и Прасковью» писали тысячи брянцев и запорожцев. Я их только чуть-чуть отредактировал.

Икона осветилась

Тогда я был млад и глуп. Честолюбив. Как все поэты, гонялся за славой. Под лёгким хмельком на берегу могучей северной реки, куда я только что перебрался из брянской Гордеевки, в творческом запале рвал советские «синие» деньги и обещал будущей жене написать громкий роман. Надеялся, что выйдет проза. Под статью шолоховской. Через три десятка лет зазвонили, сначала глухо, как из-под льда хариусной Ижмы, притока Печоры, колокола поэзии. Музы давали о себе знать всё звонче и звонче. Звучали уже с буй-

ных порогов Днепра у Хортицы, где я служил полтора года сержантом и встретил многих своих будущих героев. Под стать... Ну, сами решайте – кому.

На месте промёрзшего пустыря, на обрывках посеянных трояков, вырос сельхозбанк. В нём потом в сладком чине бухгалтера пересчитывала приваловские и прочие миллионы подруга жены. А однополчане иных времён, как я и предсказывал в «Тарасе и Прасковье», стали из гаубиц и миномётов обстреливать соседние с Запорожьём города и станицы Донбасса.

Ещё колокола мне пели про брянских красавиц, одну из которых я собирался выдать замуж за лихого парубка из приднепровских степей. Перебрал их в памяти добрую сотню, но ни одна не подходила под образ задуманной мною Прасковьи Шипикиной. Имелись лишь крохотки нужной внешности и внутреннего обаяния. По замыслу, героиня должна была стать литературной Параскевой-Пятницей, дочерью брянской партизанки и лётчика, полковника-фронтовика. С полувековой книжной судьбой, начавшейся в начале семидесятых в возрасте семнадцати-восемнадцати лет и дошедшей до почтенной, всё ещё красивой матроны, дождавшейся уже в наши дни внуков. Объединяющей черты известной православной святой и живой русской девушки, родившейся на Брянщине, у границы с Украиной. Лучше всего в Климовском или Погарском районах, хорошо мною изученным по работе в местных газетах.

В Пашины матери с русским именем Арина вполне годилась моя бывшая квартирная хозяйка из Погара Софья Ильинична Федосеенко, дочь комиссара партизанского отряда имени Чапаева и Александра Васильевна из унечского Рохманова, тоже партизанка, заведующая фермой. Родная сестра легендарного директора Брянской филармонии А. В. Шаповаленко. Некоторые черты взяты у старой разведчицы из климовского Разрытого. О похожей бабушке я писал очерк в Мглине.

Кое-что в образ главной героини внесли юные обитательницы тех районов. Однако самые красочные мазки внезапно добавила подлинная Любовь Б. из Запорожья, с кем лет десять назад как-то вдруг подружились на Майле. Корни её из Климова. Бабушка Любы осталась круглой сиротой. Маленькой девочкой годика в четыре вместе с чуть старшим братом они пешком отправились в Киев к тётке. Я не могу представить – как, но они дошли, преодолев более двухсот вёрст. Брянский характер.

Через годы внучка Люба оказалась на запорожской земле и вышла замуж за козака. Сама стала лихой и оказанной. Она может, вытаскиваемая змеями, плыть вблизи Хортицы по Днепру. Может взобраться по скользкой глине на крутую скалу кошевого атамана Ивана Сирко, обладавшего, по преданиям, сверхъестественной силой (характерник, маг, колдун). Наказывающего всех, кто решается потревожить полковничий покой. Живёт Люба в квартире с видом на Днепрогэс и даже пару лет назад согласилась за не такие уж и большие гривны выкрасить плотину в цвета триколора. Прямо промышленная альпинистка. В юности ведь была парашютисткой. Как и Прасковья. Держит небольшую лавку, предлагая форменным оселедцам и усам трубки, чубуки, тютюны.

Тут пути прообраза не сильно расходятся с персонажем. Владелицей элитного именного ателье, шьющего известным киевлянкам русские сарафаны. Неизменной патриоткой России, гордящейся сыном, марширующим Девятого мая по Красной площади. Впрочем, и Люба не потеряла генной русскости, брянскости. Охотно с мужем взяла в скорый поезд на вокзале дитё у совершенно незнакомой женщины, умоляющей забрать с собой её маленького сына, чтобы увезти подальше от только что нагрянувшей чернобыльской беды. Сама мама выехать не могла. Взяла у четы лишь адрес. Появилась в Запорожье через месяц. Естественно, эпизод отлично вошёл в авторскую характеристику Прасковьи.

Добавлю, что мальчика звали Тарас Шевченко. Полный тёзка Кобзаря. Если помните из одного из моих эссе, такова девичья фамилия супруги моего однополчанина Николая Самсоненко. О чём я узнал года через три после выхода романа. Как и то, что у неё есть цыганская кровь. Цыганка в роду была и у моего героя Тараса Уса. Даже танцевала перед Пушкиным в Бессарабии. Скажете, случайно я так написал? Не соглашусь.

В гостях у супругов Самсоненко их невестка Татьяна, филолог, спросила: «Как же вы смогли всё предугадать»? Я молча указал пальцем в потолок. Мол, всё пришло сверху! «Это заколашивалось Слово На святого Летнего Николу». (То есть роман я начал писать 22 мая 2006 года). Так подчёркивается в стихотворном прологе. Когда я впервые читал начальные страницы романа, где несколько раз упоминается Николай Угодник, то слушавшая меня на Брянщине по телефону двоюродная сестра, у дома которой, как у бабы Ванги, в те годы со всей страны на машинах собирались толпы, желающие получить душевное и физическое исцеление, воскликнула:

– О, икона Николая Угодника осветилась!

Работа над романом закончилась в Духов День 4 июня 2012 года.

Шёл я в церковь за святой водою
Меж постриженными тополями.
Вслед калеки под руку с бедою
Радостно стучали костылями.
Может быть за то, что с Николаем
Восходил мучительно я к Богу,
Мир на Духа показался раем,
Снизшедшим в праздник на дорогу.

Эти строки в романе поставили точку.

Отец Роман

Когда я лежал под наркозом после сложной операции в реанимации и врачи ничего не гарантировали, жена взяла из моей палаты рукопись «Тараса и Прасковьи» и пошла в церковь. Обратилась за помощью к священнику. Тот ответил, что всё в воле Божьей, но рукопись благословил на издание в Сыктывкаре. И тут жена, вздрогнув, услышала обращение служки к иерею:

– Отец Роман!

Позже уже сам сходил за благословением к нему, а по издании подарил том, на голубой обложке которого (любимого цвета Богородицы) образы любимых моему сердцу Тараса и Прасковьи, подсказанные автором художнику Алексею Попову (!) до мелочей. Между ними вдали православная церковь.

Стоит ли говорить, что через день после окончания романа ко мне на Пушкинском празднике подошёл очень известный в Коми бизнесмен и меценат Николай Николаевич, лауреат почётной греческой премии за открытие в Элладе залежей марганца, и без подготовки сказал:

– Сбрось мне на электронку роман. Я прочитаю. – Сам русский поэт, блестяще закончивший аспирантуру МГУ, он вскоре пригласил меня к себе домой и за дружеским столом заявил:

– Я издам твой роман. Подготовь расчёты и укажи издательство. – Кто его надоумил, тоже знаю. (Двоюродная сестра просветила). Да и вы, надеюсь, сами догадываетесь.

Знакомство Тараса и Прасковьи предрёк Паше в первой юности забредший в их дом шарманщик, обладающий способностями волхва. Видать, он знал, что их дальние предки познакомились под Стародубом в военных стычках со шведским войском, спешащим к Полтаве. В другом поколении будущие родичи дружат уже во времена Переяславкой Рады. Как говорят на Брянщине, любовь моим героям была нако-

нована. И они познакомились. В Брянске. Там Тарас служил после окончания Мулинской сержантской школы. На одном из местных заводов. В медпункте. Солдаты тогда при случае нередко, с выгодой для части, помогали рабочим. В основном тяжести таскали. Вот Ус слегка и надорвался. Поясница стрельнула. Фельдшер Прасковья Шипикина, мгновенно его узнав по описанному шарманщиком портрету, обильно, можно сказать, от всего сердца, вымазала будущему жениху йодом спину. Самому bravому сержанту показалось, что мазала не йодом, а мёдом!

Словом, брянская краса зацепила казака. Да и сам Тарас уже не раз видел суженую во сне. У русской Прасковьи и украинца Тараса двое сыновей. Каюсь, Остап и Андрей (подобно героям эпического романа Н. В. Гоголя «Тарас Бульба»). Пусть Николай Васильевич не обижается. Остап выпускник Рязанского училища ВДВ и академии. Служит в Российской армии. Полковник. Вот-вот получит генерала. Прошёл и Кавказ, и Балканы. Вместе с женой. Военной медсестрой, рожавшей сыновей между походами. По задумке автора, когда получит третью генеральскую звезду, станет губернатором Запорожья. Всё кажется, к тому в городе на Днепре идёт.

Андрей – талантливый учёный-оборонщик и убеждённый бандеровец. Между изобретениями промышляет разбоем на русской границе, прикрытой кадровыми российскими военными частями. Как и случилось через пару лет в настоящей, а не литературной, жизни, братья, как враги, сталкиваются в бою в Сербии. Но всё у них заканчивается сливовицей и трудными размышлениями о будущих судьбах Украины и России.

Что касается фамилии Ус, то я её не выдумал. В нижегородском Мулино мы с её обладателем учились в одной разведбатарее. Вместе попали служить на его родину. Чистейший запорожец. Рослый. С пшеничными усами и потаённой любовью к горилке. Конечно, и Ус (имени не помню),

и Николай Самсоненко не могли полностью создать образ Тараса, сына героя Соцтруда, впоследствии, главного инженера, председателя колхоза, первого секретаря райкома, а после развала СССР вахтовика-нефтяника в Сибири, поднакопившего там деньжонок и купившего хуторок в степи под Запорожьем. Это образ хохлацкого, довольно успешного фермера, торговавшего овощами и фруктами до Майдана с Россией. Ещё добрый десяток мужиков по обе стороны границы помогли довести образ героя до кондиции. У каждого за плечами по сотне-другой живых «припёк». В том числе и среди украинцев, живущих и промышляющих вахтами в нашей стране. Север, например, ими полон.

Сирин и Гамаюн

Теперь я понимаю, что роман в мою судьбу был вписан заранее. Его только требовалось выстрадать и положить на бумагу, всё время чутко прислушиваясь к небесам. Работая газетчиком в Погаре, Мглине, Климово, Комаричах, Суземке, Гордеевке, поэт Владимир Подлузский купался в россыпях русских характеров, многочисленных говоров, до коих не добрались ни Даль, ни Ожегов, невероятных судеб, всеобщих раздумий и собственных прозрений. Слава Богу, я в те годы не оказался в вожделенном «Брянском рабочем», главной газете Брянщины, который в миг бы отдалил меня от благословенного народа. Главного источника вдохновения.

Каждый день надо мной витали мифические славянские птицы Сирин и Гамаюн, свившие гнёзда в отведённых им закоулках произведения. Добрым словом я вспомнил в романе многие райцентры, села, посёлки и просёлки. Почти всегда сохранял брянскую топонимию. До сих пор многие прообразы, даже мимолётных персонажей, коих в произведении около полутысячи, живут в Унечском, Климовском,

Мглинском, Погарском, Суземском и других районах. При том не подозревают, что сослужили литературе добрую услугу.

Надеюсь, эссе восполнит сей исторический пробел. Тысячи брянцев помогли мне написать роман в стихах «Тарас и Прасковья». Все они из прежних советских времён. И вполне заслужили, чтобы остаться на страницах отмеченного Москвой произведения. Среди прообразов бывший губернатор Юрий Лодкин. Писатель. Представляющий девицам меня в юные годы солнцем брянской поэзии. Телевизионный журналист Борис Соколов, газетчики Владимир Гуторов, Юрий Раханский и Александр Ковалевский. Совсем я не раз в жизни встречался и обо всех могу сказать только добрые слова.

Коррупционные скандалы и аресты губернаторов на Брянщине и в Коми тоже в романе были предсказаны. Что легко проверить. Словом, крест, возложенный на меня в два годика в Бытоши моим дедом-священником, которого, как попа-зэка, с Беломорканала после личной напряжённой беседы освободил сам Сталин, и густой флёр мистики, приданный деревенским детством в противовес крестильной рубаше, создали густо удобренную духовную почву для романа. После праведных речей проповедник месяц ждал расстрела, а получил команду на выход с вещами и бумагу в Орловскую епархию на новый приход.

Непознанное жило каждую ночь в любом уголке родного унечского Рохманова. Сотни бытовавших тут легенд всегда имели некую подоплёку. Местный Звонов лог мало чем по сказам отличался от тургеневского Бежина луга. Кажется, и сам Гоголь, ездивший по лужам в коляске через соседний Погар, бывал в нашем селе и подсмотрел своих будущих героев. Не зря каждое лето с братьями моей бабушки Марии Тимофеевны, поповны и учительницы, Николаем и Александром, учившимися в Неженской семинарии, приезжал в Рохманово их соученик Павло Тычина, впоследствии зна-

менитый украинский письменник. Неудачно, между прочим, сватавшийся к бабушке. Помню лишь в домашнем архиве плотные и полустёртые снимки гарных парубков в парадной «бурсовской» форме. Если добавить, что далёкий предок по отцу ещё в конце семнадцатого века был ректором Киево-Могилянской академии, а дядя родителя, академик, числился одним из редакторов Русских орфографических словарей, то сам Бог мне велел засесть за роман «Тарас и Прасковья».

После публикации на знаменитом местном портале Брянск TODAY, куда поэт отправил письмо по ошибке, думая, что пишет в «Брянский рабочий», а на самом деле следуя планиде, я понял, что почти фантастическая история с получением в Москве Национальной литературной премии не закончилась. Она требует пояснений и анализа. Попробую осмыслить то, что, как считают литературные критики, понять почти невозможно.

Сам шестилетний литературный процесс. То есть довольно условное время работы над классической, как считают многие, вещью. По крайней мере, на одном из русско-украинских порталов её посетили за семь лет более десяти миллионов человек. Иногда до десяти тысяч за сутки. Особенно в канун Майдана. Ведь в романе, вышедшем за два года до киевских событий, можно сказать, непостижимым образом расписан весь сценарий госпереворота. Вплоть до доставки из тюрьмы Юлии Тимошенко в «неведомой колеснице» на Козье болото, где бесновался митинг. И вплоть... до возвращения на трон Виктора Януковича. Которое всё более, судя по опросам украинцев, виделось реальным. Зря Администрация Президента Украины отмолчалась, когда я отправил электронную версию романа задолго до сумасшествия и крови. Хотел Виктора Фёдоровича предупредить. Письмо до сих пор бродит в интернете. Как потерянная гоголевская грамота.

Моя помощница мусульманка Назира

Презентацию вышедшей книги (29 декабря как раз ей было восемь лет), русские и украинские диаспоры вскоре тогда провели в американском Бостоне и немецкой Вест-фалии. Любопытно, что в Штатах организатором читательской конференции была узбечка, мусульманка, кандидат юридических наук, родившаяся в Самарканде и успешно защитившаяся в Москве Назира Коршиева. Когда она училась в России, настойчиво предлагала своим русским друзьям, среди которых были учёные, общественные деятели, писатели, священники, прочитывать главы из ещё не опубликованного романа. Те читали и, по словам Назиры, очень восторгались. Дама даже ходила с электронной распечаткой на приём к пресс-секретарю Патриарха. Между прочим, выпускнику Литинститута. И тот обещал показать рукопись Святейшему.

Как я с Коршиевой познакомился? Да сама попросилась в соцсетях в друзья. Написала, что роман вошёл в её сердце. А если честно, на моё произведение её навела коллега и подруга из Запорожья Татьяна Журавлёва, связавшая меня потом с тамошними писателями, знакомыми по областному литобъединению при Союзе писателей, которое я иногда посещал, будучи ещё сержантом срочной службы. Читал свои стихи по-русски. Оценки выслушивал на украинском. В том числе от истинных маэстро Павло Загребельного и Натана Рыбака.

В специальных папках у меня хранятся положительные отзывы из Канады, Новой Зеландии, Крита и других заповедных местечек. Знаменитая Казахстанская Ванга – Вера Лион, – не сходящая с мировых экранов, которую я знакомил по мере написания глав с романом, назвала вашего покорного слугу пророком. Упомянутый тут Александр Ковалевский сравнил роман с «Горем от ума» и сделал своеобразный словарь цитат, будущих, на его взгляд, афоризмов.

А на конце выстрел

Я почти никогда не вёл дневников. Не верьте, что писатели без них не обходятся. Ещё как. Отсутствие заметок стирает из памяти не нужные детали. Остаются важнейшие блоки, которые легко потом поддаются философским обобщениям. Иногда, правда, ругнёшься про себя, что не записал, и начинаешь напрягать память.

Трудно ли было писать роман? Скажу так: нелегко. Были, правда, дни и даже недели, когда сегодня стоило задумать главку из трёх-четырёх страниц и она назавтра являлась на свет Божий. Некоторые шли вообще без всякой авторской правки. Что настораживало и даже пугало. Несколько раз, как бы извинившись, напоминал читателю, что я только переписчик уже созданного на небе. Так что прошу высокие понятия талант и гениальность отнести ворцу, а не к вашему покорному слуге.

А с чего, собственно, всё началось? Где-то лет семнадцать назад мне всё чаще стали вспоминаться армейские будни. Я вдруг понял, насколько сильно полюбил Запорожье и свой реактивно-миномётный дивизион из прославленной в войну артбригады. По крайней мере, батарея капитана Флёрова, давшая первый в истории залп из «Катюш», входила именно в неё. Точнее, в наш дивизион. Вспомнился командир подразделения подполковник Погорелов Николай Михайлович. Может, даже брянский родом. Потому что он как-то попросил Николая Самсоненко, зама командира взвода управления, обратиться к родителям с несколько необычной просьбой. Прислать маринованных брянских грибочков. Наверное, был на седьмом небе от счастья, когда Коля передал ему гостинец.

Это был настоящий русский офицер, типа лермонтовского Максима Максимовича, прихрамывавший после Чехословакии и с гордостью носивший орден Красной Звезды. Мне он прочил большое литературное будущее и на некото-

рые мои молодецкие проделки поглядывал сквозь пальцы. Вот ему я и захотел посвятить поэму, вылившуюся в роман. Очень быстро мои наброски в каких-то сорок страничек (на выходе без малого четыреста) раскритиковал писатель Николай Фёдорович Иванов.

Я понял, нужно создавать многоплановое полотно, и легендарный земляк стал одним из первых читателей. На сей раз оценка была близка к самой высокой. Об этом я услышал от тогда ещё сопредседателя Союза писателей России Н. Иванова прямо из кабины мощного грузовика МЧС, входящего с колонного гуманитарного груза в Донецк. Мне показалось, что мой роман тоже въезжает в Донбасс, как один из оберегов Русского Мира. Потом, между прочим, он окажется на столе у тогдашнего руководителя Союза украинских писателей Виктора Баранова. На пока ещё мирном Крещатике. Несколько отрывков из романа в год юбилея Гоголя опубликует в Москве один из культурных Центров при украинском посольстве.

У Тараса и Прасковьи, символизирующих Москву и Киев, как и у наших стран, тоже была размолвка. Из-за необоснованной, в общем-то, ревности. Вплоть до срывания со стены берданки. Тарас, встретив смелый и готовый ко всему взгляд Прасковьи, так и не смог выстрелить. Зато потом, когда в дом первого секретаря райкома партии перед разломом СССР нагрянут бандеровцы и начнут пытаться Уса его же саблей, доставшейся от далёких казацких предков, Прасковья схватит табельный пистолет мужа и ранит одного из налётчиков. Другие в ужасе сбегут. Вот такая любовь. Это вам, дорогие читатели, ничего из современной истории двух стран не напоминает?!

14 декабря 2017 – 2 июля 2020

УПАВШАЯ ВЕРТИКАЛЬ

Сыворотка власти

С десяток лет назад губернатор Торлопов попросил меня сделать для республиканской деловой газеты «Экспресс-неделя», где я был главным редактором, интервью с министром финансов Гайзером. Тема простая и одновременно архисложная – бюджет предстоящего года. Требовалось подать его поярче. Шла война за места в Госдуме. Новая команда очень не хотела, чтобы в депутатское кресло уселся проигравший главные выборы Спиридонов. Юрий Алексеевич уже пытался стать председателем Госсовета, но его заблокировали. В безвременье доктора технических наук приютил в КНЦ академик Михаил Рощевский. Нашёлся порядочный человек, осмелившийся политическому банкроту дать кабинет и некие несложные обязанности. Только никакие научные лаборатории уже не могли изготовить таинственную сыворотку, приняв которую, политик смог бы возвратиться в вожаемое кресло. Однажды потеряв трон, редкий управленец не готов вложить все свои силы и средства, чтобы хотя бы на день вернуться в райский сад, именуемый ВЛАСТЬЮ.

Я вспомнил пушкинского Кощея, чахнувшего над северным златом, и позвонил Вячеславу Михайловичу. Тот отвечал любезно, но заявил, что он *не политик* и интервью давать не станет. Торлопов, узнав об отказе, переориентировал меня на своего зама Павла Орду, курирующего экономический блок. На том, собственно, и кончились, не начавшись, всякие мои отношения с будущим Главой и нынешним сидельцем Лефортова. Павел Анатольевич слыл златоустом, и губернатор безбожно пользовался его даром. Орда был жёстким менеджером. Муштровал министров. Три года назад один бывший член правительства даже утверж-

дал в беседе со мной, что созданная лихим варягом административная система действует до сих пор. Однако приезжий начальник напрочь отрицал социалку. Мол, не забота она государства. Полутайно по субботам мотался к нужным людям в Прибалтику, мечтая на Удоре построить деревообрабатывающий комбинат. Наверное, и для собственной выгоды. Однажды окунувшись в бизнес, политик им будет грезить всю свою свободную жизнь.

Выходец из топ-менеджеров химгиганта «Азот», полдня обкуривал журналиста из пижонской чёрной трубки, ловко выдувая десятки цифр и фамилий. Собеседник походил на дымящийся живой компьютер. Сожалел, какое разбитое хозяйство досталось Торлопову от Спиридонова. Мол, всё распродано. Вокруг чужая собственность. Тот же крупнейший в Европе ЛПК, производитель офисной бумаги, достался австрийцам. Утверждал, что оставшиеся у республики объекты можно по пальцам пересчитать. Долгов под конец правления Ю. С. конечно, хватало. Правда, в десятки раз меньше, чем нынешней осенью досталось ВРИО губернатора Сергею Гапликову от Гайзера. Тогда Торлопов занял у коммерческого банка полмиллиарда и довольно без натуги выкрутился. Зато при Юрии Алексеевиче даже милиционеры получали «спиридоновские» надбавки, которые новая команда тут же срезала. Прежний хозяин, ласково даже в прессе называемый Папой, сам ночей не спал и чиновникам не давал. Свет допоздна горел в окнах Жёлтого дома. Соперники такую методику управления обозвали системой страха. В общем-то, было за что, но о мёртвых, особенно кому стоят памятники, плохо не говорят. Первый губернатор Коми Юрий Спиридонов мечтал о новых лесоперерабатывающих комплексах, обустроенных месторождениях нефти, газа, бокситов, титана, марганца. Да всей таблицы Менделеева. Собирался построить Печорский алюминиевый комбинат и пару атомных электростанций. На Удоре и в районе Инты. Горел у него зуб и на часть богатого ру-

дами, вплоть до золота, Печоро-Илычского заповедника. Мечтал присоединить к Коми Ненецкий автономный округ и даже вёл с соседями переговоры, что было бы всем выгодно, учитывая единую добычную провинцию и общую логистику. Он даже нефтяную столицу из Ухты передвинул в Усинск, который в молодости своими руками в ранге первого секретаря горкома по колено в болоте и возвёл. Уже в девяностые заговорил о круглогодичных большаках из Сыктывкара в Воркуту и Нарьян-Мар. Мечтал превратить Коми в горнорудный регион. Бился за Белкомур. А в Сыктывкаре хотел собирать венгерские «Икарусы».

Ну, и методом народной стройки возводил кафедральный храм в столице, с трудом находя общий язык с епископом Питиримом. Вовсе не по религиозным соображениям. Была какая-то размолвка. Имя пастыря надолго исчезло из многих верных Папе газет. Хотя в торжественной закладке собора принял участие Патриарх Алексей Второй. А накануне во время пробежки архитектор Кукушкин увидел в лучах восходящего солнца будущую церковь во всей своей красе. На месте закладного камня.

Идеи и факты я вычитал не из газет. Будучи много лет аккредитованным корреспондентом при Госсовете и Главе республики, связанный с иерархами и зодчими, слышал о задумках из высоких уст. То не были маниловские проекты. Людям нечем было платить зарплату, а «Система страха» мечтала о грандиозных преобразованиях, имеющих мощную научную подоплёку. Он очень рассчитывал на учёных. Однажды даже созвал большое совещание во главе с президентом Академии наук России Осиповым. Откровенно называл своим учителем одного из докторов наук КНЦ.

И ещё деталь несколько иного порядка. Один процент своей зарплаты Юрий Алексеевич перечислял вдове первого секретаря обкома Ивана Морозова, как-то пожаловавшейся смышлёному ученику своего супруга на низкую пенсию.

Спиридон-солнцеворот

В чём-то пятнадцать лет назад Спиридонова подвела жёсткая самоуверенность и излишняя доверчивость. Особенно к женщинам-редакторам. Плюс к местным болтунам разного рода. И к «заморским» пиарщикам. Нижегородцы на выборах, кажется, вообще работали на обоих соперников одновременно. По крайней мере, краткие мои встречи убедили в их низком профессионализме и высоких денежных амбициях. Куда-то ни туда гнул очень юный в то время «Комиинформ», подмявший по опрометчивости редактора Татьяны Борисевич и по прихоти Спиридонова «Республику». Плохо обстояло дело с разведкой. Команда твёрдо думала, что соперников финансирует Роман Абрамович, а на самом деле второй избирательный экспресс подмасливал Александр Зарубин. Потом Ю. С., как дал ему понять питерский полпред президента Черкасов, чем-то насолил Путину. Спиридонов причину предполагал. И даже одному человеку, близкому к культуре, потом покался. Были и другие факторы, о которых мне не без сарказма когда-то поведал один из самых близких соратников Юрия Алексеевича. Предложивший, кстати, ещё до выборов ему передать власть. Запустить его вместо Спиридонова на старт и взамен получить на финише кучу барских льгот. Вплоть до вольготной охоты и рыбалки в Чернамском лесничестве. Губернатор «ходока» послал подальше и мужественно ринулся судьбе навстречу. Та по шпалам в едином пиар-порыве загрохотала на Север. Я узнал о «махновских» порядках в литере, набитом спецами разных мастей и призывающем станции и полустанки голосовать за Спиридонова. Услыхал байку о сомнительных речах именитого кандидата перед военными Воркуты. Но такие мелочи, до которых, впрочем, народ охоч, вряд ли могли пустить поезд регионального вождя, в одиночку ходившего в саванне на львов, а в тайге на медведей, под откос.

Зря, думаю, Спиридонов своей нестигаемой волей заставил Госсовет перенести выборы с мая на декабрь, сократив свой законный срок на полгода. Рассчитывал, что зимой народ охотнее побежит по морозцу к урнам. Весной же быстренько разбредётся по дачам. Я высказал сомнения одному из главных факиров пиара из Жёлтого дома. «Нет, не зря», – глубокомысленно изрёк тот, как будто только что созвонился с бабой Вангой. А зимой в Воркуте бывает метель. Она-то, а ещё больше продажные чинуши, и подвела Папу. Словом, власть Юрий Алексеевич самым мистическим образом потерял в дни, когда по народному календарю ходит Спиридон-солнцеворот. Властная вертикаль зашаталась и стала медленно клониться к вечной мерзлоте. По-прежнему чиновники суетились. Некоторые, может, ночей не спали. Доносились слухи, что новая элита усилила выборы с забравшихся в республику олигархических структур. Часто в свою пользу. Но многие управленческие звенья тарахтели вхолостую. Сбылось предсказание Спиридонова, якобы заявившего через полчаса после ночного объявления проигрыша: «Через полгода республика пожалеет о моём уходе». В тот же час началось бегство членов его штаба в стан противника. Наутро в госсоветовский кабинет Торлопова банкиры втащили почти в человеческий рост бутылку шампанского. Выстрел её пробки в каком-то смысле был залпом местной «Авроры». А по набирающему силу телеканалу КРТК, детищу уходящего вождя, крутили песню со словами, вышибающими слезу: «Только он не вернулся из боя».

Золотое сияние

Теперь Гапликов, спасая ту же шахтёрскую Инту, доказавшуюся при прежней власти до завоза в город угля из Хакасии, успешно возвращается и к спиридоновским идеям,

касающимся разработки ресурсов живописных предгорий Урала. В первую очередь чудного жёлтого металла, спрятанного, по древним пермским преданиям, в царстве Золотой Бабы, легендарной уральской богини Зарни-Ань. Надо же, чтобы помочь, в том числе и коренному народу, чем-то закрывать обильные кредиты республики. Тем более что в Инте хватает горных инженеров. Тоже, между прочим, золотой запас. А рядом, помнится, ещё марганец. Именно за открытие в Элладе этого минерала чтят греки геолога Николая Герасимова, возвращённого северным посланцем Путина в министры развития промышленности и энергетики. Сколько лет его вычёркивал Чернов из разных почётных списков, а Николай Николаевич в отпусках продолжал покорять самые упрямые горные вершины планеты и собирать, стараясь прочитать всё, мощную, самую разнообразную, до высокого потолка в квартире, библиотеку. Таланты всегда востребованы мудрым руководителем. Герасимов – типичный пример.

В Интернете Гапликова уже сравнили со Спиридоновым. Сергея Анатольевича даже назвали более крутым, чем Юрия Алексеевича. Кстати, тогда Ю.С. всё же стал депутатом Госдумы. С лёгким опережением кандидата от власти. Министр МВД Коми, верный победителю, тут же завёл на растряпанного неудачника уголовное дело, якобы за растраты в его богатом ведомстве, но вскоре был вызван в Москву и там растворился, так и не получив генеральской звезды.

До громкого ареста «не политика» Гайзера сотоварищи с того неудачного интервью ещё много воды утекло в Сыsole, постепенно подмывающей берега и по несколько сантиметров в год приближающейся к республиканской Администрации.

Мою деловую газету, имеющую ничем не подкреплённый блокирующий пакет акций местных правительства и «Единой России», вскоре прихлопнули, а редактору лысеющий вице-губернатор Чернов, ответственный за иде-

ологию, надолго закрыл дорогу в Коми журналистику. Уж больно настойчиво я требовал наладить бюджетное финансирование издания, взятого властями ещё до меня за свою зубастость, под официальное крыло. Десяток лет назад раза три я бывал у Чернова. Мне предлагалось из-за долгов, оставленных предшественником, газету закрыть. И начать её с нуля, прибавив к названию лукавое словечко *плюс*. Фактически ограбить коллектив, не заплатив людям ни копейки. Я на это не мог пойти. Во второй раунд переговоров забыл у А.Л. ручку. Обычную. Не золотую. Покрытую блискучим металлом. Велико же было моё удивление, когда вскоре увидел свою шариковую самописку в руках вице-губернатора. Тот, злорадно улыбаясь, делал ею какие-то пометки в моей газете. Подумалось – неужели Чернов посорочил мелочный? И вдруг осенило – это А.Л. меня таким образом отодвигает от профессии, присвоив мой рабочий инструмент. Возможно, демонстрирует один из приёмов Каббалы, к которой, говорят, был равнодушен. Пресса даже писала о чёрных мессах в Жёлтом доме (примечание: здание госадминистрации Республики Коми выкрашено в яркий жёлтый цвет). По версии одной газеты, приезжие властители хотели с помощью нечистой силы закрепить свою власть. И, как теперь подтверждается, думали только о наживе. Учитывая изуверские схемы вице-премьера, применяемые к непокорной интеллигенции, предположение о мистике очень походило на правду. Однако даже моей ручкой Чернов не смог ничего путного написать, хотя считал себя художественной натурой.

Звезда... опала

Узнав из СМИ, что в Сыктывкар приезжает зам генерального прокурора России по Северо-Западу Иван Николаевич Кондрат, я попросил знакомого старшего офицера

из прокуратуры организовать мне встречу. Скажи, мол, земляк просит. И вот на следующий день мы с ним ждём у лифта высоких гостей. Двух прокуроров. Полковника и генерал-полковника (по военной иерархии), Александра Ивановича Шуклина и самого молодого зама (чуть за сорок) грозного генпрокурора Устинова, ставшего к тому времени политическим тяжеловесом. Кондрат и Шуклин – типичные поздние птенцы гнезда его с двумя золотыми орлами. На моих глазах Александр Иванович по факсу отправил копию утвердительного постановления Госсовета, и уже через полчаса пришёл приказ Устинова о назначении А. И. Шуклина прокурором Коми. Пока новое государево око хлопотало в своих владениях, мы с Кондратом в кабинете нового хозяина вспоминали общих знакомых и друзей из брянского городка Мглина, где закончил среднюю школу Иван Николаевич, и где я работал в районке. Зам Устинова расспрашивал меня о местной элите, перипетиях властей, (как раз гремел судебный спор между Торлоповым и мэром столицы Катуниним), интересовался олигархами, наезжающими в Коми. Спрашивал о Чернове. Потом к разговору присоединился А. И. Шуклин. На свет появилась бутылка элитного коньяка и крохотные рюмочки. Я отказался. Иван Николаевич покачал головой: «Зря, Владимир Всеволодович». Наша встреча закончилась моей фразой, увы, оказавшейся пророческой: «В Коми федералов не любят».

Мы потом не раз вполне по-дружески встречались с прокурором республики. Я одним из первых поздравил его с генеральским чином. (Месяц надо было ждать, пока форму с лампасами сошьют). О тайных делах его епархии мы никогда не говорили, хотя по верной Жёлтому дому прессе чувствовалось напряжение, возникающее вокруг фигуры главного служителя Фемиды. Реостат явно стоял в Администрации. Скорее всего, в кабинете Чернова. Шуклин ухитрился отменить, в основном через суд, с полтысячи ста-

тей постановлений Госсовета. Потребовал из Конституции Коми убрать некоторые пункты, идущие вразрез с федеральными нормами. Завёл уголовные дела против Орды и Чернова. Первого поймал на незаконной оплате личной охраны. Второго прищучил за еженедельные поездки домой в Санкт-Петербург за казённый счёт. Набежали миллионы. Грозил приличный срок. Потом Орда внезапно исчезнет с местного горизонта. Чернов же будет благополучно набирать обороты. А Торлопов в ответ на одну довольно простую просьбу мне скажет: «Володя, я не всё могу». О смысле сказанного я мог только гадать.

Власть, конечно, не простила блюстителю Закона такую «наглость». В Москву, в том числе и в Генпрокуратуру, пошли подмётные письма. В одном кабинете Жёлтого дома Шуклина могли угощать чаем с беседой. А в соседнем в это время на А. Ш. стряпали клязу за подписью визави. С гневной речью в Госсовете выступил депутат Госдумы Андреев. Некоторые парламентарии времён Истиховской (председатель госсовета Республики Коми 2006–2012 г.г.) предлагали аннулировать утверждение А. И. Шуклина в должности прокурора Коми. Сама спикер заняла тогда, помнится, двойственную позицию. Ясно было, что потихому, как министра МВД Задкова, убрать государево око из региона не удастся. Будучи и с Торлоповым, и с Шуклиным в неплохих отношениях, я посылал сигналы в Администрацию о готовности стать третейским судьёй и примирить обе высокие стороны. Ради будущего республики. Меня не послушали.

Короче, Шуклина сломали и выбросили. Если бы тогда Александру Ивановичу дали возможность заведённые дела довести до суда, история Коми могла бы пойти в ином направлении. Знал ли прокурор о коррупции в регионе? Если и знал, то вряд ли представлял масштабы. Как-то в сердцах обронил: «Здесь всё не так, как у других». Мог сравнить. Служил и прокурором Кирова, и начальником следственно-

го управления в Мордовии. Том же финно-угорском регионе. Русский Шуклин никогда не был националистом. В приёмной у него сидела миловидная ненка из Инты. Местным генералам он не доверял. Особенно в деле с пожаром в Ухтинском «Пассаже». Своё кресло шеф ФСБ вроде потерял после письма прокурора Коми в Москву. Чекиста тут же забрали в Жёлтый дом. Сразу замом Главы. С уважением Александр Иванович относился разве что к министру МВД Силаеву. Когда тот внезапно умер, прокурор намекнул, что в генеральском сейфе обнаружили компромат на многих чиновников Жёлтого дома. Был ли он и куда делся – неизвестно. Почему же Шуклина не поддержал Кондрат? Того самого стали придавливать после Кондопоги. Тем более что внезапно от должности освободили Устинова и отправили, кажется, министром юстиции. Кондрат вынужден был подать рапорт об увольнении со службы уже Чайке. На мой взгляд, и Кондрат, и Шуклин, блестящие русские генералы. Патриоты и бойцы. Возможно, история их ещё вернёт в строй.

Поправка на ветер

До сих пор многие уверены, что в рок Спиридонова вмешалась бешеная метель. Не та пушкинско-свиридовская, а обычная заполярная, которая едва в Воркуте не погубила советского премьера Алексея Косыгина. Да и многие от неё пострадали. Тогда, по версии мэрии, автобусы не смогли привезти воркутян на избирательные участки. Поправку на погоду, или как говорят артиллеристы, на ветер, на Севере делать всегда стоит. Помню, в Ижемской редакции в обед все бежали к радио слушать прогноз.

Тем не менее, в политических ураганах тоже есть «глаз», эпицентр, который в силу некоторой толерантности, часто выносят за скобки. Национальная составляющая. Регио-

нализм. Есть мнение, что Спиридонов, ещё будучи шефом Верховета, чтобы избраться на первый срок, умышленно сделал национальные перекосы в Конституции, которые и пришлось выправлять Шуклину. Одно время регионализм даже преподавали в Сыктывкарском университете. Потом сомнительную специальность благоразумно изъяли из реестра, поставив в тупик студентов и их родителей.

Всё, что случилось в Республике Коми, я уверен, в большой степени результат регионализма, ставшего, возможно, главным разрушительным фактором в психологии части элиты. Преемники Спиридонова ловко обманули Путина при его визите в Сыктывкар и дали Президенту подписать документ об организации в таёжной столице Федерального угро-финского центра. Коми как бы объявлялась главным финно-угорским регионом России. Само по себе учреждение не опасное. Но на его идеологическом фоне осмелевшие националисты подготовили медиа-почву для избрания финансиста Гайзера, никогда не занимавшегося политикой. Стали тому подбрасывать вредные для России идеи. Губернатор клюнул на приманку. Заявил, например, о запрете въезда Жириновского на территорию республики. Можно по-разному относиться к вождю ЛДПР. Однако не следует забывать, что Владимир Вольфович заместитель Председателя Госдумы. Это что – своеобразное объявление войны России?

Будем считать, что совершенно случайно в тот же день одна из самых многотиражных коммерческих газет Сыктывкара тиснула анонимную эсэмэску, предлагая русским убираться из республики, пока дорога на Киров открыта. Призыв странным образом подкреплял тогдашнюю концепцию руководства РК об избыточности населения. Почти по десять тысяч жителей, в основном русских, за год покидали Коми. Один из самых высоких миграционных показателей в России. Удивительно, но и сами коми потянулись на чужбину. Всё хуже выпускники школ сдавали

ЕГЭ по русскому. Зато участились поездки всевозможных делегаций в Финляндию и Венгрию. Остаётся только догадываться, какими проектами они там напивались. Меня поразило вручение нового боевого знамени с вышитым Коми гербом учебному полку внутренних войск. Кому теперь тот должен служить? Москве или Сыктывкару? Начальник УФСИН генерал Протопопов (впоследствии осуждён за незаконные сделки, до сих пор содержится в одном из учреждений системы, которой руководил, довольно-таки эксцентрично, надо сказать) в юбилей собственного учреждения великодушно подарил Гайзеру в затейливой шкатулке боевой пистолет Макарова. Зачем? Отстреливаться при задержании? Подобные игры местных князьков с силовиками наводят на грустные размышления. Именно при Гайзере придумали Ибицу (Ыбица – мультифестиваль, проводимый на территории финно-угорского этнокультурного парка. По аналогии с островом в Средиземном море Ибица, островом беса) во многом противоречащую своей языческой сути православию. Разместили её в прославленном храмами и святыми источниками селе Ыб. Дошло до того, что посетителей этнопарка стали встречать театрализованные ведьмы.

Позднее прозрение

Полной профанацией в республике стало любое русское движение. Чернов даже создал некий координационный Совет, замкнутый на Администрацию и объединяющий подобные организации, а по сути – закрывающий им рот. В последние годы заметные удары были нанесены по русскому языку и литературе. Зато обязательным для всех стало изучение в школе коми языка. О том с тревогой в мае говорилось на совместном заседании Советов по межнациональным отношениям и русскому языку при Президен-

те. Владимир Путин признал, что изучение национальных языков за счёт русского является системной проблемой. Так глава государства отреагировал на обращение к нему общественности четырёх регионов, включая Коми, в котором открыто говорилось о языковой дискриминации русского народа.

Летом в Москве состоялось представительное совещание, в котором приняла участие зам Председателя Правительства Коми. Семь минут советник Путина Владимир Толстой говорил о перекосах в национальной политике в Коми. Региону была послана, может быть, последняя чёрная метка, но в Жёлтом доме её проигнорировали. Не зря одной из первых с приходом С. А. Гапликова свой пост покинула министр национальной политики Галина Габушева.

Десятого и пятнадцатого сентября я встречался с шефами Агентства по СМИ Ириной Брагиной и Управления информации Павлом Марущаком. Первую оставил в слезах. Второго в растерянности. Обоим дал знать, что время их команды стремительно движется к финалу. Дама через месяц после ареста мужа-депутата ушла по собственному, а Павла через три дня чекисты арестовали на черноморском нудистском пляже. Поэты иногда обладают сверхчувствительностью. А 14 сентября в «Российском писателе» я заявил в комментариях, что *они* «перед смертью бесятся». Любопытные могут проверить.

Конечно, многие виновные уже за решёткой. Другие могут быть вскоре арестованы. Фронта сопротивления Москве и Гапликову ещё довольно сильна. Один деятель, пожелавший остаться в тени, просил меня при случае сказать ВРИО губернатора, что некоторые в знак протеста против арестов уже снимают портреты Путина. Как пятая колонна, действует сеть блогеров, насаженная Черновым и Марущаком, осмеивающая всех и вся. В первую очередь активных сторонников благих перемен. Ощущение, что им

до сих пор кто-то платит за расшатывание ситуации. Марущак весной и мне предлагал всю использовать в сети, разумеется, по его командам, «свое бойкое перо». Конечно, я отказался.

Тщетно православная общественность республики в ноябре пыталась не допустить весьма спорную постановку финского спектакля на сцене местного драмтеатра. Даже в Европе отвергли сей опус. Многих поверг в шок концерт, устроенный в драмтеатре в честь окончания Года литературы. Русские писатели почувствовали себя там обойдёнными и просто лишними. Я лично пошёл на вечер лишь потому, что в Союзе писателей мне пообещали выступление Сергея Гапликова, который, как выяснилось, в то время находился на другом мероприятии.

В пятницу 25-го снова нагрянет Спиридон-солнцеворот. В этот день принято загадывать на будущий урожай. Быть может, народный праздник соединит разорванную поступательную историю республики, и мы все, засучив рукава, начнём работать на своё общее будущее, чтобы плоды его были полновесными и сладкими. И хоть чем-то поможем Сергею Гапликову и Москве быстрее восстановить упавшую при Гайзере ниже плинтуса вертикаль региональной власти.

Декабрь 2015

Очерк нравов книгоиздательства Коми

В пятницу вечером на Коми республиканском канале «Юрган», вмонтированном во всероссийский «Триколор», прошёл сюжет, в котором всячески восхвалялось местное книгоиздание. В прошлом году на него выделяли целых (!?) семь миллионов рублей. (Годовая зарплата шефа телеканала). Не исключая, материал срочно записан в связи с моим майским эссе на одном из литературных сайтов об изда-

Владимир читает стихи на поэтическом марафоне

тельской политике региона. Или с неожиданной, днём раньше, отставкой первого вице-премьера северного правительства Ларисы Максимовой. За утрату доверия. Сам господин Зелинский, недавний шеф Агентства по печати, а ныне начальник Управления информационного обеспечения Администрации губернатора, с экрана бодро утверждал, что такой Экспертный совет по изданию социально значимой литературы, как в республике, мало где есть. Трудно с высокопоставленным чиновником не согласиться. Скорее, вообще нигде нет. Не по форме, а по содержанию. Его «успехи» я кратко обрисовал в том громком эссе. Хотя полный перечень достижений вполне достоин второй «Калевалы». Многие сознательно опустил. Другие факты были бы более

интересны дотошным следователям, нежели литературоведам. Хотелось бы напомнить господину Зелинскому, что мы с ним в 2016 году встречались не раз по этому поводу. Увы, с тех пор мало что изменилось.

Подобные мои рассуждения накануне того randevу звучали в присутствии министра Михаила Порядина, его заместителя Евгения Морозова и тогдашнего начальника Управления по связям с общественностью Захара Волокитина. Двенадцатого августа тезисы я систематизировал и представил Евгению Морозову. По его просьбе. Зам министра, занятый предвыборными хлопотами, переадресовал меня к Евгению Зелинскому. Тот любезно, возможно, чтобы быстрее отвязаться, показал состав Комиссии по отбору социально значимой литературы на гранты республики. Без особого удивления гость высокого кабинета увидел фамилии с ярко выраженными националистическими взглядами. Их обладатели любят при случае с некоторым вызовом упрекнуть русских в незнании коми языка.

Таковых оказалось больше половины. Возможно, они были бы почти на месте, если бы существовали два автономных Совета и две параллельные Комиссии – по русской литературе и национальной. Пусть пока вас не смущает различие структур.

Немалая часть «экспертов» достаточно случайные люди. Боюсь, последних лет сто они и не открывали русскую классику. Почему так думаю? Да за год до ареста бывший Глава В. Гайзер в интервью назвал своих любимых писателей. Все западные постмодернисты. А куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Никому в голову не придёт, скажем, поставить на приёмку космических ракет ...зоотехника с кнутом, лишь из-за того, что ракеты режут на старте как разъярённое стадо быков. А на книги можно? Тот же господин Зелинский, экономист по образованию, пробовавший себя в журналистике, откровенно признался, что недостаточно знает региональную литературу. Правда, к его чести, он заявил, что по

моей рукописи (о ней ниже) специально звонил знакомым в Санкт-Петербург. Надо полагать, знатокам, и советовался. Те якобы заявили, что Подлузский достоин издания.

Никто и никогда из большинства членов такой комиссии, собранной на скорую руку скорее для галочки, чем для продвижения достойного и поистине художественного «продукта», посаженным в Лефортово «отцом», бывшим замом сразу двух арестованных Коми губернаторов, Гайзера и Торлопова, Черновым, не станет голосовать за истинно русские книги. Особенно талантливые. Хотя бы из зависти. Национальной солидарности.

О, вы не видели, что это такое в условиях северной республики. Зато охотно поднимут руку за проходные, а значит и не соперничающие с коми литераторами, книги.

Раздельные органы по отбору социально значимой литературы крайне нужны и полезны для обеих ветвей здешней словесности. Как бы ни пугали меня в те лихие времена украинским языковым синдромом. Коми отбирают для печати собственных классиков. А русские своих скромных авторов. Бюджет при этом честно делится фифти-фифти. Но и отвечать за последствия обеим командам придётся по полной.

Как же формировать в двуязычном Сыктывкаре Совет или Комиссию, ответственную за издание русских книг? А может, такие бюрократические надстройки откровенно вредны. Способствуют коррупции. В идеале, нужно приглашать не кровно заинтересованных писателей, издателей и библиотекарей, привычных к постоянным чисткам полок от недавно изданных томов. (Эксперимент в Коми явно не удался). Лучше обратиться к именитым профессорам. Литературоведам из Литинститута, Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов и поручить им рецензирование рукописей. Желательно анонимных. (Зелинский в беседе такой вариант не отвергал). Процедура хотя и дорогая, зато надёжная.

Почему в местные спортивные команды можно зазывать прославленных игроков, не взирая на цвет кожи, а для оценки литературы, морального фундамента общества, сойдут и те, что с дипломами, полученными в двух шагах от своего жилья, сидят у печки и пьют любимый сур, закусывая шаньгами. Да ещё упорно игнорируют положенное им «по общественному чину» сочинение рецензий на предлагаемые рукописи. А если бы всё же писали? Тогда, не исключая, при их талантах, опусы вполне могли бы соперничать по колориту с марко-твеновским рассказом «Как я редактировал сельскохозяйственную газету».

Зелинский коллегам пробовал официально намекнуть на необходимость рецензий. Тут же раздались голоса – за-плати! Даже у чиновников с солидными окладами глаза заблестели. Я дважды присутствовал на подобных советах и комиссиях. Показалось, что никто и не читал будущих книг. Ставили оценки на глазок. По принципу: нравится им лично, по давнему знакомству, автор или нет. При чём здесь талант или его отсутствие.

Неволью я почувствовал, что крестики-нолики в специальных реестрах прямо на заседании рисовались для блезира. Наверное, давно уже всё было решено за пыльными кулисами. Счастливые авторы и боссы более чем мелких издательств, возникших на месте уничтоженного Черновым довольно крупного государственного, до искр потирали ладони. Зная местные обычаи, не исключая: раздумывали – кому и когда накрывать поляну. При таком ленивом и чисто символическом участии, часто замешанном на сведении счётов, читатель вряд ли дождёт шедевров. А они ой как нужны республике, мечтающей о процветании. Региону, который никак не выпутается из вчерашних криминальных оков. Ведь на днях, после почти четырёх лет, прошедших с ареста, должны получить солидные тюремные сроки около двух десятков вчерашних властителей Коми.

С великой осторожностью пора уже относиться и к так называемой коммерческой литературе, почему-то выдаваемой на Совете за художественную. Стоит поумерить восторг русскоязычным авторам, лихо тачающим свои опусы на псевдорусском ломаном языке, а потом ещё и получающим за косноязычие премии и звания.

Считаю, что девиз книгоиздания в Коми должен быть один: «Книг следует выпускать немного. Но чтобы каждая была по художественности на вес золота, с хорошим тиражом, прекрасным оформлением и вошла в историю русской или финно-угорской литературы.» Всё, что не звучит в Москве, должно считаться графоманством в Сыктывкаре!

В конце концов мы с Зелинским решили, что я выступлю с докладом на специальном совещании. Ваш покорный слуга согласился при условии, что там обязательно будет министр по делам печати (должность звучала несколько по-иному) Михаил Порядин. В прошлом шеф информационного обеспечения Сочинского олимпийского комплекса. Увы, Михаил Юрьевич 17 сентября прийти не смог, и я доклад читать отказался. (Не все же поэты самоубийцы). Изложил только тезисы. Какую они вызвали бурю негодования, я уже писал в вышеупомянутом эссе. Сама ПРАВДА, благодаря бандитскому наследию, (от слова наследить) стала зачашую в Коми преступлением. Хорошо, хоть у меня сердце выдержало после операции. Хотя психокиллеры старались вовсю. Возможно, за тридцать серебряников. Бог им судья.

Весь документ по электронке я вечером переправил Михаилу Юрьевичу, а с самим министром (ныне и.о. первого зама председателя правительства и шефом администрации Главы Коми) переговорил по телефону. К счастью, после нескольких встреч со мной и прочтения моего романа в стихах «Тарас и Прасковья», М.П. вручил свою визитку с прямым телефоном. Нашёл чиновника аж в Казани. Честно рассказал, с какой яростью встретили моё выступление, с позволения сказать, литераторы и примкнутые к ним узами Со-

вета чиновники. Не колеблясь, назвал фамилии. Не забыл восседавшие там официальные кадры, призванные блюсти права человека. Или русский поэт, заброшенный судьбой в Сыктывкар, в глазах оных уже не человек!?

За месяц до столкновения с «классиками» с ведома Михаила Порядина я присутствовал на Комиссии по отбору литературы (во многом параллельная Совету структура, чьё решение господин Морозов определял тогда как окончательное). В качестве независимого Наблюдателя. В своём напутственном слове просил голосовать не за набившие оскомину имена. Часто, как с печалью говорил мне в радиоцентре народный поэт Коми Владимир Тимин, дутые. А только за истинное качество рукописей. С учётом приложенных к ним аннотаций и рецензий. Членов Союза писателей России. Хотя и написанных по перекрёстному принципу – ты мне, а я тебе.

Всё равно тогда отобрали чуть ли не каждый год издаваемых коми авторов – Елену Козлову, Елену Афанасьеву, Алёну Ельцову и Каллистрата Жакова, откровенно в литературоведении иногда называемого коми Фаустом. Один поэт даже посочувствовал: «Что ж ты себя не пропагандировал. Глядишь, и проголосовали бы». Невдомёк привычным к морозам доброжелателям, что настоящие русские поэты живут по совести, а не по выгоде.

Особенно хочу остановиться на члене Совета Полине Романовой, дочери двух местных писателей. Она-то с какого бока здесь? Не профессиональный журналист, подчас передёргивающий в известном тут информационном агентстве факты. В свою и в пользу родителей. Вот что она писала о заседании Экспертного Совета от 25 декабря 2015 года на ленте «Комиинформа»:

«Исключение составила рукопись Владимира Подлuzского «Стихотворения, поэма «Суслоны». Которую эксперты «прокатывали» не первый год. В. Подлuzский совершил визит к главе Коми и его заместителю Тамаре Николаевой,

члену экспертного совета. Т. Николаева не смогла присутствовать на заседании, но просила учесть ее рекомендацию издать книгу поэта».

В пяти строках сразу четыре неточности и одно серьёзное оскорбление – прокатывали. Во-первых, не поэма, а сборник стихотворений и поэм. Во-вторых, буквально год назад рукопись на том же Совете с блеском прошла отбор. Где тогда была член Совета Полина Романова? В-третьих, никакого визита к Главе я не совершал. И, в-четвёртых, Тамара Николаевна на тот момент была заместителем председателя Правительства, но никак не Главы.

Кстати, при встрече она обещала дать команду библиотекам, чтобы те исследовали читательский рейтинг всех изданных за последние пять лет в Коми книг. Не успела. Покинула должность при формировании нового правительства.

Отметили на нашей с Тамарой Николаевной встрече и юридический казус. По справедливости, Совет тогда уже не был легитимным. Так считали в секретариате Николаевой. Торлопов, утвердивший документ, давно не был губернатором. А новый Глава Сергей Гапликов не успел его переутвердить. Что и сделала по его приказу, с незначительными поправками, П. Романова. А теперь с изгнанием её из Кабинета, доблестный орган опять юридически повис в воздухе. Воистину, Бог шельму метит.

Впрочем, к разумной идее Т. Николаевой никогда не поздно вернуться. Надеюсь, всё пройдёт честно и под контролем спецслужб. Ведь многие за свои сомнительные творения получили почётные звания, дающие из республиканского бюджета более чем приличные надбавки к пенсиям и всевозможные льготы. Может, по осуждению Торлопова и Гайзера новому Главе придётся те славные списки существенно урезать. Да и на остальные, отмеченные неизвестно за какие заслуги прогоревшей властью фамилии, стоит посмотреть через призму законности.

Виджу, вы убедились, что заметка Романовой написана неряшливо и с явно порочающим подтекстом. Соответствующие комментарии в мой адрес тут же последовали. Думаю, специально организованные. По живучим, как сорняки, заветам Чернова и бывшего шефа Управления информации Марущака, обвиняемых следствием в коррупции и других серьёзных преступлениях.

Уже за этот уголовно наказуемый факт правительственный «Комиинформ» можно было свободно закрывать. Вместе с автором заметки. По крайней мере, так наш курс, давший немало известных имён, учил приглашённый деканом журфака в Питер из Москвы юрист-профессор Михаил Федотов, один из авторов Закона о печати.

Впереди маячил Год литературы. Я был уверен, что одобренные под новый 2015 год «Суслоны» увидят свет. Публикацию твёрдо обещал тогдашний зам шефа Агентства по печати г-н Фролов. Намекал, что Москва выделила миллион рублей на русских авторов. Издали. Только не меня, а того, кто «правильно», по железному сценарию Чернова, провёл накануне съезд местных писателей (Вьюхин). По некоторым данным, из его «гениальной» рукописи пришлось выбросить около ста стихотворений. Всё равно книжка получилась дежурная и серая.

А потом всё случилось так, как я и предсказывал в мае 2015-го господину Фролову: «Если книги не будет, то и вас никого не будет». В сентябре прогноз оправдался. Кто оказался в наручниках на борту специально присланных из Москвы самолётов ФСБ, кто с позором лишился должности.

Я привёл тут лишь один более чем конкретный пример, мягко скажем, недобросовестного отношения к известным русским авторам. Конечно, в запасе, как у каждого опытного публициста, есть у меня и другие аргументы. Сейчас же речь не совсем об этом. Хочется поразмышлять о пользе, эффективности изданных с такими перипетиями за респу-

бликанский бюджет книг. Выяснить, насколько был прав Е. Зелинский в своём интервью. Вы слышали, чтобы в Коми за казённый счёт вышла книжка, не уступающая «Звезде полей», за которой гонялась вся читающая страна? Я тоже не слышал.

Выходит, в Коми не может родиться второй Николай Рубцов. Не имеет права. Или по Афанасию Фету: «К зырянам Тютчев не придёт». А вдруг придёт, если уже не пришёл. Впрочем, нынешний Совет «по социально значимой литературе» такого никогда не допустит. Националисты могут спать спокойно.

Наверное, господину Зелинскому стоило с экрана в первую очередь поговорить о том, чему и как научили народ изданные под его чутким руководством книги. Предотвратили ли они, скажем, мусорный бунт на границе Коми и Архангельской области. Научили ли любить большую Родину, Отечество, Русский язык. Более чем 60-ти процентное русское население региона?

Чего не сделали тома, загубленные русофобами ещё в рукописях, с лихвой компенсировали, но уже с обратным знаком, подмётные листовки на красном фоне, которыми были оклеены все двери в Сыктывкаре. Звали они защищать местечко Шиес от «московского» мусора. Ключевое тут слово – московского. Кое-кто, так и не прочитав душеспасительных книжек, отправился на крохотную станцию по зову шастающих по городу «волонтёров». Другие притопали на самый массовый в столице «экологический» митинг. Почему же двадцать лет назад не поднялся такой шум, когда я в городской газете поведал всю правду о страшной для Сыктывкара местной свалке. Чьи зловонные дымы нередко, особенно летом, пытаются проникнуть в квартиры и лёгкие горожан. Подчёркивал, что спасти северную столицу от ядов может мусороперерабатывающий завод, план которого уже был представлен в мэрию и администрацию губернатора.

Никто и пальцем не шевельнул. Золотым дном являлась та клоака для пронирливых чиновников. Не зря одно время ею владела супруга отправленного за решётку мэра.

Всё это прекрасно видят и понимают трезво мыслящие люди. Север сегодня не только тайга и тундра, полные полезных ископаемых. Не так далеко от Шиеса расположены Плесецкий космодром и арктические войсковые части. К каким событиям готовят Арктику, которую старается как можно лучше укрепить Путин, организаторы подобных митингов? Даже местный архиепископ Питирим вынужден был высказать своё мудрое пасторское предостережение.

Небольшой лексический экскурс. По коми ШИ – звук. Производное от него – шызыны – волноваться. Или в одной из транскрипций – все вокруг заволновались. Жаль, никто из обозревателей не видит мрачных исторических параллелей.

Станция расположена в Ленском районе Архангельской области. Стоит лишь вспомнить Ленские события в царской России, как становится понятным, что делают в Шиесе прибывшие из Питера и Москвы, Котласа и других городов дюжие молодцы в полувоенной робе, готовые до крови бороться с Нацгвардией. Провокаторы уже подожгли в соседней Урдоме отделение полиции. Есть на их счету и другие криминальные заслуги.

Тут уже не спишешь на стихийные волнения экологов. Не зря Шиес ставят в один ряд с бузящим против строительства храма Екатеринбургом. За событиями чувствует-ся опытная, возможно, одна и та же рука забугорных специалистов по цветным революциям. Не об этом ли денно и ночью надо думать местным телевизионным и иным журналистам, книгоиздателям и их контролёрам. А не гордиться на экране тем, что ещё неизвестно, куда выпрет. Со Словом умные люди не шутят.

1–5 июня 2019

Одним из главных рассадников межнациональной напряжённости, наряду с Союзом писателей Коми, Фольклорным театром и частным издательством «Анбур», вокруг которого группируются наиболее националистически настроенные коми писатели, стал Институт языка и литературы КНЦ. Станным, например, кажется, увлечение института тематикой обращения ряда коми писателей нескольких поколений к творчеству Тараса Шевченко, который, как известно, всегда боролся за «освобождение» Украины от России.

Обострение интереса к теме наступило как раз в эпоху киевских майданов. Именно в эти годы в республике усилилась возня антироссийски настроенных кадров. Как из рога изобилия посыпались книги, спектакли, радиопередачи, телевизионные циклы, пленэры художников, вплоть до эстонских, активные поездки огромных делегаций в Венгрию и Финляндию. Главная идея этого мутного потока – суверенитет. Над всем витала тень Маркова. Не стоял в стороне и народный писатель Геннадий Юшков. Кончилось это тем, что на одном из Конгрессов, проходящем на сей раз в Ханты-Мансийске, президент Эстонии почти открыто (в присутствии президента Медведева!) призвал угро-финские республики выходить из состава России.

Там присутствовала крупная делегация Коми во главе с Торлоповым. Многие, как хорошо видно было из прямой телевизионной трансляции, горячо идее аплодировали. На всё это закрывались глаза и Администрации, и спецслужб. В такой атмосфере достаточно легко было ввести не только почти поголовное хождение тех самых пресловутых конвертов с серыми «премиями», но и полный запрет на настоящую русскую литературу. В книгах, по радио, на ТВ страшно коверкался русский язык. Книгоиздание мало-помалу превращалось по задачам в свою полную противоположность. Всем, кто в борьбе за **это** достиг успехов, тут же присваивались различные премии и звания.

Без нового подхода к СМИ и литературе всё уйдёт в речной песок, и корабль, управляемый очень талантливым капитаном, одним из самых перспективных российских губернаторов, обязательно сядет на мель, как это происходит нынешним летом на реках республики. Много будет зависеть не только от мощнейших министров промышленности, энергетики и транспорта, строительства и ЖКХ, коммуникаций и связи, сельского хозяйства и продовольствия, но и здравоохранения, и, не менее важно, культуры. На сегодня, кстати, республиканская культура по своей эффективности на самой последней позиции. Тут важна не только красивая внешность, но и глубочайшая духовность.

О СМИ. Лет десять в республике их фактически нет. Есть эрзац-газеты и журналы, эрзац-каналы и такие же информационные агентства. Есть жалкое подобие литературы. В общем, создано весьма бледное информационное поле, годами расчищаемое от талантов и профессионализма, как будто для отторжения от общего российского поля. Так называемых здешних журналистов готовили не к борьбе за созидание, а к комфортному сопровождению, если можно так выразиться, направленного нравственного распада региона. Члены ОПГ таким манером мечтали уйти от ответственности, создав условия для разрывания республики на этнополитические части, спешно приватизуемые к другим регионам, чтобы затерялись концы их финансовых махинаций. Прошёл год, но мало что изменилось. Воспрянувший за счёт казанских специалистов «Юрган» опять стал скатываться к мелкотемью, к неоправданному и бессистемному подбору, имеется в виду по тематике и идейному содержанию, заёмных передач и кинофильмов.

Приходит время смены руководства Союза писателей Коми. Если раньше я думал, что достаточно убрать Елену Козлову, главную там проводницу идей Маркова, то теперь

твёрдо уверен, что до Нового года, ради спасения остатков настоящих писателей и их талантливых книг, позарез нужных республике и стране, должен пройти новый съезд писателей с заменой большей части правления. Отправить на пенсию Козлову мне ещё 24 ноября прошлого года обещала Тамара Николаева, которая прекрасно осведомлена о коррупционной сущности её окружения.

Механизм там очень прост – круговая порука и взаимная поддержка. Все дружно голосуют за издание книг друг друга в собственном издательстве Союза, награждение и присвоение разных титулов. Страшная эта игра идёт на государственные деньги и звания. Есть даже определённая живая очередь. Ты можешь выпустить книгу вообще без текста, на самом деле, многие опусы таковыми и являются, пусть никто её читать не будет, но в назначенный час автор получит любую награду. Вплоть до народного писателя. Список разбухает с каждым годом, а в главной столице считают, что у нас лишь три поэта и пару прозаиков. А остепенённых десятка три! Недаром эту таёжную механику давно уже раскусила Москва. И в октябре прошлого года главный редактор «Литературной России» Вячеслав Огрызко, известный историк литературы и литературный критик, в двух статьях разгромил «творчество» Надежды Мирошниченко и Елены Козловой. Обвинения в графоманстве там самые мягкие. Да, наши «прославленные» авторы получают разные премии, которые их доброхоты выдают за престижные. На самом деле, проблема множества карманных премий заключается в их самой низкой профессиональной планке. Узкие во всех смыслах произведения оценивают, не отходя от банкетного стола, никому не ведомые ещё более узкие специалисты. Потом в дело вступает купленная пресса.

Ещё в марте я ставил вопрос о замене всего так называемого Экспертного совета, давным-давно, как считают в секретариате Тамары Николаевой, потерявшего всякую

легитимность. Причин несколько. Состав подобран лично Черновым и утверждён ещё Торлоповым. Работал он по принципу всё той же круговой поруки. То есть, члены Совета, в сущности, голосовали только за себя и за своих друзей. За заказы подозрительным, зато родненьким, издательствам, не имеющим в своих штатах ни одного специалиста в области литературы и полиграфии! А между тем, в республике за десять-пятнадцать лет выросла талантливая когорта поэтов и писателей, чьи имена можно встретить в самых престижных журналах Москвы, Минска и даже Парижа. Они лауреаты настоящих, а не надуманных федеральных и национальных премий (Тут я говорю и о себе). Однако Козлова и компания цепко держат в своих руках казённые деньги и никого к кормушке не допускает. Для них это действительно кормушка, а не духовный сосуд. Коррупция всегда боится профессиональной конкуренции. А в местечковой литературе особенно.

Конкурс. До конца сентября специальная комиссия должна отобрать произведения для публикации на грантовой основе. Звучит хорошо. Только пока нет никакой уверенности, что наступает момент истины. В декабре прошлого года, как и в предыдущий год, Экспертный совет отобрал к изданию среди первых мою книгу «Суслоны». Перед этим она набрала на сайте Агентства самое большое количество электронных голосов поддержки среди русскоязычных книг. Однако при повторном голосовании, когда вопреки всем правилам, как чёртики из табакерки, появились добавочные книги, мою уже не удалось втиснуть в план. Помните, в марте М. Ю. Порядин (бывший руководитель администрации главы Республики Коми) обещал мне в присутствии высокопоставленных свидетелей учесть при случае и результаты электронного голосования по моей книге, и голосования Экспертного совета 25 декабря 2015 года? Он также по своей инициативе обещал меня ввести в состав нового Экспертного совета. Когда же,

как не сейчас, начать выполнять обещания? Ведь команда Гапликова (бывший глава Республики Коми) пришла для борьбы с коррупцией! Так оправдывайте, ради Бога, своё высокое предназначение! Может ли министерство само себе, равно как и читателям, а также талантливым и честным писателям, дать гарантию, что при отборе рукописей комиссия будет опираться только на предлагаемые тексты, рецензии, аннотации, на известность автора в литературных кругах России, в конце концов, на свой высокий литературный и эстетический вкус, (если он имеется), подтверждённый блестящим образованием и собственной литературоведческой квалификацией, а также на высочайшие нравственные критерии, на желание истинных граждан дать дорогу талантливым творениям, делающим славу республике? А не на пресловутые коррупционные схемы, главным результатом которых станет своеобразный допинг очередным, а на самом деле всё тем же графоманам, с которыми комиссия может быть повязана не самыми благородными узами? Если нет, то кто вернёт из своей зарплаты государству деньги, коль их опять разбросают на что попало, только не на большую литературу. Зачем тогда огород городить? В сегодняшних политических условиях, когда России как никогда нужна мощная патриотическая и высоконравственная литература, подобный подход будет равен измене родине. И за это рано или поздно придётся ответить. Весной прошлого года я сказал господину Фролову, после всех положительных голосований перекрутившему мою книгу: «Не будет книги, и вас никого не будет». Он лишь насмешливо захохотал в ответ. Двадцать первого сентября я ему вновь позвонил: «Книги нет, и вас никого нет». Пазлы сошлись.

На дне Тихого Дона

Русская литература готова к очередному роману-эпопее.

ПОЕЗД НА ДОНЕЦК

Александру Лобанову

Через поле, через лес,
Где мы майский жгли костёр,
По ночам шумел экспресс
В терриконовый простор.

Шёл из Орши на Донецк
Мимо русских деревень
Трёхязычный удалец,
Выворачивая день.

Мчали добрые сябры
Меж радимичей в хохлы.
Жадно нюхали бобры
Антрацитные дымы.

Над кудрявою рекой
Штык-ножом ярился пост.
За газетною строкой
Грохотал со мною мост.

По нему, купив в свой год,
Продырявленный билет,
Ехал, будто бы на фронт,
В армию в расцвете лет.

Обогрела Днепр и Буг
Миномётная заря.
Сели в скорый – я и друг,
Даже с виду – дембеля.

Во главе купе – картуз,
Слева кучма¹, справа брыль².
Был в славянский наш Союз
Поезд вбит, как в рельс костыль.

Что попутчик, то сосед;
Грех дружить без бутыля.
И сиял зелёный свет
Ото льна до ковыля.

Как-то в Сочи в пору смут
В давке наций и имён
Объявили, что маршрут
Украиной отменён.

Сняли рельсы, вместо шпал
Лычки, звёзды и кордон.
Поезд крикнул и пропал
Между станций и икон.

У каждого своё Болдино, Константиново, Спасское-Лутовиново, Овстуг, Ясная Поляна и Вёшенки. Список свя-
тых для русского сердца селений с успехом можно продол-
жить. Неисчислима земля наша на литературные таланты.
Раз в век отечественная словесность обязательно разли-

¹ Кучма – шапка с меховым верхом и исподом.

² Брыль – соломенная шляпа с прямыми широкими полями.

вается мощным половодьем эпохального произведения. Эпопеи. Своё вещее слово уже изрекли Лев Толстой и Михаил Шолохов. Литературоведы прочат в вечные памятники национальной словесности ещё несколько пронзительных имён. А мне хотелось бы заранее заявить – двадцать первый век, заблудившийся в переходе от человека природного и разумного к цифровой его модели, искусственному интеллекту, просто обязан дать сгустки гениальности. Тем самым предотвратив полный провал в виртуальное пространство носителя образа и подобия Господнего. Насильственное разрушение его религиозного сознания. Не важно, что в данный момент тема особо не интересна ни Кремлю, ни дворцу олигарха, ни бревенчатой избе со старухой, доживающей свой тяжёлый век. Подвиги, в том числе писательские, свершаются вовсе не ради славы. Хотя в наши времена она всё больше становится мерилom, часто в золотом эквиваленте, всей мало-мальски известной пишущей братии. Её даже Иванами, не помнящими родства, часто называть трудно. Так, ГМО. Химическая прослойка, обесценивающая на праведной стороне бытия любую стоящую национальную книгу и явный талант. Однако через дорогу всегда колосятся тучные поля с не модифицированной рожью и пшеницей.

Речь о настоящей литературе. Чьи гены, подпитываемые Пушкинским ДНК, бессмертны. Как бы их ни пытались исковеркать вырвавшиеся из ада энергии. Национальные особенности рано или поздно потребуют криничной воды, окропляющей державные пассионарные поколения, их величайшие свершения и всем понятный портрет отечественной истории. Прочь разные нигилисты, шарлатаны, позёры, словесные эквилибристы и сибариты! Словом, болотные обитатели.

Миллионы из нас носят православные крестики, не подозревая, что на гайтане самые настоящие антенны, связующие души с Богом. С прошлым, настоящим и будущим нации. С реками судеб, пронзающих миры, о которых мы

можем только догадываться. Через толщу событий, свет и мглу ведёт нас бессмертное Русское Слово.

Писатели стоят почти рядом, если не вровень, со священниками, многое знающими об Истине. Говорят, суть её в какой-то степени может объяснить ВОДА. В молекуле святой воды, как утверждают учёные, при мощном увеличении виден образ Богородицы. А сколько в Отечестве таких вод?! Хранящих Завет, мысли и формулы, данные Провидением для человеческого прозрения.

Я видел Волгу, Дон, Днепр, Северную Двину, Печору и много других рек, ставших для России духовными сосудами. Какие только песнопения ни звучат в душе при приближении к величавым струям. Но они мелеют, заносятся песком. Зарастают камышом. Сколько экологических проблем возникло вокруг той же Волги-матушки. Может, потому, что давно не пробивались подпитывающие её родники мощных произведений, исходящих из самого смысла существования народа. А если нечто подобное и есть, то его просто не замечают в виду мизерных тиражей. *Уверен, движение слова и воды тесно связано через Дух.* Скорее всего, одно рождает другое. Видимо, распутинское «Прощание с Матёрой» или астафьевская «Царь-рыба» и есть в некотором роде подтверждение тезиса. Да вы и сами, наверное, замечали, что все гении родились на могучих реках или их притоках. Даже толстые журналы нередко носят «речные» имена.

Сегодня я лично знаю двух талантливых русских прозаиков, неспешно работающих над истинными эпопеями. По крайней мере, по задумке. Одна посвящена горячему разлому Отечества в девяностые годы. Вторая – не менее жарким событиям в Приднестровье. Действо в бессарабских куцах крутится вокруг пограничной реки, над которой парит белый аист. Стык во многом противоречивых эпох, словно тектонических плит, дал массовые народные бедствия, скрежет и стон, что помутнил ранее чистые наземные воды и неминуемо выдвинул необыкновенных, неслыханных

персонажей. Готовых хоть сейчас взойти на литературные пьедесталы. Природа как бы устроила конкурс – чей герой окажется самым достойным и живучим. Впрочем, никто из нас не знает всех участников марафонского забега, победитель которого получит громокипящий кубок.

В лучшие для советской словесности годы я поражаюсь разливу маленькой речушки Снов, текущей от Белоруссии через Брянщину на Черниговщину. Из ручейка, который лягушонок перепрыгнет, в апреле она превращалась, подобно русскому характеру, в широкую вольную стремнину. Тогда же я ошеломлялся майскими безбрежными водами Десны, вырывающимися, как взмыленный конь Ильи Муромца, на просторы украинской лесостепи и через сотню вёрст, вволю поящими певучий тогда ещё Киев своей певучей же синью, очищенной в брянских корабельных рощах и дубравах. Не зря в далеко не застойные семидесятые действовал межреспубликанский Комитет по Десне. Партийные бонзы, как ни странно, хорошо понимали почти мистическую важность одного из главных притоков Днепра. Не только речной, но и духовной скрепы братских, не побоюсь такого определения, народов. Стоило неразумным хохлам перекрыть Крымский канал, наполнявшийся в том числе и деснянскими водами, как херсонская степь стала засаливаться и затягиваться вонючей болотиной. Как и, вслед, поведение заколдованного, что отмечал ещё Гоголь, народа.

На Снови я слушал лихие былины старого рыбака, чья дочь по фамилии Родина (!) родила в международном сельхозтехникуме байстрюка от чилийца. Смуглый папая младенца вскоре смылся в прерии растить виноград и картошку. Прислал былой подруге только одно письмецо. Главными в нём были не слова ушедшей любви, а вымаранные тамошними цензорами советы, как правильно, по-американски, травить колорадов. Об этом, как и многом другом, рассказывал мне, то и дело ловко подсекая блестящую рыбёшку, грустный дедок с обвислыми усами, помнив-

ший ещё поход Щорса через здешние Кудыкины горы на Киев.

Никуда мне в те дни не требовалось бежать, лететь, трястись в «козликах» и обычных телегах, чтобы в блокноте прописать дивные истории. Достаточно было перейти с удочкой по трясущимся кладкам речушку и самозабвенно внимать словоохотливому любителю сказаний и плотвы. Почему-то её здесь жарили на сале. Так же, видать, в своё время в соседнем сосняке слушал байки местного грибника художник Иван Шишкин. Набрасывавший у Великой Топали этюды для своих знаменитых «Медведей».

Эпоха за эпохой, роскошные, как свадебные поезда, выплывали из золотого осеннего леса, и, преодолев под птичьими колокольчиками скошенные и заскирдованные луга, медленно удалялись в вечность. Мимо людей, былинных сёл и хуторов. Оставляя им гроздь красных и чёрных историй. Редко украшающих газеты и журналы. Особенно толстые.

Только литература способна остановить мгновение. Через волшебное увеличительное стекло рассмотреть его позорче, не стесняясь выпирающих как из рога изобилия образов. Надо лишь научиться слушать простой народ. Я его и слушал. В лесу, где конь таскал свежесрубленные хлысты для новой хаты соседа. В ночном, где под фиолетовые лошадиные взоры пастух вспоминал свои давние курортные приключения. На картошке, сенокосе, жнивье в минуты отдыха одаривали меня русские люди своими историями. Ими прямо-таки кипели, подобно пиву, районные булдыри, чем-то похожие на устные говорливые журналы, без редакторов и цензоров, с цветным калейдоскопом тем, слегка приправленных матерком, с очень благодарными и заводными слушателями. Меня никто не стеснялся. Подумаешь, корреспондент. Интересно, так налей рассказчику и тоже послушай.

Однажды после пары кружек, увешанный корзинами с черникой ягодник повёл газетчика к себе в гости. Ока-

зался боевым лётчиком, сбитым в одной из локальных и мало кому известных войн, бежавшим из плена. Передо мной сидел очередной очарованный странник. До полуночи он с любезной женой чистил от зелёных клейких листиков ягоды, а я впервые в жизни читал за перегородкой Библию. Как будто Господь свёл меня в самую атеистическую эпоху то ли с грешником, то ли с ангелом высокого полёта. Понятнее становились священные страницы после волнующих рассказов прихрамывающего майора. Целый год я напрасно подбирался к Книге Книг в одной деревеньке, бережно хранившей священные фолианты. Мне упорно отказывали, уповая, что я, хоть и внук священника, пока не готов осмыслить загадочные страницы. И вдруг, в шипящем, на взгляд многих жён, кабацком аду я встретил поводыря, выведшего меня, подобно герою Данте, на свет, к той самой желанной Книге. Неуж-то, созрел?!

Любит излить душу наш человек. Я тогда не задумывался, хоть и поработал не в одной районке, что из густой массы былей могли вполне произрасти, скажем, новые «Охотничьи рассказы». Главное, ничего не надо придумывать. Герои действуют в необыкновенных условиях, порой на грани яви и фантастики. Проявляют чудеса изобретательности, смелости, лихости и Бог знает ещё чего, на что способен русский человек, верный своей космической планиде. Встречались тут местные Хори-Калинычи, Аксиныи, Гришки Мелеховы и Андреи Соколовы, прошедшие немецкие и советские лагеря. Однажды меня познакомили даже с дезертиром, просидевшим в подвале собственного дома целых двадцать лет.

Не менее страшными, чем у Лескова, и одновременно удивительными подробностями пестрели любовные приключения. В них блистали яркими поворотами судеб председатели, парторги, прокуроры, милиционеры. Простые доярки и скотники. Да мало ли кто, не смогший приструнить разгулявшееся сердце.

В России никогда не бывает скучно. Наша жизнь развивается сразу в нескольких пространствах и временах. Прямо-таки раздолье для писателя. Садись и пиши. Можешь просто роман. А можешь и эпопею. Уж как повезёт. Ведь ты, образно говоря, находишься на дне собственного «Тихого Дона». Вверху, за толщей воды и жизненных коллизий, отчётливо виднеется солнце. *Дно можно понимать и как ДНО, и как ДЕНЬ.* По Далю, дно – исподняя часть какого-либо сосуда. Может быть, великой любви. Или житейской мудрости. Там каждый камешек золотой. Всякая раковина с жемчугом. Подобно Садко, осторожно пробуешь струны сладкозвучных гуслей. Надеешься, что под них запляшет речной царь. Волны взбурлят и в щепки разнесут яхты нуворишей, водящих дружбу с нечистой силой. И внесут прекрасные витязи в русские города и веся тысячи бесценных книг, дарующих лад и радость. Такова русская мечта. Социальный заказ на шедевр.

Автор должен помнить, для кого и зачем он создаёт своё произведение. Русская почва, возделанная старинными хлебопашцами, ещё способна разродиться гениальными трудами. Корни у них будут деревенские, выросшие в подзол и в редкий тут чернозём, а не в какой-нибудь городской поролоновый гидропон.

Чем же хуже местные крестьяне хвалёных казачьих династий и дворянских родов? Да, у последних условностей больше. Того нельзя. Это полный моветон. Простым же колхозным селянам, вопреки ехидным утверждениям либералов, можно было почти всё. Даже тайные кабаки в избах молодок, с ещё тёплым «самограем», куда по случаю любил завернуть на рюмку чая районный чиновник средней руки, а то и скупающий по детективным историям начальник милиции.

Вот писатель и обязан очистить эпоху от самоварной позолоты. Тогда и советская эра, и Россия тех лет предстанут в совершенно ином свете. Ясном. Не замутнённом

идеологией. Легко, в минуту, преображающемся в радугу. Открывающем глаза на великую эпоху, как её справедливо охарактеризовал известный эмигрант из Харькова.

У Союза писателей России тысячи мудрых перьев. У каждого полная впечатлений биография. Уверен, что кроме двух выше указанных мною мастеров слова, ещё несколько талантов готовы рискнуть и создать гениальное полотно.

Время подходит нового «Тихого Дона». Только, дорогая страна, не мешай его течению. Ибо великая литература ненароком превратится в херсонские ядовитые солончаки. Без горстки соли истины.

Пришлось мне пожить не в одной крестьянской хате. С одинаково расставленной мебелью и похожими фотографиями. Зато повсюду обитали колоритные национальные характеры. Любой мог стать наброском для портрета современника. Сюжеты так и лились с народных уст. То была моя самая высшая академия, достойная эпопеи. Частично дары судьбы я уже реализовал в своём романе в стихах «Тарас и Прасковья» и в нескольких поэмах. Думаю, подобные мысли приходят на ум не одному коллеге.

А как же для мастера слова университеты? Побокую? Получи аттестат за среднюю школу и дуй прямо в народную гущу? Вуз, особенно именитый, талантливому человеку не помеха. Особенно, если тот получит научное подтверждение лингвистических и прочих озарений, пришедших в годы работы в прессе, ошибочно называемой низовой. Лучшей школе для будущего классика. Шансов у него замахнуться на эпопею больше, чем у «необстрелянного» студента-филолога. Шолохов – живой пример. Хотя я уверен, что автором главного шедевра двадцать первого века станет писатель, хлебнувший и народной жизни, и факультетских треволнений, и военных испытаний. Будет он по рождению, скорее всего, провинциалом. Не исключая, родившимся в семье сельских интеллигентов.

Стало модным плакаться, что нас сейчас мало кто читает. Дескать, отошёл от большой литературы русский мужик. Уткнулся в телевизор, компьютер, сотовый телефон. В чумные сериалы погрузился. Даже родную самогонку позабыл. Бежит теперь в супермаркет за бутылкой со странной наклейкой. Англичиким пытается козырять. Хотя и со страшным акцентом. Кажется, всё так. Библиотекари вам подтвердят. Классика всё чаще остаётся нетронутой на полках. Неужели мы до такой степени другие, что нас уже не волнуют рассказы о человеческих судьбах. Неужто не вздрогнет сердце от местного словечка, слышимого в прекрасном детстве? Да не другие! Не очерствели. Быть русскими не перестали, что бы там не талдычили социологи и модераторы-детонаторы цветных революций.

Настала пора в старые меха вливать горячие молодые вина. В первую очередь, крымские и кубанские. Напитки из молдавских и грузинских подвалов уже прокисли. Русский человек так устроен, что как бы ему ни был интересен большой мир, всегда хочет узнать, что делается в соседнем доме, переулке. Как поживают родичи где-нибудь в вернувшемся в родную гавань Судаче. А если твой роман, впитанный душой в русских селениях, заденет самые тайные струны, будьте уверены – наш мужик его прочитает. Даже в интернете добрым словом отзовётся. Если, конечно, не забанят. Лишь бы со страниц пахло Жизнью, а не её пресными консервами. И не стесняйтесь диалектов. Вон как здорово их используют орловчанка Татьяна Грибанова и тюмонец Николай Ольков, одни из самых замечательных, не обиженных высокими премиями, прозаиков двадцать первого века. Всегда с трепетом открываю их новые произведения в «Берегах». Но не только этот прекрасный калининградский журнал, подобно чудному острову Гвидона, внезапно, возникший у моря-океана, способен заметить и опубликовать современную классику. Кстати, именно Балтику, по мнению дотошных литературоведов, и бороздила флотилия царя Салтана.

К чему меня потянуло на такие раздумья? Нельзя сказать, что ни с того ни с сего. Слишком долго подбирался к эссе. Сомнения мучили. Допустим, эпопея кем-то создана. Где её печатать?! Выбор, прямо скажу, узкий. Конечно, есть несколько издательств, не чурающихся прорывной классики. То же «Вече». Всё увереннее проявляют себя толстые журналы. Как в столицах, так и в провинции. Не всегда, правда, сразу разглядишь их истинную прописку. Некоторые «областные» издания уже давно заткнули за пояс сдувшиеся ранее именитые московские и питерские. В условиях «конкуренции» с той самой пишущей братией, которую я помянул в начале эссе, пока тщетно мечтать о широком государственном признании эпохальных вещей, написанных на добротном русском языке. Вызывает улыбку маниловская мечта некоторых в общем-то неплохих авторов заполучить тираж своего опуса сразу в несколько сотен тысяч экземпляров. В широкие ворота стремятся, однако. А не лучше ли сначала постучаться в резную калитку с гордым названием толстого журнала?

Произведения, отороченные гордыней, вполне могут появиться. И появляются. Чаше под секретным грифом «ГМО». У спонсоров подрывной литературы всегда отыщется золотишко для дурно пахнущего бумажного хлама. Хотелось бы, чтобы мы вспомнили, с какого тиража начинался Пушкинский «Современник». Со шести ста (!) подписчиков. (У нынешних «Берегов», «Родной Ладogi» и «Подъёма» куда больше. Плюс тысячи благодарных читателей на электронных сайтах изданий.)

Пушкин, как и нынешние главные редакторы журналов, познал огромные типографские издержки и финансовые бреши. А что стоило, подумают нынешние дельцы, получить пятнадцать тысяч откупных, предлагаемых пронырливыми оппонентами, и продать набравший художественную и политическую силу журнал. Как красивую дворовую девку до отмены крепостного права. Гений не

пошёл на сделку с совестью. Произведения, им опубликованные, очень быстро узнала и полюбила вся читающая страна. Думаете, у явленной русскому человеку классики тогда не было сильных конкурентов? Как бы ни так. Около трёхсот вполне известных писателей тачали свои поделки в преуспевающих издательствах. Все они, как стоптанные сапоги, давно выброшены на свалку. Остались только славные имена, собранные Пушкиным под сенью легендарного «Современника».

Поскольку старинные издательские, и не только, проблемы вернулись в Россию почти через двести лет, значит, мы вправе ждать новых великих имён, достойных эпопей. Только при страшном сопротивлении разных болотных деятелей она способна проклюнуться из яйца Истины. Вспомните, как чекисты, мягко говоря, мешали Шолохову во время создания «Тихого Дона». Словно гоголевские черти, сыплющие золу в глаза Вакуле, малюющему (если по-хохлятски) для приходской церкви картину со святым Петром. А как Михаила Александровича травили уже после создания шедевра. Автору досталось не меньше, чем его славным и горемычным героям. Закончилась же эпопея всенародной любовью и Нобелевской премией. В конце концов, Шолоховским писательским садом в станции Каргинской, посаженным благодарными русскими писателями.

На фоне чудовищных экономических проблем почти всех толстых журналов классической направленности и одновременного их творческого всплеска очень своевременно прошёл посвящённый «толстякам» Ульяновский фестиваль с символическим названием «Волжская пристань». Как будто обмелевшая, изнывающая от духовной жажды великая русская река позвала капитанов последних литературных пароходов в свой порт. Спасите, мол, своим печатным словом меня, а я спасу вас. Под эгидой тамошнего губернатора Сергея Морозова, кажется, впервые в истории

русской литературы заговорили о создании Ассоциации толстых журналов, принадлежащих Союзу писателей России. Задумались о пропаганде в сетях выходящих номеров. С одной стороны, писатели поняли, что нужно держать порох сухим. А слова чистыми и не запятнанными. С другой, у провинциальной власти уже появились провидцы, осторожно расставляющие спасительные бакены на фарватере отечественной словесности. В этой обнадёживающей «вилке» журналы вполне могут развернуться. По крайней мере, в общественно-политическом и литературно-художественном секторе. Лучшие издания должны быть готовы вовремя распознать и «сканировать» выдающиеся подборки, романы, в конце концов, эпопею. Уж будьте уверены, она не за горами. Потому и фестиваль гудком прогулочного парохода с делегацией главных редакторов на борту огласил обрадованную Волгу.

Небывалый период уныния и шатаний в отечественной словесности заканчивается. Правда, с резким делением оной на лагерь. В этом смысле мы – и русофилы, и либералы – возвращаемся в Пушкинские времена.

От того, победит ли в войне полюсов нравственности её главный герой – природный русский человек, полный смыслов и чувств, созданного в тайных лабораториях электронного двойника, обладающего нехилым искусственным интеллектом и распечатанными на 3Д-принтере органами, зависит судьба Цивилизации, России, Моего народа. Вот главный вопрос, на который должна дать чёткий художественный ответ грядущая литературная эпопея двадцать первого века.

26–28 июня 2019

Я росс срединный, древнерусский;
Дитя побед и горьких контрибуций.
Поэт и гражданин Подлузский
Достоин тоже буквы конституций.

Пускай в том списке сто последний
Из множества великих упущений.
Но без меня вдруг всю обедню
Испортит поспешающий священник.

Переборовший уйму санкций
От всяких там раздувшихся и малых,
Прошу вписать народ мой в святцы
И в главные казённые анналы.

От самого комля я здешний.
И никуда отсель не уезжаю.
И, как раскаявшийся грешник,
В себе я русскость вольную стяжаю.

Кто только не суёт в берлогу
Ко мне язык, то длинный, а то куцый.
Да вот живу же, слава Богу,
Отчаянно средь войн и революций.

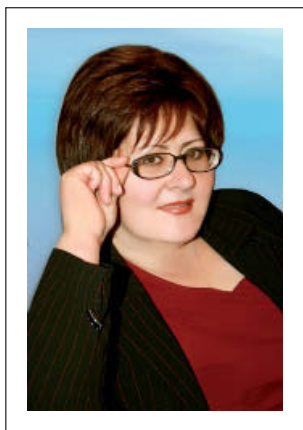
При том пою такие гимны,
Что у вражины лопаются зенки.
Я, слепленный из русской глины,
Имею все небесные оттенки.

Богаче всех и всех беднее,
Вдыхаю слово древнее и ладан.
Не важно, сколь осталось дней мне,
Лишь были б все освящены талантом.

Не гложет ни одна потреба
Взамен былых аннексий-контрибуций.
Как жаль, коль не взойдут на небо
Без русской славы буквы конституций.

Руси потом не оправдаться
В годину вдруг нагрянувшего бедства.
А приголубленные братья
Не выживут без нашего главенства.

Я росс, я нашенский, я русский;
Дитя с ума сошедших революций.
Запомните – уже Подлузский
Вписал народ свой в святцы конституций.

Людмила

ИЗ ИСТОРИИ РАЙОННОЙ ГАЗЕТЫ

Мглинский медиан

Время летит быстро. Даже для журналистов, научившихся раскладывать его на мгновения. Поэтому у каждого из моих коллег в памяти воз и маленькая тележка фактов и эпизодов, так или иначе изменивших жизнь. Пусть даже отдельно взятого Мглинского района. В этом очерке, написанном по просьбе уважаемого мною мастера слова и журнального менеджмента **Людмилы Максимовой (Жигалкиной)**, с которой в середине семидесятых в Мглине несколько лет делали газету и радио, хочу рассказать сегодняшним читателям о нашей любимой районке сорокалетней давности. Помянуть почти всех, кто её создавал.

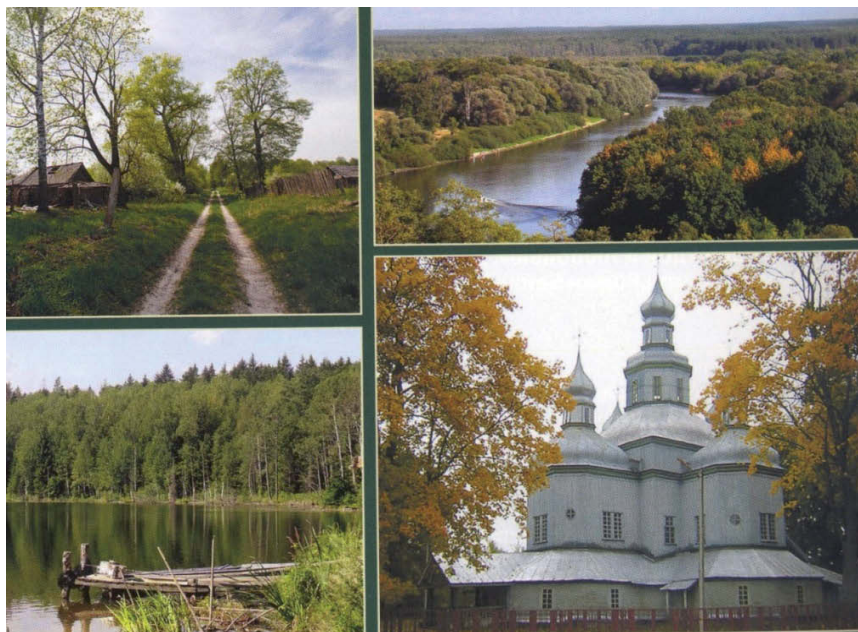
Что за атмосфера была в редакции «Заветов Ильича» и вокруг неё? Скажу сразу: в моем понимании то был золотой век. Может, по причине нашей молодости. Может, из-за довольно светлого брежневского времени, которое газетчики всегда опережали хотя бы на шаг.

Владимир Подлузский в первом ряду второй слева

Внуки князя Игоря

С кукурузника древний Мглин кажется райским местом, чётко расчерченным на городские кварталы, густо раскрашенные зелёной гуашью, облепившей белые и цветные домики. Ближе к центру золотыми куполами сияет собор, построенный нашими предками в честь победы над Наполеоном. Храм всегда соседствовал с властями района. Даже партийными. Правда, тогда числился складом райпо. В пору реставрации церкви я по строительным лесам как-то в выходной взобрался с тогдашним мэром Александром Палевичем на самую верхотуру и любовался филигранной работой бородатых мастеров. Да и всей окрестностью, расшитой полями, лесами, растущими от напора подземных вод холмами. Приглядевшись, почти о каждом домике мог бы поведать легенду или реальную историю. Как и о мно-

гих мглинчанах. А где-то там, на восточной окраине, у дороги на Новую Романовку, наша незабвенная редакция. Можно сказать, моя юность. Ведь немало лет я проработал журналистом в «Заветах Ильича», предшествующих местной районке. С тех пор пролетело четыре десятилетия. Но не забыть счастливые и не очень воспоминания тех молодых лет, полных поэзии, романтики и влюблённости. А главное, незабываемых профессиональных уроков, правдивость которых подтвердилась законченным мною журфаком Питерского университета.

Из тысяч журналистских встреч оттуда я вынес образ особого народа, повидавшего и монголо-татар, и поляков, и литовцев, и гетманов, и немцев. Смутно помнящего князя Игоря, чьей вотчиной Мглин слыл в незабвенные времена, сохранившиеся образными отголосками в здешней крестьянской речи. Даже в бессмертном «Слове о полку Игореве» те обороты можно отыскать.

Гроссмейстер

В редакцию ваш покорный слуга пришёл в августе семьдесят третьего. Сразу после армии. А до службы год отработал в Погарской газете «Вперёд». Уже сержантом несколько подвальных статей опубликовал в окружных газетах Москвы и Одессы. Словом, некие опыт и перо у меня были, и меня охотно взял на работу в редакцию корреспондентом «Заветы Ильича» зам редактора Евгений Галутва. Высокий галантный

мужчина, в чёрной выглаженной паре, с неизменным цветным галстуком. Начитанный, цитирующий Пушкина, особенно «Евгения Онегина», несколько ироничный. Заядлый шахматист, готовый играть с коллегами хоть на зарплату.

Помнится, в обед он устроил турнир с корреспондентом Юрой Равошиным, большим оригиналом, сыном знаменитого нефтяника из Азербайджана, заброшенным на годик в Мглин по объявлению журнала «Журналист». Отпрыск Героя соцтруда выиграл сражение на доске и потребовал у Евгения Петровича денег. Тот кивнул и повёл победителя к бухгалтеру Вороновой: «Леонтьевна, отдашь Равошину мою зарплату». Та с улыбкой кивнула. При свидетелях выдала счастливому рыцарю шахматной королевы сорок копеек. Зам редактора тогда рассчитывался за кредиты. Слыл Галутва известным в районе поэтом. Оседлавшим, как бывший моряк, морскую тему и не чурающимся эпиграмм, чуть не доведших автора до суда. За едкую стенгазету, вывешенную в коридоре редакции.

Старик, не гони лошадей

Позже я познакомился с редактором Николаем Гусаровым, возвратившимся с отпускного юга. Человеком добрым, бывшим военным лётчиком, майором, выпускником Минского журфака, пописывающим по партийной надобности критические стихи под псевдонимом «Н. Камнев». Это был великий труженик. Помню его с массивным диктофоном, в буквальном смысле в поте лица записывающим так называемые районные совещания по проводам. Когда первый секретарь райкома Леонид Галкин с помощью нехитрой техники, установленной в кабинетах начальников всех уровней, доносил до них своё мнение. А те про себя комментировали его заявления типа «в последний раз предупреждаю». Редактор те речи часами мучительно расшифровывал и абсолютно непереваримыми полосами печатал в газете. Кажется, в области это был единственный пример подобной телефонной журналистики.

До мозга костей Николай Григорьевич был коммунистом в лучшем значении слова. За одно из комсомольских прегрешений он меня чуть не понизил в должности с завотделом писем до рядового корреспондента. Пуля просвистела над головой, и меня решили не наказывать. Ответственный секретарь редакции Иван Ильичев был настолько легендарной личностью, что газету районные остряки за глаза называли «Заветы Ильичева». Фронтовик, минометчик, старшина-сверхсрочник на заставе, поживший под Гродно в одной комнате военной общаги со знаменитым Никитой Карацупой. Успевший поработать на Брянском областном радио и сопровождавший вместе с обкомовцами в «АН-2» самого Гагарина. Иван Алексеевич был скрупулезен и методичен. Ездил он каждый день из Унечи. Днями, поминутно меняя оптику и протирая линзы платочком, вычерчивал газетные макеты, орудуя строкомером и резиночкой. Создавалось впечатление, что Ильичев

проектировал по меньшей мере ракеты, бросая время от времени свои любимые поговорки: «Не гони, старик, лошадей» или «Магазин ты знаешь где». Свои редкие статьи Иван Алексеевич, не успевший из-за войны закончить даже техникум, начинал по-военному четко: «На северо-западной окраине, в двухстах метрах...»

Парторг и Остап

Парторгом у нас был зав сельхозотделом редакции Николай Черненко, заочно, как и Евгений Галутва, учившийся на журналистском отделении Московской ВПШ. Ездил он на работу из Ветлёвки на мотоцикле. Поскольку дорога тогда почти всегда была в непролазной грязи, Николай Дмитриевич в кабинете переобувался. В минуты редакционного трепы, наступавшего часам к двенадцати после сдачи в линотипный набор первой полосы, скрипа лихих перьев и пулемётного стука двух машинок, пережевывающих правку, Черненко, заразительно похихатывая, напропалую цитировал Ильфа и Петрова. Не зная «Золотого тельца» и «Двенадцать стульев» в редакции считалось чуть ли не дурным тоном. Закончив ВПШ, он уходил в райком, в самый строгий по бумагам орготдел, но потом возвращался в редакцию.

В восемьдесят шестом, незадолго до Чернобыля, обком назначил Н. Черненка в воссозданный район редактором гордеевской газеты «Ударник». Оттуда через пару лет Николай Дмитриевич возвратился в Мглин и стал замом.

Прыгающее колесо

Наверное, теперь я имею право сказать о себе. Тот же Николай Черненко меня считал свежей струей в газете. Я подолгу работал над броскими заголовками. По полчаса обдумывал начало каждого материала, стараясь сделать его максимально оригинальным, образным. По несколько раз переписывал первый абзац, а то и всю страницу. При этом не забывал, что в редакции для каждого литсотрудника существовал план в 3600 строк (60 процентов авторских и 40 своих). Попробуй не выполни. Многого лишишься. Тебе не позволят, например, оформить четыре командировки. Как правило, я догонял «выработку» до пяти тысяч. И у меня оставался еще вагон свободного времени. На стихи. На личную жизнь. Жёстко по часам мы никогда не работали. Разве что при Андропове. Газета не терпит часовых стрелок. Зато на любое мероприятие я лично являлся за полчаса. В кулуарах узнаешь значительно больше, чем на самых многолюдных посиделках. Суббот и воскресений для меня просто не существовало. Только редакционные задания, что, собственно, и было частью личной жизни.

Два-три раза в неделю я мотался по колхозам и совхозам. Пешком, на попутках. Иногда транспорт по просьбе присылали из хозяйств. Помню, мне подогнали машину из Дубровы, а Галутва укатил на ней в свою Писаревку. «Газик», почему-то часто в статьях называемый коллегами юрким, в редакции был. Чаше на хроническом ремонте. Иногда всё-таки автомобиль торжественно выпихивали за ворота. Но, после того как отлетевшее и поскакавшее колесо чуть не врезалось в шествующего на обед начальника милиции Жилиева, опасные эксперименты прекратили. Ездили мы больше на мотоцикле «Урал» с фотокором Николаем Протченко, нередко попадая в разные истории. Многие очень хотели заполучить фото на память. Коля же отмахивался:

«Да у меня сегодня газетная плёнка». Зато печатник Борис Батурко как-то в субботу ухитрился «сфотографировать» на печатной машине, прозванной «американкой», группу колхозниц, зашедших погреться. Усадив причипурившихся женщин, Борис лихо крутнул рычаг. Даже пообещал снимок поставить в газету.

Встречали в сёлах журналистов тепло. Руководители, парторги и специалисты охотно бросали оперативные дела и с ходу включались в газетный процесс, везя нас в поля, луга, на фермы и станы. Туда, где кипела колхозная жизнь. Потом угощали, охотно общаясь с корреспондентами, как с друзьями, хотя часто мы писали очень критические статьи, героям которых в райкоме изрядно перепадало.

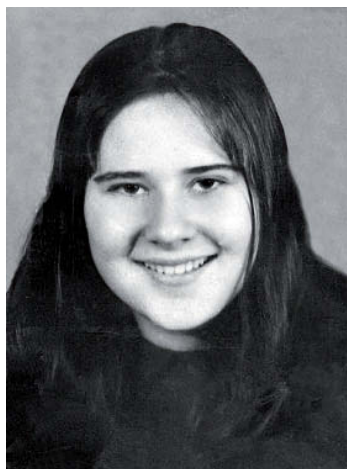
Говорит Мглин

В конце лета семьдесят пятого, вернувшись из отпуска, я уже через час пошёл в городской парк, рядом с которым, на стадионе раздавались азартные голоса. У кромки стадиона бегала и фотографировала футбольный матч незнакомая приятная девушка лет семнадцати, по манерам явная журналистка. Через несколько дней мы познакомились. То была Людмила Жигалкина, чьё имя всё чаще мелькало в «Брянском комсомольце» под шикарно выписанными полосами. Особенно врезались в память «Герцоги в кипарисах», очерк о тогдашней «неформальной» молодёжи. Люду по рекомендации обкома партии взяли в «Заветы Ильича» корреспондентом-организатором радио. «Радионяней», как потом называла её местная продвинутая молодёжь.

Где была Людмила Жигалкина, там всегда блистало избранное общество. Её манера поведения отличалась независимостью и лёгкой раскрепощённостью, присущей людям одарённым и подающим большие надежды. Мы

с Людой, живя в одном общежитии, сдружились как коллеги. И даже стали делать совместные выпуски районного радио. Наши голоса знал весь район. Многие при словах «говорит Мглин» бросали дела и бежали к динамикам. Иногда я подменял Люду, таская по городу тяжёлый магнитофон «Романтик-3». Не забывала Людмила и газету, где помещала запоминающиеся статьи, выписанные образно и со знанием дела. Люда, говоря сегодняшним языком, была ярким брендом Мглинского района. С её уходом в 1979 году в Брянск, в редакции, кажется, образовалась невосполнимая ниша. Помнится, как с грустью мы уже при новом редакторе Владимире Гуторове провожали её в зелёном Городище за

*Людмила Жигалкина
из Мглина*

дружеским импровизированным столом. С Людой Жигалкиной из Мглина безвозвратно уходила целая эпоха.

Отработав какое-то время в Брянске и Климове, Людмила Михайловна уехала в Омск, поступила на заочное отделение журфака Иркутского госуниверситета, устроилась в газету. Быстро замелькала среди творческого и политического бомонда. Успешно работала в печатных СМИ, в двадцать три года вступила в Союз журналистов России. Была главным редактором

районной газеты, заместителем главного редактора областной газеты «Омский вестник», директором «Имидж-центра» популярного омского издания «Вечерний Омск». И вот уже десять лет возглавляет свой частный холдинг, издающий знаменитый за Уралом глянцевоый журнал для элиты нескольких крупных азиатских регионов, «Сибирь и Я».

Ваш покорный слуга, получив два высших образования, работал потом в нескольких газетах Брянщины и Республики Коми. Вплоть до первого зама правительственной «Республики» и главного редактора «АиФ-Коми». Ещё в Мглине меня приняли в Союз журналистов СССР. А в сорок пять я стал членом Союза писателей России. В прошлом году за роман в стихах «Тарас и Прасковья» удостоен звания лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества».

Из молодых в редакции также работала Валентина Лайкова, учившаяся заочно на факультете журналистики Воронежского университета и бывшая членом бюро райко-

ма комсомола, что позволило ей по турпутевке побывать в Италии, Франции и Болгарии. Мглин для Валентины стал своеобразной стартовой площадкой. Позже она успешно реализовала себя в профессии. Много лет трудилась на Гомельском областном телевидении. Сейчас является собкором газеты «Советская Белоруссия», общается с первыми лицами республики. Какое-то время мелькал в те годы в редакции Слава Нищак, но для общественности и газеты как-то незаметно. Девушкам он представлялся как «агент Центрального телевидения».

Эпоха Гуторова

В мае 1978-го редактором «Заветов Ильича» стал Владимир Николаевич Гуторов, присланный обкомом с должности зама редактора Выгоничской и бывшего ответсека Климовской газеты. За день до назначения его в городе встретил Черненко. Узнав, что В. Г. временно без работы, предложил ему прийти в «Заветы Ильича»... корреспондентом. Визави обещал подумать. Велико же было изумление Николая Дмитриевича, когда наавтра хозяин района Галкин привёз Гуторова на «смотрины». Фактически уже нового редактора. По сути, в газете наступила новая эпоха. В немилость нового редактора тут же попали Евгений Галутва и директор типографии Митрофан Хлопянников, наш легендарный Львович, на своих руках вместе с рабочими таскавший при надобности тяжелые станки. Со временем Галутва, Ильичев и Хлопянников каменные стены, ставшие почти родными, не по своей воле покинули. Через многие годы Евгений Петрович в редакцию возвращался в ранге ответсекретаря.

К чести Гуторова, газета быстро изменила свой облик и качество. Повысились требования к литературному мастерству и уровню политической и хозяйственной критики.

*Владимир Николаевич
Гуторов*

Сам редактор принёс своё настойчивое перо и новую тематику. Стали печататься главы из рукописи краеведа Захара Протченко, года пролежавшие в редакторском сейфе и превратившиеся со временем в книгу о Мглине и районе. На свободной, огороженной вокруг редакции территории под руководством неистощимого на выдумки фенолога В. Н. Гуторова мы разбили парк. Летним жарким утром без всяких команд из шланга охотно поливали молодые деревья. Правда, следующий редактор Анатолий Теребунов, приглашённый в Мглин на должность

зама Гуторовым, парк убрал, а на его месте стал строить новую редакцию. В Мглинской редакции той эпохи был настоящий коллектив. Мы вместе справляли праздники, юбилеи, ездили с Гуторовым на экскурсии в Москву и Киев. Отправлялись на рыбалку и по грибы. По командам из райкома в выходные помогали колхозам и совхозам в прополке плантаций, уборке сена, картофеля, свёклы, ремонте помещений.

Для нас работа была всем. Журналистика, как тогда говорили, не профессия, а образ жизни. В полной мере мы этот тезис подтверждали. Молодёжь ютилась по общагам, которые нам по большому благу выбивало редакционное начальство. Только редактору полагалась квартира. Из всех льгот мы имели лишь блокнот да изредка выдаваемую бухгалтером шариковую ручку. Путёвки на курорт получал только редактор. Как и премии в размере оклада. Думаете, мы плакались? Как можно, когда занимаешься любимой работой!

Студентка-верблюд

Номера газеты выходили разные. Очень удачные и средние. Особо почитались читателями – со сногшибательными ошибками. Как-то в субботу я пришёл в художественную мастерскую КБО, расположенную на Первомайской, чуть дальше детсада, к художникам Мише Малашенко и Толе Воробьёву. По дороге заскочил в типографию и взял свежую газету для друзей. Это были талантливые люди, с чувством юмора. Под чёрным массивным телефоном у друзей всегда лежала сумма для субботних бесед. Меня, как самого младшего, посылали в магазин. В тот раз, вернувшись из «спецкомандировки», я нашёл приятелей корчившимися под столами от хохота. Толя тыкал пальцем в распростертые рядом «Заветы». На четвертой странице темнел снимок верблюда, лежащего под забором. Я прочитал подпись под клише и в конвульсиях рухнул рядом: «Студентка Азербайджанского университета (имя-фамилия) изучает русский язык».

Ранним утром первым редактору звонил Леонид Галкин и осыпал за ошибки крутыми «благодарностями». По цепочке втыки передавались корректорам и дежурному по номеру. С финансовыми оргвыводами и подтруниваниями коллег.

Светочи

Тогда мы слова «медиа», обозначающего прессу, и не слышали. Как и многих других, хлынувших в газетный лексикон. Нашей задачей было оснастить каждую статью хоть какой-то ссылкой на генсека. На всех районных совещаниях секретарь райкома ревниво поглядывал на корреспондента – уловил ли тот мудрую начальственную мысль? Иногда не выдерживал, и, называя с трибуны фамилию сотрудника газеты, подчёркивал: «Обрати, Подлузский, внимание». Верхом борьбы за чистоту языка в наших писаниях был редакционный словарь Ожегова. Хотя в Суземской редакции я видел все четыре тома Даля. Шла неистребимая борьба за нормы языка. Лишь при Гуторове нам позволили расширить собственный творческий словарь. А так – ни-ни. Пиши просто. Для колхозников ведь стараешься. Принципа придерживалось большинство тогдашних редакторов. Покойный Гусаров мне прямо говорил: «Все подъезды и подходы я буду из текста убирать». Таков был, с позволения сказать, Мглинский Медиан начала семидесятых.

Публикуя эти воспоминания, я хочу отдать должное своим учителям тех лет, многих из которых уже нет на этом свете. Они совершенно искренне верили в могущество нашей профессии и старались передать молодежи всё, что имели за душой. Пусть с ошибками, перекосами. Они были светочами Мглинского Медиана. Пусть такими и запомнятся.

Сентябрь 2015 года, г. Сыктывкар

Милый микрофон

Тёплый, живой голос Людмилы Жигалкиной (Максимовой) хорошо знаком всем мглинчанам, кто помнит далекий 1975 год, время, когда началось вещание районного радио. Людмила – его диктор, журналист и редактор в одном лице. Первым «домом» радио в Мглине стала редакция газеты «Заветы Ильича». Ее главным редактором в ту пору был бывший военный летчик и журналист по призванию Николай Гусаров. Именно он рассмотрел в семнадцатилетней улыбчивой девушке большой профессиональный потенциал и не ошибся. Позже Людмила Максимова работала корреспондентом, редактором, PR-менеджером нескольких омских газет, а потом решила создать собственный холдинг и независимое издание. Так появился журнал «Сибирь и Я». В этом году ему исполнилось пятнадцать лет. А начиналось всё с жажды творчества юной школьницы с далёкой Брянщины.

Путь в журналистику Людмила Жигалкина начала юнкором. Так в советскую эпоху называли юных корреспондентов-энтузиастов, создававших свои первые заметки и репортажи для печатных изданий, которые не были штатными сотрудниками. Работа внештатным автором районной газеты «Авангард» города Климово многому её учила. После девятого класса Людмила пришла в редакцию областной молодежной газеты Брянский комсомолец».

Жизнь здесь кипела, в коридоре можно было запросто столкнуться с такой знаменитостью, как Владимир Высоцкий. Стремление стать профессиональным журналистом ещё больше окрепло, когда её очерк о местных неформалах «Герцоги в кипарисах» вызвал волну откликов. Его отметили, как лучший в выпуске газеты. Когда Людмиле предложили должность редактора районного радио при редакции мглинской районной газеты «Заветы Ильича», раздумывала недолго. Готова переехать? Конечно! За плечами – внештат-

ный репортерский опыт и огромное желание штурмовать новые вершины.

Людмила вспоминает, с каким теплом встретил её город. А надо было не только работать, но и где-то жить. Коллеги всерьёз озаботились этим вопросом. Главный редактор Николай Григорьевич Гусаров посадил вновь прибывшую журналистку в люльку мотоцикла «Урал», самого надёжного редакционного транспорта тех лет, и повёз устраивать в общежитие. Комната на двоих, по воду надо было ходить на колонку. Да не важно, главное, сбылась мечта – она стала настоящим журналистом! «Людмила, будешь работать на радио», – поставил основную задачу Николай Григорьевич. «Но я даже не знаю, как обращаться с техникой», – попыталась возразить надежда мглинского эфира. «Отправим на стажировку в Климово!» – подвёл черту главред.

...И вот: «Говорит Мглин. Доброе утро, товарищи!» Эти слова впервые прозвучали в эфире районного радио в августе 1975 года. У микрофона дебютировала семнадцатилетняя Людмила Жигалкина. Первый диктор, автор выпусков передач и редактор радиоэфира. «Работала на радио четыре года. Местные жители в шутку называли меня «радионяней». Даже узнавали по голосу. Это внешняя сторона работы. А как волновалась перед микрофоном, знали только я и главный редактор Николай Гусаров. Он относился с пониманием, по-отечески терпеливо ждал, чтобы я настроилась перед записью (первые радиопередачи полностью записывались). Это же огромная ответственность – говорить правильно, с нужной интонацией, ведь весь Мглинский район слушать будет! Надо было вовремя делать программу, а ещё писать для газеты, выполнять план, дежурить по номеру.

Так я стала взрослой. Появилась ответственность за порученное дело. Многому научилась, пройдя стажировку у Ивана Ивановича Ермаченко, диктора и корреспондента радио Климово. Ермаченко был личностью харизматичной,

автором лучших в районе радиопередач, поэтом, членом райкома комсомола. Учил работать у микрофона, не читать текст, а словно рассказывать воображаемому собеседнику. Интонация на радио значит не меньше, чем слово. Важен настрой перед записью, правильные акценты в тексте и даже... улыбка перед микрофоном. Её слушатель улавливает сразу и безошибочно».

Как там у Ильфа и Петрова?

Стажировка в Климово стала глубоким погружением в мир радио. А редакция мглинской газеты – родным домом, где творчеством было пронизано все. Коллектив объединял четыре поколения: тех, кому было за пятьдесят, кому за сорок, за тридцать и около двадцати. Самые молодые – журналисты Владимир Подлuzский, Валентина Лайкова, корректор Галина Галутва, секретарь-машинистка Анна Булашевич. Среди более зрелых по возрасту – зав. отделом сельского хозяйства Николай Черненко, заместитель редактора Евгений Галутва, фоторепортёр Николай Протченко. Большим уважением пользовался участник войны, ответственный секретарь Иван Алексеевич Ильичев. Сотрудники даже в шутку называли газету «Заветы Ильичева». Семидесятые в Мглине – время романтиков и поэтов. Многие журналисты писали стихи, создавали стенгазеты. Особенным был и стиль общения. Чтобы стать своим в творческом коллективе, надо было почти наизусть знать «Двенадцать стульев» и «Золотого телёнка», много читать. Только тогда в полной мере открывалась «сочность» редакционных диалогов. В обеденных перерывах разыгрывались шахматные партии.

Творческая среда чаще ассоциируется с богемностью. Но мглинские журналисты тех лет были «из другого теста». В редакции не допускалась даже лёгкая небритость. Если посмотрите на фотографии тех лет, складывается впечат-

ление, что люди принарядились для фотосъемки. А это было обычным стилем: белые рубашки, галстук, брючные костюмы с тщательно отглаженными «стрелками», платья, каблуки, «укладки». «Внимания внешнему виду уделялось не меньше, чем качеству наших газетных материалов. Такой я запомнила жизнь редакции. Она формировала характер и стиль», – вспоминает Людмила, или просто Мила, как её звали коллеги.

«...Мне всегда казалось, что два ведущих программы на радио гораздо интереснее, чем один. Владимира Подлузского я высоко ценила как талантливого журналиста, его статьи по праву считались лучшими. Он уже тогда писал стихи, его талант признавали корифеи журналистики. Мы стали вести передачи дуэтом. Думаю, наш творческий тандем на радио сложился удачно...

...До сих пор поддерживаю связь с бывшими мглинскими коллегами. Часто озваниваемся с экс-редактором Владимиром Николаевичем Гуторовым, а также с Валентиной Лайковой и Владимиром Подлузским. Гуторов живёт в Климово, до сих пор активно сотрудничает с районной и областными газетами, увлекается пчеловодством, по-прежнему отличается активной жизненной позицией. Валентина живёт в Гомеле, много лет проработала на телевидении и собкором одной из центральных белорусских газет. **Владимир** с отличием окончил питерский журфак, работал главным редактором газеты «Аргументы и факты-Коми», стал членом Союза писателей России, лауреатом национальной премии «Щит и меч» за роман «Тарас и Прасковья». Как-то сказал: «Слушай, Людмила, мы же тогда в Мглине попали в хорошие руки. Мастера над нами работали, нас лепили, мы получили мощную закваску на всю жизнь». Согласна полностью. Благодарна бывшим коллегам, всем мглинчанам, с которыми свела судьба, за всё».

*Людмила Максимова,
главный редактор журнала «Сибирь и Я»*

Владимир

ГОГОЛЬ И ШЕВЧЕНКО КАК ДВЕ ИПОСТАСИ УКРАИНЫ

Украина всегда была гоголевская и шевченковская. Причём, Николая Васильевича за его внутреннюю русскость она считала как бы чужим писателем, годным лишь для театрализованных, с гопаком и горкой блистающих глазурию крынок, ярмарок в Сорочинцах. Зато Тараса Григорьевича величала чуть ли не отцом нации, называя в честь писменника целые городские районы. В том же Киеве или, допустим, в Запорожье. Напичканные белыми новостройками, они сияли своеобразным национальным клеймом на лбу урбанизированных, с примесью бронзовых коней и таких же козаков, державных и губернских столиц.

Сколько я ни бывал в Украине, везде меня преследовали солдатские усы и козацкая папаха угрюмого украинца, которого русские писатели и художники выкупили из панской неволи. (На самом деле, поэт Жуковский был сыном турчанки, а художник Брюллов, написавший портрет Кобзаря на продажу, немцем). Даже в Питере одно время мне пришлось жить на улице Шевченко, примыкающей к Смоленскому кладбищу, славному былыми маёвками и тополем с позеленевшей табличкой, под которым некогда лежал Александр Блок. Потом его останки перевезли на

Литераторские Мостки. Видать, не захотел певец «Скифов» почивать по соседству с приморской вотчиной автора «Заповита». Хотя сам в немалой степени считался западником. Город святого Петра, его породивший и дважды похоронивший, не будучи русским по духу, убил и Пушкина, и Есенина. Отправил в «Мёртвый дом» Достоевского и довёл до кучи болезней Некрасова. Загубил массу других литераторов рангом пониже. Достал и соперника Блока в любви Андрея Белого. Поэтому несколько странным показалось вкрапление Шевченко в запутанный клубок русских литературных столкновений и противоречий.

Волею судеб вступительное сочинение в тогда ещё Ленинградский университет мне довелось писать по Шолохову в аудитории, где некогда читал лекции профессор истории Гоголь. А через Неву на фоне собора виднелась улица его имени, едва не примыкающая к Дворцовой площади. Там же в сквере, в паре сотен метров от Медного Всадника, стоял уютный и домашний памятник великому «хохлу», который по-своему восхищался и торопел пред этим гранитным, серым и жёлтым от охры градом. Да так, что из шинели Башмачкина, по определению классика, вышла вся последующая русская литература. Истины ради отмечу, что из пушкинского лицеистского сюртука и придворного фрака она вышла всё-таки значительно больше. Потому и русский век назван Пушкинским, а не гоголевским. Но малороссы, загнанные турками, поляками и литовцами на хутора, вполне могли бы величать девятнадцатый век Гоголевским.

Любой образованный русский, положив руку на сердце, скажет, что Малороссию и спорную по своим методам и политическим пристрастиям Запорожскую Сечь он полюбил благодаря гениальному «Тарасу Бульбе», духмяным «Вечерам на хуторе близ Диканьки», а также потрясающей борьбой света и тьмы «Ночи перед Рождеством», где автор всё и вся расставил по своим местам, а не каким-то сомнительным думам о незалежности неньки. Заметьте, оба классика

с придыханием писали о свободе. Первый – от ляхов, хотя по отцу был поляком, а второй – от великороссов, которые его выучили в Петербургской художественной академии, всего в сотне шагов от Зимнего, на живописца средней руки. Хотя всё-таки на первое место учителя ставили литературную ипостась Тараса. Прозаик Гоголь был куда больший поэт с его неподражаемой лиричностью и философичностью. Недаром некоторые его вещи издатели вполне заслуженно именовали поэмами.

Николай Васильевич не представлял себя без Российского царства и написал, даже находясь на излечении в Риме, «Выбранные места из переписки с друзьями». Там много великих слов и о России, и о православной вере, выстраданной и самим автором, и его героями. За что был в прессе нещадно бит тогдашними чахоточными либералами-разночинцами. Последние, кстати, в некоторых журнальчиках Шевченко приветствовали.

Второй наш герой, судя по всему, империю ненавидел. Остаётся только развести руками от государственного мазохизма советских политиков, поощрявших чрезмерное преклонение определённой части элиты братской республики перед Шевченко, который, если честно, был посредственным пиитом и плохо закончил, как человек, загремев по пьянке с домашней лестницы. Впрочем, со смертью Гоголя тоже не всё так просто и ясно. Чёрт всегда старался метнуть горсть золы не только в церковные малюнки кузнеца и одновременно сельского художника Вакулы, но и в полотно самого автора. Как и в картину его кончины.

Теперь о любви двух столь известных украинцев к Отчеству. У Шевченко «реве да стогне Днепр широкий». Некоторые литературоведы, видать, усмотрели в сих виршах намёк на страдания украинского народа под пятой царского режима. Я уж не говорю об откровенно обличительных, как сейчас бы сказали, сепаратистских стихах. А у Гоголя «чуден Днепр при тихой погоде». Окрестный люд и не думает

бунтовать. Зато пьесе «Ревизор», жёстко высмеивающей тогдашние провинциальные нравы, от души аплодировал сам царь, воскликнувший, что досталось всем чиновникам, а пуще всего ему, императору и самодержцу.

Верхние посылы вполне можно втиснуть в законы пре-словутого социалистического реализма, о котором знаменитый питерский филолог профессор Борис Аверин, ныне блестяще рассказывающий по ТВ о мистическом Петербурге, говорил нам, будущим журналистам, что, как литературовед, он не понимает откровенно лукавого термина. Кстати, никакого Шевченко в нашей программе не было. А вот Гоголь, естественно, был. Вплоть до сумасшедшего Поприщина.

И я понимаю здешние власти, мудро отправившие Тараса подальше от Эрмитажа и Смольного на Васильевский остров, густо пропитанный западными ветрами. На улице его имени можно было встретить толпы азиатских и африканских студентов с психологического факультета родного универа. Отведать узбекского люля-кебаба и харчо в национальной столовой. Напороться на шумных моряков -чужестранцев. Поболтать на хорошем русском с пронирыливыми вьетнамцами, тоже студиязисами, обитающими на Шевченко и вывозящими в каникулы горы кондиционеров в свою тогда небогатую страну. И закончить день в общежитии, где ровно в двенадцать ночи приключался бесовский шум студенческой богемы, знакомой с практикой вуду и другими потусторонними культами. Не знаю, что там от Шевченко, но Гоголем тут пахло. Правда, без обычной его сказочной подоплёки. Без тонкого малоросского юморка, пронизывающего все великие книжки, очаровавшие вас с детства. Но если взглянуть, в сумраке здешних белых, а точнее синих ночей, мелькали призраки гоголевских персонажей.

Ещё в армии меня напрягало, что наша часть стоит в Шевченковском районе. Не потому ли в бригадной библиотеке фактически не было книг на русском языке.

Только на украинском. Киевские политики уже помаленьку готовились к незалежности, приучая будущих миш саакашвили к мове. Именно за свою книжку с говорящим названием «Ридна Украина» загремел под фанфары Первый секретарь ЦК Украины Пётр Шелест. Говорили тогда, что настоящие авторы националистической книжонки сидели в Одессе. Шелеста спешно заменили приятелем Брежнева Володимиром Щербицким, тоже, скажу прямо, не русофилом. Кто из солдат тогда думал, что в Одессе, где восседал штаб нашего военного округа, коим сразу после войны командовал маршал Жуков, будет править нанятый хунтой на американские баксы человек, учинивший в Цхинвали бойню русских миротворцев. А ведь главным «комиссаром» всей Советской Армии в те годы был генерал армии Епишев, взлетевший в военный Агитпроп, словно по Потёмкинской лестнице, из кресла первого секретаря Одесского обкома. Мог и одёрнуть зарвавшихся националов. Увы, даже не подумал.

Через шесть лет после моего дембеля редакция из брянского городка Мглина, некогда принадлежащего последнему Запорожскому гетману Разумовскому, и где на местном кладбище лежал отец Леси Украинки, бывший тут до революции маленьким, типа Акакия Акакиевича, чиновником, поехала на экскурсию в Киев. Расстояния там небольшие. Всё, считай, рядом. Каких-то четыреста вёрст. Для водителя служебного автобуса одной ПМК, бывшего милиционера, не круг.

Заранее скажу, что мы ехали в гоголевский, а не в шевченковский Киев. На самом длинном через Днепр мосту, который едва не упирался в огромный памятник Владимиру Крестителю, я оглянулся на левый берег. Над ним белым холодным камнем блистал Шевченковский район. А навстречу накатывался холмистый Подол с его золотыми церквями Печерской Лавры. Русский журналист вместе с коллегами оказался не только между двумя берегами сла-

вянского мира, а между Шевченко и Гоголем. Или между Гоголем и Шевченко. Кому как больше нравится.

Всю дорогу я думал именно о любимом Гоголе. И люди, встречавшиеся на киевском большаке, поступали, на мой взгляд, по-гоголевски. В непривычно душных майских черниговских Репках нас радушно встретили коллеги. Поводили по богатой типографии, не чета нашей со старыми литератами и раздолбанными линотипами. Показали свои шикарные кабинеты с вальяжными креслами и настоящими картинами с вишнёвыми садочками и черногузами на пышных вербах.

На ночь мы остановились в придорожной школевосьмилетке. И чуть ли не всю ночь прогутарили с молодым гостеприимным директором про педагога Ушинского, имевшего какое-то отношение к этому дивному местечку с гудящими в цветущих липах хрущами.

Вечер второго дня нас застал под Киевом в Броварах, где автобус остановил строгий лейтенант милиции, грустно сообщивший, что в городке пивоваров (так переводится название райцентра), второй день шумит раздольная свадьба, а ехать дальше в ночи он не рекомендует. При этом со свадьбой лучше не пересекаться. Журналисты, мол, люди любопытные. Сунутся с расспросами. А гульбище не поймёт искренних намерений и может запросто брянцам накостилять.

– Что же делать? – несколько растерянно спросил наш редактор.

– Знаете, – подумав, ответил офицер, – отвезу-ка я вас домой.

Через полчаса мы уже сидели в просторном украинском доме. На столе дымились галушки, возлежали ломти сала в пять мужицких пальцев, синели стаканы с бурячным самогоном, промеж яств зеленели россыпи лука и розовели пучки редиски. Наутро с нас не взяли ни копейки. И мы все по-свойски распрощались, расцеловались, потрясённые ши-

рокой славянской натурой хозяев, которую, казалось, уже никакие политики не искривят.

С таким настроением автобус и вкатил в стольный град, где я повсюду встречал намёки на гоголевский колорит, мягкий и плавный, весёлый и раздольный. Мы забрели на утренний базар. И хоть он мало походил на Сорочинскую ярмарку, мне казалось, что вот-вот сюда заявятся возы со знакомыми литературными героями. Уж не помню, что мы там покупали или просто глазели на товары, но с лёгким сердцем опустили в Пещеры дивиться на мощи святых. И таким далёким стал государственный атеистический бред, легко истончающийся в тихом сыроватом подземелье.

Везде в Киеве семьдесят девятого нас сопровождала лёгкость и домашность. Даже элитную пшеничную водку можно было купить с восьми часов утра, а не с одиннадцати, как в России. Да и не было в русских городах такого шикарного и чистого напитка. Латиница на наклейках указывала на экспортный товар, будто случайно попавший в подольский магазин. Покупали кристальное чудо, произведённое, как сейчас помню, в Евпатории, только женщины, делающие субботний презент своим казакам, возможно, ещё дрыхнувшим в тёплых постелях. Впервые мы тогда после всяческих брянских ограничений узрели и расставленные в Гидропарке у Днепра автопоилки, из которых за полтинник аппарат наливал любому желающему стакан прекрасного вина. Поверьте, пьяными вокруг и не пахло.

Так же как и суровым Тарасом Григорьевичем. По крайней мере, для тех, кто не знал, что с сороковых годов прошлого века главный на Украине Киевский университет носил имя Шевченко. А ведь первоначально он именовался имени Владимира. Того самого с крестом над Днепром. Чувствуете разницу?! Не зря филологи и историки здесь в первую очередь изучали украинских письменников, а уж потом, почти факультативно, русских классиков. Исполволь в нужном направлении воспитывали элиту. А вот для

огранки трудящихся масс прекрасно обходились расхожим лозунгом о нерушимой дружбе братских народов.

Ощущение некоторой свободы и щирого достатка у приезжего человека на Украине было всегда. Особенно в правобережной. Братскую республику отлично снабжали. В Запорожье и Киеве я с удивлением видел набитые снедью магазины. В Донецке, мне рассказывали, спокойно можно было в магазинах купить огромные банки с заливными хуторскими колбасами. В Харьков и Сумы по пятницам мои брянские земляки ездили на пригородных поездах за дефицитом. Как изобилие достигалось? Во-первых, на тамошних чернозёмах воткнёшь оглоблю, тарантас вырастет. Народ тут хозяйский, трудолюбивый. Один актёр из Одессы мне рассказывал, как всякий раз публика награждала выездную театральную труппу аплодисментами при реплике: «А не зарезать ли нам на свадьбу третьего кабанчика»? Дескать, вон как мы зажиточно живём.

Был и другой фактор обогащения. Поставки из России. Одно время я работал в газете брянской Суземки. Приблизительно на половине дороги между Москвой и Киевом. В выходные от нечего делать шёл на железнодорожный вокзал и наблюдал проходящие на Одессу, Кишинёв и дальше в Европу поезда. Обратил внимание, что на Украину один за другим шли эшелоны со скотом. Россия по привычке делилась с братскими народами всем, чего и самой не хватало. В ответ повара из вагонов-ресторанов, шумящих с юга и запада, втридорога продавали «палки» колбасы, произведённой, возможно, из нашего же «давальческого» мяса.

Потом всё быстро стало меняться. В году восемьдесят втором уже в Климовском районе Брянщины, на границе Украины, России и Белоруссии, километрах в пяти от знаменитого Кургана Дружбы, где потом побывали Путин, Кучма и патриарх Кирилл, в конторе колхоза «Советская Россия» участковый милиции рассказал мне странную для тех вре-

мён историю. Шофёры колонны с украинской стороны, заставшей на административной границе, дали срочную телеграмму самому доживающему последние месяцы Брежневу. Жаловались, что Россия не запускает груз. Что-то съестное, кстати. В свою очередь, брянские водители тоже подняли шум, так как не могли отправить фуры с картошкой в Донбасс. Вот старший лейтенант и пытался разрулить ситуацию. При этом он клялся корреспонденту и председателю колхоза, что официально никаких ограничений нет. Кто-то перед приходом к власти Андропова искусственно разогревал пограничье, сталкивая пока ещё не народы, а обычных шоферюг, которые потом по миру развозили весть о советских межреспубликанских «таможнях». «Так позвоните коллегам в соседний украинский район, договоритесь, – посоветовал я взволнованному старлею». «Легко сказать, – усмехнулся тот, – звонить-то надо только через Москву и Киев. Прямой связи никогда не было». Накануне перед вечером меня возили к Кургану. Запомнилась почти примыкающая с русской стороны к монументу помидорная плантация с огоньками томатов. Как будто это были последние огни дружбы, которые вот-вот огородники соберут, и великое объединяющее пламя начнёт чахнуть, а вскоре неподалёку отсюда, в Беловежской Пуще, куда века назад сбежали из Киева недобитые хазары, будет искусственно погашено тремя пьяными, потерявшими совесть антибогатырями.

При чём здесь, спросите, Гоголь и Шевченко? Да ведь за каждым из них стоит идеология миллионов. Это две ипостаси Украины. Не скажу, что одна из них прорусская. Она просто более понятная нам. Другая... Фактически имя Шевченко невидимо, а порой и видимо начертано сейчас на знамёнах украинской «гвардии», да и запрещённого в России Правого сектора. Но никто новым бандеровцам не говорит, что сам Тарас Григорьевич о соплеменниках был не лучшего мнения. Стоит только ознакомиться с его стихотворением «Хохлы». Зато у Гоголя трудно найти строки, развенчиваю-

щие целый народ, болтающийся по Европе в поисках национального счастья. Он воспекает в нём героизм, величие, подчёркивает особую русскость, скреплённую истинным, а не размытым униатами и католицизмом, а также множественностью иных измов, православием. Гоголь и думать не смел о собственном для Украины патриархе, награждающем бандитов «орденами».

Конечно, в Киеве тонкости иногда понимают. Откуда набирали боевиков для умирения мятежа в Харькове? Правильно, из Полтавы, родины Николая Васильевича, по свидетельству очевидцев, стремительно деградирующей. Оттуда же собирались послать вооружённый поезд «дружбы» в зашумевшее против хунты Запорожье. Хорошо, одумались. Кто-то заранее усиленно отуплял регионы, заражённые гоголевской «ересью». Отсюда, думаю, и целые районы в Новороссии, давным-давно названные Шевченковскими. Случайностей в большой истории не бывает. И никакое авторитарное государство не в силах вытравить из народа его коренные особенности. А заодно и впитанные с молоком матери национальные замороки.

Я в детстве по несколько раз перечитывал Гоголя, назубок зная его биографию. Уже в девятом классе козырял цитатами из «Ревизора», невольно сопоставляя хлестаковых с тогдашней действительностью. А каким счастьем было посмотреть страшный и одновременно сказочно-привлекательный фильм по произведениям великого писателя.

Лет пять назад в Интернете я подружился с людьми, близкими к украинскому посольству в Москве. Они у меня попросили стихи для юбилейных томов, посвящённых Гоголю и Шевченко. Послал. Приняли. Через годик огорчили: деньги, выделенные на Гоголя, украли. А вот рукопись, где стоит моё стихотворение о кобзарях, пока в Москве ждёт своей очереди.

19–20 июля 2015

Русь моя, державная и царская,
Взбалмошная, громкая, советская.
Скифская, угорская, татарская,
Дикая, как пляска половецкая.

Русь святейшая и патриаршая,
С синими басистыми соборами.
То невеста в белом, а то падшая
Девка с кумачами-триколорами.

Русь крестьянская, великосветская,
Разбазаренная, ремесловая.
Замороченная и простецкая,
То осиновая, то сосновая.

Русь казаческая, есаульская,
В доску нашенская и свободная.
Трижды мученная, трижды русская,
Очарованная и голодная.

Русь срединная и азиатская,
Забайкальская и черноморская.
Саморайская и самоадская,
Петербургская и санкт-московская.

Русь рождественская и пасхальная,
Подрострёпанная, как язычница.
Русь намоленная и охальная,
И общинная единоличница.

Русь любая, всю жизнь бело-красная,
И продольная, и поперечная.
Вельми страстная и беспристрастная,
Русь отходчивая и сердечная.

Вера

(в изложении Александра)

«Мы с Владимиром только-только познакомились. Он о моей личной жизни, как и я о его, были осведомлены в скромных рамках: оба женаты, вот и всё. Проходило какое-то писательское собрание в республиканской филармонии, по-моему, очередной поэтический марафон. Великолепное, надо сказать, когда-то было мероприятие. Очередной поэт в течение тридцати минут читает свои стихи, принимает аплодисменты, потом передаёт эстафету брату вместе с традиционным белым шарфом. Праздник! Филармония обыкновенно в конце марафона давала концерт.

Стоим с ним перед началом, ведём такие светские беседы. Поскольку оба как-никак офицеры, малость погусарили в своё время, делились некоторыми, весьма скромными надо сказать, интимными картинками из прошлых житейских шалостей. Володя, кстати, очень гордился своим официальным, в военном билете значащимся, офицерским званием: старший лейтенант артиллерии (запаса, естественно). Любил иногда вставить, мол поручик Лермонтов в присутствии полковников Симонова, Булгакова всегда

гляделся на голову выше. Особенно доставляло другу моему удовольствие вспоминать сей факт позже, когда я сам стал полковником.

Так вот, филармония. Вокруг да около мелькают обоих полов и разных возрастов маститые личности, раскланиваются, помня его как главного редактора серьезного на ту пору печатного органа. Спустя некоторое время, я уж перестал и удивляться, казалось, его знает весь Сыктывкар. Как вдруг замечаю, входит миловидная девушка, юбочка выше колен, стройные ножки, смотрит на Владимира с нескрываемым восхищением и решительно направляется к нам, что меня также не удивило особо, подумал, корреспонденточка какая-нибудь.

– Ну, брат, слов нет, – шепчу ему, – экий фурор. И какие дамочки к тебе с неординарным вниманием...

Он оборачивается, замечает девушку, смеётся:

– Познакомься, Саша, это Вера, моя супруга...

Меня бросило в краску. Хорошо, ещё не ляпнул чего-нибудь гусарского к случаю, хоть язык и чесался. Интуиция спасла. А девушка чуть ли вслух не рассмеялась. Всё видела, всё поняла. Я это, кстати, сам понял, мгновенно оценил тактичность и природную её деликатность. Подлузский при этом только усмехнулся. Уж он-то был прозорлив, как никто другой. М-да... С такими людьми надо быть честным, без всякой скрытой пошлости. Они друг друга любили по-настоящему, и это требовало душевного уважения.

Мы потом крепко сдружились семьями. Что интересно, о своих прошлых жизнях, где у каждого бурлило, как в кипящем котле, словно сговорившись, ни слова. Там, в ушедших временах, имелось много всякого сокровенного, для любопытного уха, конечно, интересного, но... Короче, на первых порах мы друг другу в душу не лезли. Правильно, несомненно. Настоящая дружба познаётся с годами в серьёзных партнёрских отношениях. А уж куда серьезнее, чем литературная деятельность. Откровенничать мы с Владимиром стали

незадолго до его гибели. Не полностью, а так, в пределах интуиции, которая и мне, и ему спешить не рекомендовала. И вот теперь его нет. Все тайны унёс туда, где им надёжное хранение.

Вера Николаевна после Володиного ухода вообще замкнулась. Так что самых интересных подробностей об их долгой совместной жизни никто никогда не узнает. Да и не надо это. Это их удел, их совместное счастье. Там третий лишний...»

ДОМ С МАНСАРДОЙ

На высоком берегу реки Печоры стоял большой уютный дом с мансардой, шестнадцатью окнами и русской печкой. Маленькая девочка лет пяти включала старинный патефон с трубой и слушала песню про молодого агронома, который рано утром выходил на поля. В ближайших домах по соседству догадывались, к Аграфене Михайловне на лето приехала внучка. Моя родная тётка Зина как-то пошутила, что жених точно будет агрономом.

Дом был добротно прочен, всегда чистый, уютный, с русской печкой, полатями. Во дворе, как во всех северных селеньях, баня по-чёрному. Какой же был дух в той бане! А вода – печорская. Носили с реки. Я, девочка с хрупкими плечиками, по два тяжеленых ведра... Да, матушка Печора тогда во всём выручала. Это сейчас, даже бельё полоскать молодым страшно. Благодаря бизнесу Лукойла, Роснефти, загадили Печору. А тогда... Мы и бельё полоскали, и сами плескались, втайне конечно от родителей, нас-то было не видно между громадных валунов, которых в доисторические времена ледник натаскал. Сейчас даже представить страшно, что было б, кабы отец прознал про наши смелые купания. Это ж Печора, сейчас покойна, через минуту – шторм и волна горой. В лучшем случае выдрал бы, как си-

доровых коз. Быстренько сушили свои детские трусики, да забрызганные платишка на тех же валунах, что в летнем солнце добротнo прогревались, прямо как утюги.

Встреча в Ижме

После учёбы в Сыктывкарском кооперативном училище я работала в селе Ижма продавцом в продуктовом магазине. С коллегой по работе проживала на квартире у бабушки Матрёны. Через какое-то время получили комнату в общежитии и переехали туда, но бабушку Матрёну не забывали, навещали, по субботам ходили к ней в баню.

В феврале 1987 года в Ижму приехал некто Владимир Подлузский, он работал корреспондентом в газете «Новый Север». Редакция подыскала для своего сотрудника жильё и поселила его... к бабушке Матрёне. Он жил в той же комнате и спал на той же кровати, где раньше, до общежития,

обитовала я. Вот у бабушки Матрёны и встретились мы с Володей. Он изредка с нами попивал чаёк из трав. После той же бани. Был ужасно стеснительный. И очень занятой. Мне даже в голову не приходило, чтобы с таким флиртовать.

Подлузский в это время готовился к поступлению в Санкт-Петербургский университет на факультет журналистики. По вечерам после работы сидел за учебниками, бабка Матрёна с таинственным видом говорила, что её жилец из библиотеки принёс очень много книг и засиживается над ними до поздней ночи. Он был достаточно скромным, изредка читал нам свои стихи, за столом особо не задерживался. Он как корреспондент ездил по всему району и писал интересные статьи про жизнь, быт и проблемы сельских людей, проживающих в Припечорье в леспромхозах. Проработал он в Ижме до марта 1988 года. А я с Ижмы уехала пораньше, в декабре 1987-го.

Владимир окончил ранее Кокинский совхоз-техникум Брянского сельскохозяйственного института, годы учебы – 1978–1982 г.г., получил специализацию – агроном. А я в том же восемьдесят втором году окончила школу.

В 1987 году он поступил в Ленинградский государственный университет, окончил в 1993 году.

1994–1996 г.г. учёба в Северо-Западной Академии государственной службы. В это время мы уже были женаты. Владимир тогда же работал главным редактором в газете «Трибуна». Летом 1995 года ему выделили одиночную путёвку в Сочинский санаторий. Он улетел первым, у меня были неотложные дела по работе, которые требовалось закончить. Через несколько дней вылетела в Сочи и я, муж за эти дни устроил моё проживание. Самолёт в тот день Сочинский аэропорт долго не принимал из-за полыхнувшей о ту пору Абхазской войны. Когда, наконец, сошла я с трапа, увидела огромный букет роз. Замечательный у меня супруг! Столько радости было при встрече! Потом шли по площади

около аэропорта. Там сплошь сидели беженцы с протянутыми руками. Володя предварительно разменял денег, и подавал всем. Я плакала, так было жалко несчастных детишек. Спросила его, а хватит ли нам самим до Брянска потом доехать. «Не переживай, солнышко, я всё рассчитал», – ответил он. В тот же день мы купили предварительно билеты. И через две незабываемые недели вылетели в Брянск. Далее автобусом до городишка Питиль, от которого пешком около семи вёрст. Однако нам повезло, нас подобрал земляк, шофёр из Рохманово.

Боже, как я волновалась! Русское село, Российская глубинка. Всё внове. Встретили приветливо. Володина мама, Наталья Петровна, полюбила меня сразу же, как родную. Утром явились две соседки. А как же! Была ещё и третья, но постеснялась, у калитки осталась.

- Пятровна! Сынок-то саявярянку привёз? И где ж она?
- Так вон, стирает. Чистюля.
- Ой, какая дробненькая (худенькая, значит).
- Ой, какая беленькая...
- Так она же наша!

Я услышала разговор, подкралась, да как выскочу со смехом:

– А вы думали, что у меня глаза такие вот? – и растянула веки по сторонам. – А на шее бубен?

Бабульки покатались со смеху, все три. Потом не раз прибежали другие на меня посмотреть. И скоро со мной всё село приветливо здоровалось. Пришлась им по нраву. Я весёлая была, вежливая, стройненькая, симпатичная. Володя не нарадовался. Мама тоже. А уж мне-то как хорошо у них жилось. Люди приветливые, добродушные. Природа роскошная. Средняя полоса России во всей красе. Володя меня всюду водил, рассказывал. Он ведь агроном, знал все травы, деревья, кустарники, фауну. Я тогда впервые познакомилась с «лисохвостом». Мудрёно звучит, хотя самая обыкновенная травинка.

А однажды утром... Слышу какой-то шум на внутреннем дворе. Совсем ещё не проснулась, не поняла, что там такое. Встала, оделась, вышла через задние сенцы. Шум со стороны огорода, что располагался за плетёной изгородью. Кудяхтанье. Но какое-то весёлое что ли. Подкралась, заглядываю через плетень. И чтоб вы себе думали? Котёнок, шалун этакий, забрался на крышу сарая и подкарауливает проходящих внизу кур. Потом, изловчившись, прыг на спину попавшейся дурёхе и давай на ней верхом гонять по огороду, пока та его не скинет. И по новой: на сарай, притаился и далее по сценарию. Вот потеха-то!

А на следующий день... Сосед с вечера капитально отбил, остро наточил литовку и ранёхонько, пока роса не сошла, начал окашивать мысок в паре вёрст от дома. Через час коса притупилась. Дело обыкновенное, надо поточить. Брусок обязательно с собой, в котомке, там и завтрак какой-никакой. Смахнул пот со лба, выдохнул, воткнул литовку в землю и... А где ж котомка-то? Свят-свят-свят! Точно ведь брал, отчётливо помню. Не пил вроде, ни вчера, ни намедни. Тупой литовкой много не накопишь, ладони только намозолишь. Чертыхаясь, пошёл домой.

Проходя мимо нашего дома, увидел свою котомку, что лежала на крыльце. Хм... Вот она, и как я её тут оставил? Потрогал лоб. Забежал, пока никто не видит, подобрал и домой. Какая уж косьба. Завтра докошу. Наутро собрался, котомку с бруском специально зажал в кулаке, так и пришёл на косовище. Через час притупилась коса. Поточим! Да ё... Ругнулся, аж эхо разбежалось по лугу. Нету-ти! Он бегом обратно. У нашей калитки обмер. Котомка на крыльце лежит...

Нет, всяко в их селе случалось. Привидения там, михрютки, другая нечистая сила куражилась порой. Но чтоб так! Не на того напали. Следующим утром сосед устроил засаду. Начал вроде косить, да и притаился за кустом. Ах ты ж, сукин сын! Вот он, воришка мелкий. Шкурка белая с чёр-

ными пятнами, косолапый, морда лохматая, как у спаниеля, уши такие же. Ну, дворняга, погоди! Стоять!!! А тот – хватить котомку и наутёк. Наталья Петровна уж корову подоила. Смотрит – погоня. Чип, так их собачку звали, с котомкой соседовой в зубах улепётывает, сосед мать-перемать, с косой за ним.

– Вера! Вера! – кричит мне свекровь. – Вставай скорей. Глянь, чё деется...

Когда отпуск подошёл к концу, очень уезжать не хотелось. Мама нас долго обнимала, плакала, отпускать не решалась. Какая она замечательная женщина! Благодаря поездкам в Рохманово, я увидела необыкновенную жизнь и быт русских людей. Наталья Петровна часто рассказывала про оккупацию, войну. Рохманово, его жители стали очень дороги моему сердцу.

Встреча в Сыктывкаре

Встретились мы с Владимиром после того, как разъехались из Ижмы каждый по своей смиренной доле, аж весной 1992 года.

Как-то по пути с работы зашла я в центральный универмаг. Других универмагов у нас в Сыктывкаре собственно и не было. В хозяйственном отделе была приёмка груза, толпился народ, мне надо было купить кастрюльку. Обратилась к продавцу с вопросом, где посмотреть, а она говорит, я одна, народу много, всем не могу помочь, да вот тут также кастрюлю выбирает нерешительный покупатель, помогите ему, попутно и себе подберёте.

Я подошла к покупателю, поздоровалась, а этим человеком, выбирающим кастрюлю, оказался Володя. Вот и выбрали одну кастрюлю на двоих...

От земли Дебрянской, от корней российских...

Судьба моих предков по материнской и отцовской линии связана с милой сердцу Брянщиной. Там, на древней брянской земле, их корни. Основанный предположительно в 985 году Брянск в стародавние времена назывался Дебрянском. Окружали поселение такие густые дебри, нынешние брянские леса, что в них было легко затеряться, уйти тайными тропами от преследователей. Песня о партизанах «Шумел сурово брянский лес» – ещё один памятник знаменитым лесам и людям брянской земли.

К сожалению, проследить историю нашего рода на протяжении веков сегодня не представляется возможным. А то, что мне известно – дошло в основном со слов моей бабушки, Татьяны Сергеевны Ермаковой, урождённой Типко.

Её родители, Анастасия Алексеевна Иванова и Сергей Терентьевич Типко, родились в старинном селе Новый Ропск Климовского уезда (ныне района) Брянской губер-

нии. По данным историков, основан Новый Ропск ещё в начале XIII века. Прабабушка родилась на год раньше прадеда, в 1869 году, и почему-то всегда стеснялась этого. А Сергей Терентьевич в зрелые годы с гордостью говорил, что родился в один год с В. И. Лениным – в 1870 году. Он считал, что является потомком первых поселенцев Нового Ропска, молдаван и цыган, хотя фамилию носил украинскую. История его знакомства с будущей женой мне неизвестна. Скорее всего, присмотрели друг друга ещё в ранней юности. Прадед окончил церковно-приходскую школу, а прабабушка – четыре класса. Сергей Терентьевич всю жизнь работал кузнецом. Судя по всему, у моего прадеда была предпринимательская жилка – открыл свою кузницу, гумно, дела вел успешно. Односельчане его уважали не только за добросовестную работу, но и за человечность и понимание их крестьянских нужд. Прадед не гнался за деньгами, мог взять плату зерном, а то и вовсе выполнить работу в долг. Зерно отвозил на ярмарки, выменивал на мануфактуру и другой товар.

Анастасия Алексеевна Типко не избежала горькой участи миллионов русских женщин того времени: из рожденных ею детей (их было не менее десяти) выжили всего пятеро. Новорожденных косили детские болезни. Моя бабушка была вторым ребёнком в семье, после старшего брата Алексея, родившегося в 1900 году. Появилась на свет в Татьянин день, 25 января 1902 года. И не одна – у неё была сестра-близнец. Но девочки, когда подросли, одновременно заболели брюшным тифом, и сестрёнка скончалась... У моей будущей бабушка организм оказался сильнее.

Детство её закончилось очень рано. На попечении маленькой Тани Типко были младшие братья, а ещё надо было помогать матери по хозяйству, летом – пасти телят. Бабушка не раз вспоминала, как они с соседскими ребяташками «седлали» телят и катались на них по лугу. И не понимали, что так можно и хребет сломать животине. Хорошо, что всё обошлось.

Когда дочке исполнилось семь лет, Сергей Терентьевич решил отдать её в местную церковно-приходскую школу. К глубоко верующим он не относился, но считал, что там дети получают более глубокие знания. В школе при храме основательно изучали Закон Божий. Способные ученики пели на службах в церкви, поэтому голосу и слуху уделялось особое внимание. Таня оказалась одарённым в музыкальном плане ребёнком, у неё обнаружился высокий голос – альт. Несмотря на её таланты, отцу пришлось «презентовать» местному батюшке двух гусей, чтобы дочку приняли в школу.

Училась Таня прилежно. Потом вспоминала, что священника боялась, как огня: на уроках Закона Божьего за незнание молитв он бил нерадивых учеников линейкой по голове. Во время церковных праздников участвовала в службах – вместе с другими ребятами пела в церковном хоре. Отец, которого глубоко верующая мама называла безбожником, с удовольствием приходил на службы – послушать, как поет любимая дочь Танюшка. Была и еще одна причина, по которой отец поощрял её вокальные способности. Брянская губерния является родиной легендарной певицы того времени, «королевы русского романса» Анастасии Вяльцевой. Обладательница незабываемого меццо-сопрано и чарующей внешности родилась в Трубчевском уезде в 1871 году и прожила короткую (всего 41 год), но яркую жизнь. Земляки гордились ею, и Сергей Терентьевич в глубине души наверняка желал дочери столь же блестящей судьбы. Но жизнь распорядилась по-другому.

После окончания школы подружки Тани Типко поехали в Новозыбково, поступать в медицинское училище на фельдшеро-акушеров. Татьяна, тогда совсем ещё девчонка, поехала с ними за компанию. Успешно поступила, но проучилась... ровно месяц. После первого же похода на практику в морг девушке стало плохо. Трупы, кровь вызывали у нее неприятие. О медицине не могло быть и речи. По складу ума

она явно была гуманитарием. Решительная Татьяна приехала домой к родителям и объявила: в медучилище больше не вернётся! Отец поступил мудро: запряг лошадь и поехал с дочкой в Новозыбково – узнать, какие там ещё имеются учебные заведения. Вскоре Татьяну зачислили в местное педагогическое училище, и она начала осваивать специальность учителя начальных классов. Так на долгие годы её призванием стала педагогика.

Молодость моей бабушки совпала с тяжёлым для России периодом. Октябрьская революция, Гражданская война, разруха... Какое-то время она успела поработать учителем в уездных школах, но вскоре из-за войны школьные занятия временно прекратили. Татьяна вернулась в Новый Ропск, помогала родителям. Но молодость есть молодость. Симпатичная большеглазая девушка ходила в сельский клуб на танцы, пела, общалась с ровесниками. Там и встретила своего будущего мужа, которого тогда звали просто Костей. Константина Ивановича Ермакова. Молодые люди понравились друг другу. Константин начал ухаживать за избранницей. Несмотря на юность (он был моложе бабушки на четыре года и тщательно скрывал от неё этот факт), парень успел хлебнуть горя. Его отец, Иван Пименович Ермаков, отслужив четверть века в царской армии, вернулся на родину и попытался пойти по купеческой части, по примеру своего отца. Ропск славился пимокатами. Прадед скупал валенки и продавал их на окрестных ярмарках – надо было кормить большую семью. Вместе с женой Надеждой Федоровной он растил семерых детей. Мой будущий дед, Константин, родился 24 февраля 1906 года и был четвёртым ребенком в семье.

Революционный 1917-й год совпал для Ивана Ермакова с семейной трагедией – жена умерла при родах. Косте тогда было одиннадцать лет. Много лет спустя бабушка вспоминала, что впервые увидела его (своего будущего мужа!) на похоронах матери – рослый худенький мальчик стоял в пальтишке у гроба матери...

Вскоре глава семьи ушёл на гражданскую, воевать за красных. Младшие дети остались на попечении деда и старшей сестры, Валентины. Вернувшись с войны, Иван Пименович женился на другой женщине, у той от первого брака было четверо детей. В семье стало сразу одиннадцать ребятишек. Обитали в небольшой крестьянской избе, дети все вместе спали на полатах. Бедность, голод... Мачеха не отличалась житейской мудростью и «чужих» детей не баловала – приберегала все лучшее для родных. Дед Костя на всю жизнь запомнил, как по ночам мачеха шёпотом будила на печи своих детей и втихомолку совала им в руки лакомые куски. Те, полусонные, жевали. Мальчишка тогда не мог скрыть детских слез. Не раз с болью в сердце вспоминал ушедшую из жизни маму, её материнскую заботу о каждом ребёнке. И на всю жизнь запомнил значение горького слова «пасынок». Рано повзрослев, пошёл работать в колхоз – чтобы не быть обузой для семьи.

Познакомившись с семьёй невесты, Константин Ермаков увидел, что там совсем другие отношения – без деления на «родных» и «чужих». Татьяна ответила на его чувства взаимностью, и 26 июня 1926 года молодые расписались в сельсовете. Свадьбу отмечали два дня – в доме жениха и в доме невесты. А потом началась семейная жизнь.

Несмотря на уважение к родителям жены, пойти в примаки Константин Ермаков не захотел. О том, чтобы привести её к отцу и мачехе, в тесный дом с кучей ребятишек, речи не шло. На помощь внуку пришёл дед, Пимен Ермаков, в прошлом удачливый купец. Сказал: «У нас три комнаты, выделим вам одну. Я смотрю, у тебя жена образованная, покладистая, воспитанная. Живите!».

В доме деда молодые супруги прожили в мире и согласии несколько лет. Татьяну новые родственники полюбили, относились к ней очень хорошо. И когда ей пришла пора рожать первенца, дед Пимен за неё переживал, ходил вокруг дома и молился. Всего у супругов Ермаковых было трое

детей. Двадцать восьмого марта 1927 года родилась первая дочь – Инна, через три года, 20 января 1930 года – сын Владимир, которого моя бабушка назвала его в честь Владимира Ильича Ленина. А 28 декабря 1936 года на свет появилась младшая дочь – Ольга Константиновна Ермакова, моя будущая мама. Бабушке тогда шел тридцать пятый год, она заочно училась в педагогическом институте, и перспектива вновь стать мамой её не радовала. На рождении третьего ребенка настоял мой дедушка, Константин Иванович. Свою Татьяну дедушка всю жизнь называл ласково – Тасенька, Тасёнок. На людях уважительно величал Сергеевной. В их семье никогда не был ругани, ссор, выяснения отношений. К мнению жены дедушка, человек достаточно волевой, всегда прислушивался. Признавал её авторитет. По настоянию своей Сергеевны поступил в Новозыбковский агрономический техникум, имея за плечами всего семь классов общеобразовательной школы. Бабушка помогла подготовиться к экзаменам и всегда говорила, что надо учиться. Когда в Климове открылся консервный завод, Константина Ивановича Ермакова приняли агрономом-плодоовощеводом, заготовителем продукции. Все складывалось хорошо, в семье подрастали дети. Летом 1941-го на Брянщине зрел щедрый урожай. Наливались зрелостью и любимые мною с детства антоновские яблоки. Их вкус и аромат всегда ассоциировался у меня с брянской землей – в Сибири такие яблоки не растут. Но вот что удивительно: вряд ли протянулась бы в моей судьбе ниточка от Брянска до Омска, если бы не роковой сорок первый, если бы не война...

Дорогие друзья, с Успением Пресвятой Богородицы!

Сегодня, 28 августа 2020 года, написал стихотворение, посвящённое этому церковному празднику, и стихи тут же опубликовал известный писательский сайт «Российский писатель».

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДЕНЬ УСПЕНИЯ

Чем больше веры, больше суеверья;
Идёт война, и мы внутри неё.
И каждый день от горького веселья
Ветшают наши души и жильё.

Коль правды нет, и от всего нет толку,
Что поражает наш незрелый мозг.
Бежим, пока есть дух, на остановку,
Которая вращается как ось.

Крутнёт туда и возвратит оттуда
Для нового и дома, и кола.
И вновь купель, как главная посуда,
Нас оmyвает под колокола.

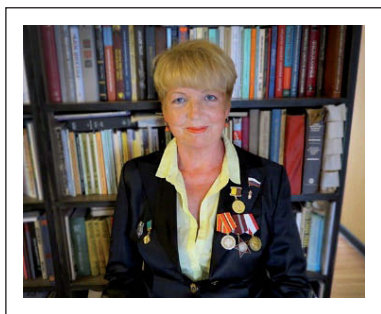
Тела греховные; и уязвима
Хоть вечная, но всё-таки душа.
Что даже для владыки Питирима,
Есть тайна тайн, как святость из ковша.

Успение познать не успеваем
Ни в этой жизни грустной и ни в той.
И то, что часто называем раем,
Вдруг может оказаться запятой.

В чреде имён и знаковых фамилий,
И там, и сям свой отстрадавших миг.
Наверно, в Пустоши лишь старец Илий
Частицу правды истинной постиг.

Ну, почему мы столь порой бессильны
Сказать о том, что рядом и вокруг.
Не потому ли горькие осины
Кровавой тенью осеняют луг.

Чем меньше веры, больше празднословья;
Успение – надежда для седин.
И слёзы льёт у Третьяковки кровля
На краски человеческих картин.

Лидия

ВЛАДИМИР ПОДЛУЗСКИЙ И ЖУРНАЛ «БЕРЕГА»

<https://dovydenko.ru/>

5 июня 2023 года Владимиру Всеволодовичу Подлузскому, поэту и публицисту, исполнилось бы 70 лет, и этому юбилею посвящается сборник воспоминаний его и о нём. Личность Владимира Подлузского, его творчество, его широта мышления незабываемы. Никогда мы с ним в реальности не встречались, только активно переписывались, потому что это было интересно, тепло, радостно. Владимир Всеволодович – мыслитель, и это большая редкость в наше время. Он человек талантливый, отзывчивый, профессионал, активный и автор, и читатель, и критик журнала «Берега».

У него давно и сильно болело сердце в прямом и переносном смысле, болело за Россию, за нашу литературу, за то, что литературной элитой в наглух называют себя те, кто так далёк на самом деле от этого понятия, болело сердце от укулов братьев и сестёр по перу, говоривших: «Да кто он такой...», «Да я не понимаю, о чём он пишет..», а откуда им понять нашу гордость и славу русскую; болело сердце от узнавания о белорусских братьях, побежавших

под флагом полицаев, от безумия «масочников» – секты свидетелей ковида, поджигаемых средствами массовой дезинформации...

Это известная история, когда говорили, что не понимали нашей славы, не понимали, на что поднимали руку, всё они отлично понимали... чудный певец и пророк воссоединения трёх братских славянских народов, разоблачавший провокаторов, с чьей помощью либеральная тусовка набрасывает сети на многие опорные пункты подлинной русской литературы,

Когда была опубликована поэма «Стародубская пророчица» – предпоследняя публикация Владимира Подлuzского в журнале «Берега», он заметил, что поэма идеально вписывается в многоплановый номер. И всё уравновешено во времени и пространстве. Перед нами жизнь русского человека, славянина, попадающего в сложные ситуации и остающегося гражданином Отечества. Наверное, и через сто лет учёные тщетно будут разгадывать феномен современных авторов журнала: их не замечают ни чиновники, ни депутаты, а они сияют ярким светом духовного начала и зовут за собой, возвышают читателя над собой.

Владимир Всеволодович говорил: «Идеологические небоскрёбы и высотки со сладким западным душком, они оттолкнули читателя, бросившегося на всякие пестрящие цветными обёртками помойки, типа перестроечного «Огонька». Нас всех коротичи сделали укороченными, как бы суженными, о чём предупреждал ещё Достоевский. Мы клюнули на дешёвые сенсации, искажающие смысл русского бытия. Однако всегда оставался довольно густой слой интеллигенции, которому милее родниковая вода, нежели бутылки со всякой западной, расцвеченной опасными реакциями, жидкостью. Потому и постепенно возрождается национальная словесность, наполненная звуками и ароматами нового столетия, способная реабилитировать утраченный вкус русской классики».

Валентин Яковлевич Курбатов, тоже светлая ему память! – отозвался о «Стародубской пророчице»: «Поэт не дал необходимого малого примечания. Он-то знает, что такое Стародуб, а мы, грешные нет. А вот знали бы, что он в прошлом столица Северской запорожской сечи и украинской крови, то текст сразу ранил бы сердце и заставил слушать его и русским, и украинским сердцем, которые разорваны произволом века и бесчеловечными играми политических честолюбцев. Но тема взята важная и больная, и «пророчество» милосердно и врачующе. Дай Бог, и сбудется! И опять у нас сердце будет одно. Любо!»

В электронной почте у меня сотни писем от Владимира Подлузского: поэмы, стихи, комментарии, отзывы о других авторах журнала, за что вечная ему благодарность: «Ваша духовная миссия в Русском Мире очень высока! Дай Бог сил и мудрости на этом пути стяжания мудрости и нравственности. Вы воистину Знамя для нашего мира, находящегося под неустанным оком Богородицы».

«Именно избранным Господь доверил сохранение и продолжение русской литературы. Ведь она ковчег Завета, данный Небом русскому народу. И журнал «Берега» несёт его с честью по России и всему русскому миру, облучаясь высоким огнём».

Об Энциклопедии авторов журнала «Берега»: «Начну с того, что журнал «Берега» и есть полнокровная энциклопедия русской жизни. Конечно, я не присваиваю авторство знаменитой фразы. Так в своё время великий критик определил выход в свет «Евгения Онегина». Заметьте, новый литературный герой тогда явился с берегов Невы, где, может быть, гуляли вы. Почти через двести лет на всё той же Балтике, у одного из прорубленных в Европу окон, зашелестел историческими страницами журнал, возвестивший о новой русской эпохе. В первую очередь, в литературе и обществен-

ной мысли. Кто бы мог подумать, что во всеобщую пору увядания и социальной катастрофы родится издание, которому суждено войти в историю отечественной словесности и философии. Да ещё стать энциклопедией современной русской жизни».

Отзыв об очерке «Общаясь с Лужковым».

С удовольствием прочитал Ваш очерк в «Берегах» о Лужкове. Очень понравилось, что перед читателем не дежурное славословие в адрес знаменитого и богатого политика, а душевный рассказ писателя и философа о русском человеке, оказавшемся волей судеб в опале. На крайнем западе России среди богатых собственных угодий, эффективной импортной техники и, судя по урожаем, заморских агротехнологий. А главное – настоящих людей, что угадывается и в поведении Юрия Михайловича, и в обстановке его «поместья». Прогресс тут уютно уживается с русской радушностью хозяина, окружённого национальным бытом, его гордостью за причастность к великому делу, фермерскому земледелию. Что, конечно же, много шире, чем просто бизнес. Я бы сказал, вкусно, с медком, в прямом и переносном смысле, живёт Юрий Михайлович в новой своей ипостаси. В янтарном краю. Поэтому мнение о нём, навязанное официальными СМИ, благодаря очерку быстро меняется: от лёгкого недоверия до безмерного уважения, основанного на обаянии главного героя.

По одному из дипломов я агроном, поэтому вполне смыслю в производительности труда лужковских крестьян. Всего какая-то сотня их обрабатывает пять с половиной тысяч гектаров пашни. Да и сам Юрий Михайлович счастливо, с трудно понимаемым городскому жителю пафосом, в сезон работает на комбайне. Так же, наверное, за плугом радовался Лев Толстой.

Монологи главного героя не придуманы. Ощущение, что они записаны на диктофон и потом аккуратно расшифрованы. В них словам тесно, а мыслям просторно. Чего стоит ссылка на практическое внимание китайских вождей к экономическим теориям Николая Бухарина.

Тонкие авторские комментарии, как театральная рампа, добавляют очерку света. Всё становится выпуклым, цветным и светлым. Перед тобой герой нашего времени; поэт, философ, политик, изгнанник системы. Недаром же Лужков в своей поэме обращается именно к Сократу.

Ваш очерк, Лидия Владимировна, очень убедителен и вызывает только одно сожаление – рано заканчивается...

Реакция на очерк после поездки на Донбасс

«С волнением и профессиональным журналистским восторгом прочёл этот Ваш очерк. Мудрый, яркий, с точно отобранными деталями и вполне допустимыми эмоциями. Главное же его достоинство – убедительность. Читатель невольно чувствует, что Донбасс победит. Каждое слово этого публицистического произведения, более похожего на философский монолог, бьёт куда мощнее «слепого» украинского снаряда. И бьёт по киевским ошалевшим от водки и природной дурости «украинаци». И вообще Ваша поездка в Донбасс – гражданский подвиг».

Очень скоро после нашей виртуальной встречи Владимир Всеволодович познакомил меня с великолепным прозаиком Александром Александровичем Лобановым. Он полковник в отставке. По образованию военный врач. Ветеран боевых действий. Прошел космодром «Плесецк», Приднестровье, Чечню. Член Союза приднестровской организации писателей и СП России.

«Теперь прозаик, хотя раньше, в Приднестровье, писал стихи, – рассказывал Александр Александрович. – Вот Вы

бывали в Донецке. Это город моего детства и юности. И мы, дончане, гордились великим своим земляком педагогом Шаталовым Виктором Федоровича, Вашим учителем. А Вы помните, каким тогда был Донецк? Это море роз. Каким он стал сейчас... Ненасытное варварство человеческого безумия эти розы убило. А вот Приднестровье мы ему не отдали. И не отдадим! Это я как бывший начмед Третьего мотострелкового батальона гвардии ПМР с уверенностью заверяю».

Кроме «Роз у преисподней», романа «Ореховое варенье», Александр Лобанов писал и о Владимире Подлузском «Живу, пишу не для похвал...»

А Владимир Всеволодович в статье «Магия свежей красоты» написал об Александре Александровиче: «Лобанов привёл в литературу совершенно нового героя, настоящего гражданина 21-го века. Раскрепощённого. Мало связанного подгнившими идеологическими путами. В нём, конечно, ещё бродят подкисшие дрожжи марксизма-ленинизма, но уже засветилась надежда на нечто высшее, божественное. Писатель явно выше ходульных советских персонажей, однoboких и лукавых, чем-то похожих на резиновую дубинку комбата Титаренко. У новых – житиё сразу в нескольких параллельных мирах. Одни там ищут истину. Другие выгоду.

«Небесные колокольчики» – очень большая книга и о войне, и о мире. Но, надо признать, пока не третья в русской классике эпопея. Её предтеча. Сегодня можно только сказать, что именно Лобанов способен на этот литературный подвиг. Других прозаиков такой силы в России не видно. О чём со всей прямоотой и написал ему нижегородский почитатель, мудрый образованный старик. Житель тех мест, где некогда молился Серафим Саровский и провёл Болдинскую осень Александр Пушкин».

А вот мощнейший поэт и аналитик Сэда Вермишева о Владимире Подлузском:

«Мой низкий поклон и благодарность Владимиру Всеволодовичу Подлузскому. Не достойна моя работа таких оценок. Но если приносит она хоть какую-то пользу людям – значит надо продолжать её и в новых неблагоприятных условиях, а они нарастают. Еще раз спасибо бескрайнее Вам и Владимиру Всеволодовичу, передайте, если можно, ему эти мои слова с любовью...

Уважаемый, дорогой Владимир Всеволодович! Лидочка Владимировна любезно переслала мне Ваш отклик на наши с ней «Беседы» в журнале «Берега». Прежде всего, примите мою благодарность за Ваше глубокое и заинтересованное прочтение мною изложенного. Мне неловко за столь высокую оценку моей работы. Принимаю её как аванс. Но главная моя Вам признательность – за подтверждение важности темы. Вышла я на неё на подсознательном уровне – Лидочка Владимировна предложила мне поделиться воспоминаниями о своих предках, и они привели меня к пониманию, что фраза, жирным шрифтом красующаяся в моих школьных учебниках: «Царская Россия – тюрьма народов» – фальшива. Советский ребёнок советского детского сада, советской коммунальной квартиры, советских учебников по истории – я свято верила этому штампу. И вот, повествуя о своих ближайших родственниках, родных, близких и знакомых я усомнилась в справедливости этих слов. Моя родословная этого не подтверждала. И тогда я перешла к рассмотрению закономерностей построения и разрушения многонациональных государств, в частности Российской Империи и Советского Союза, не оставляя мысли об обретении пути к Высокому Возрождению. Задача амбициозная, может, и невыполнимая, но жить на развалинах и бездействовать – невыносимо. Очень хочу видеть в Вас единомышленника и соратника. Ещё раз – огромное Вам спасибо за внимание и оценку моей работы. Искренне Сэда Вермишева».

Поэт Сэда Константиновна Вермишева

О Владимире Подлузском с уважением, высокой оценкой, с восхищением и признанием его книг и статей писали Григорий Блехман, Татьяна Грибанова, Николай Ольков, Владимир Скиф, Геннадий Сазонов, Нина Волченкова, Наталья Радостева и многие-многие его прекрасные, талантливые современники.

Можно написать отдельную книгу по отзывам и комментариям Владимира Всеволодовича об авторах журнала «Берега», о его содержании. Я была очень счастлива, когда Вера Николаевна прислала мне – уже после ухода Владимира Подлузского – его несколько книг, которые я перечитываю, каждый раз испытывая удовольствие от встречи с его глубочайшей поэзией, его художественными наблюдениями. Мы шли рука об руку как путешественники по литературным просторам нашей планеты, удивляясь или даже испытывая умиление от единодушия в оценках встреченных нами поэтов или прозаиков, которые умеют различать великое и ничтожное, обладают самодостаточным космосом.

Образ славянки в романе Владимира Подлuzского «Тарас и Прасковья»

Хочу обратить внимание на книгу выдающегося русского поэта Владимира Подлuzского – роман в стихах «Тарас и Прасковья» (2012). Он поразителен. Прекрасны герои нашего времени: украинец (из породы тех, кто сегодня находится в застенках Зеленского) и русская женщина, которая сегодня могла бы сказать: «Они рождены, чтобы сдаться, а мы рождены их спасти». Удивляет роман в стихах пророческим видением сегодняшних сложных взаимоотношений России и Украины.

Хотя поэтическое повествование вышло за два года до возвращения Крыма, до начала кровавых событий на Донбассе, корни современной драмы, её генезис мы находим, отправляясь в путешествие вначале по СССР, затем – по Украине и России, начиная с послевоенных XX века и до 10-х годов XXI века.

Главная героиня романа в стихах – Прасковья, прекрасная молодая девушка из брянского села, кружит у русской печи, в доме, украшенном заботливыми руками, где на стенах «ковры холщовых репродукций». Прасковье Шипикиной семнадцать лет, она слышит свою судьбу в песне бродячего шарманщика, предвещавшего суженого по имени Тарас, который после учебного полигона Мулино служил на Брянщине, где и встретил Прасковью, полюбившую Тараса глубоко и навсегда. Прасковья, сразу же узнав при встрече в Тарасе своего суженого, увидела, что шарманщик был прав: Тарас – красивый, умный, мужественный, настоящий мужчина, воин. После окончания срочной службы Тарас и Прасковья едут на Родину Тараса в Запорожье.

У них родится два сына: «станет соколом твой старший, младший будет воронёнком». Путь старшего сына – в Рязань, чтобы стать там десантником, офицером, героем, а второй сын не «вылезает из нью-йорков». Тарас в годы

грянувшей перестройки то «крутит баранку» дальнотбойщиком, а затем он фермер, «пан и пахарь». Прасковья в глазах одних односельчан Тараса «москалиха», а другие «прозвали Уской-Незабудкой». Она организовала швейную мастерскую, принимая заказы от самых богатых клиентов, выезжая в Россию со швейными изделиями. Перестроечное навязывание индивидуализма не изменило быта:

А тут и чарка, и колбаска,
С малиной чай и коржик с маком.
Отсюда будет до Славянска
Вёрст триста восемьдесят с гаком.

Чуткий слух поэта на единой славянской земле улавливает родное, небесное, отечественное, совсем не утраченное «непритворство», искренность. Заглядывая в деревню на Рождество, слившееся с древней Колядой, автор описывает здоровую жизнь крестьян: в сарае корова, ждущая телёнка, овцы, куры и всякая живность, а в очень чистых, ухоженных домах – золотой уют и праздничные блюда, тепло любви.

Одна у русского возможность —
Любить весь мир под самовар.

Что-то сакральное, священное, заповеданное славянским народам из небесных пределов, пусть крупницами, но сохраняющееся в поколениях. Никифор, отец Тараса, с ностальгией вспоминает прежнюю мирную жизнь, когда «любили с соколом охоту. Пасли в запрудинах сазана...» В роду Никифора испокон веков ценились:

Ружьё с насечкою и сабля,
Буланый конь в богатой сбруе,
Мужская честь и гарность бабья
В роду в почётном карауле.

Как отец Никифор гордится своими тремя сыновьями, женатыми на русских женщинах.

– Тарас тоже не подвёл, – рассуждает сам с собой Никифор. – За Прасковьей «Хоть в небо, хоть в пучину, Грозят сынку успех и радость».

Никифор – председатель колхоза, необыкновенно богатого:

У нас что дом, то кулачина.
Румяный сад и виноградник.
Стада овец, гусей и уток, рой пчел...

Никого не удивляет, что там, где живут славяне, там песни, там поэзия «с золотыми рифмами-усадебками»:

Строчки звонкие страдают ласкою,
И готовы обернуться песней,
Потому и любят птицу райскую,
Домостроя русского поэзию.

И мать Прасковьи, и отец Тараса вспоминают истории своих семей, в которых из рода в род растили мужчин – защитников Отечества, и женщин-красавиц. Иван Караваев, друг Тараса Уса, после срочной службы в армии становится корреспондентом районной газеты. Он пишет стихи, вслушивается в голоса народа, создаёт критическое произведение о своей службе в армии, которое прочел его дед, подводя итог:

Пока, внучок, не поседеешь,
Руси ни капли не поймёшь.

А потом даёт совет:

Езжай, приглядывайся, пробуй
Писать на собственный манер.
Спорь по возможности с Европой,
Но помни суть СССР.

Иван Караваев получает высшее журналистское образование, не оставляя своей цели: «Понять Русь». Он отправляется в глубинку России, любит «золотую русскую деревню», описывает стройки и предприятия. Иван Караваев, прибыв на раскопки в деревню Стодол, родину Прасковьи, заглядывает в глубину тысячелетий:

Мы не скифы и не финно-угры,
И по всем статьям – не азиаты.
Словно несгораемые угли,
Светят избы русские и хаты.

Иван встречает здесь девушку по имени Полина, которая станет его женой. Она тоже журналист и поэт. Их глазами видим жизнь в России, в том числе их отношение к жёлтым СМИ: «Куют тут славу олигархи //И горбоносые кидалы.// За деньги тут тачают плахи, //А за валюту – пьедесталы».

Образ народной славянской жизни воспринимается как волшебное время. То и дело поэтические жесты Владимира Подлузского отсылают нас к пушкинской традиции живописания славянского быта, связывают с духовной строгостью, с сердечно милой природой, с родными ландшафтами, с близкими людьми. Поэт обращается к раскопкам в Стодоле, и его мысль проносится по тысячелетиям, определяя миссию славян на планете, зашифрованную в сагах западных народов: «наша радужность», «мы жрецы рассыпанный планеты...», поэтому можно сказать, что в новейшей литературе появился истинно интернациональный роман в стихах, по своему духу выражая драгоценнейшую национальную самобытность и нравственную устойчивость каждого народа и каждой народности великой России.

«Римский клуб уже строчил саван для СССР»

Автор «Тараса и Прасковьи», всматриваясь в жизнь на Украине, приходит к неутешительному выводу: «беременна злодейством страна насупленного пана». «Въедается уже в привычку войнушка самостийным хлопцам». И «драит смушковой папахой Хрещатик натовские туфли». Почему это случилось с прекрасной страной? Неужели ничего не значат общая история, вера, традиция, быт, народные песни, вместе столько раз спетые? Неужели только в вышиванках национальный украинский дух? Неужели не тесен, мелок и немногосложен тот европейский мир, куда качнуло так называемых «лидеров»? Разве не видно, как они односторонни, однообразны, скучны и пошлы?

О разнообразии страстей читаем мы в романе Владимира Подлужского, нас пронизывают тонкие оттенки чувств, многосложные отношения людей, общественные и частные, богатая почва для размышлений о славянской цивилизации. Вспоминаются Тарасу годы учёбы в сельскохозяйственном институте, как студенты привозили преподавателям то сало, то мешок комбикорма, а жизнь председателя колхоза была как у помещика, «парторг был чуть ли не священник». Кто «от пушек косит», кто «сгорает от зелёной дозы марихуаны, банкомата», – размышляет Иван Караваев, друг Тараса Уса. Он вспоминает территорию, где «Рим крестил, являя милость, органом Ганну и Оксану», где «чужестранец ссужал с процентом под восстание, чтоб русский люд ему поддался на закланье».

Ещё служа в Советской армии, в Запорожье, «Мы в карауле прочитали // На ридном редкую заразу. // Учила книжная шалава, // Чего нельзя и вроде можно. // Входила жёлтая отава // В блакитном граде Запорожъя». Появляются ростки двуличия, разные позиции:

Ты выбираешь незалежность,
Я – общерусскую соборность.

Уже начинались стычки, когда «солдаты отбивались
бляхой «...от дальних родичей Бандеры...». «Уже готовят-
ся актёры для Фороса», а там «Молдова проливает кровь».
«Как будто галактические дыры пропускают на землю кос-
мическое зло».

Славянка

Автор романа влюблён, как и его герой, в славянок, он покорён их женственной красотой, золотыми косами. «Очи златовласки» напоминают зарницы. В них русскость, нежность и сила. Поэт вспоминает мифы и легенды, сказки и байки про «молодильное платье», он говорит о женщине, как родоначальнице. Нет, не просто влюблён поэт, а любит высоко и сильно, чем вызывает уважение к его собственной личности. В романе прослеживается его собственная жизнь, душа, любовь. Со всей искренностью он выразил свои чувства, понятия, идеалы, поэтому для нас, русских, для славян его роман имеет огромное общественное значение.

Автор прибегает к письмам героев, дневникам, рассказывает древние легенды и деревенские басенки, читает заговоры и молитвы, которые в большинстве своем хранит женская память.

И все они, судьбы не хая,
Рассказы пересыпав смехом,
Уйдут, загадочно вздыхая,
Навстречу миру и утехам.

И будут целый день довольны,
Что от души поговорили!
Все русские – антициклоны
И на Валдае, и в Сибири.

Роман Владимира Подлuzского – блистательный опыт современности в выбранном им жанре, потому что будит общественное самосознание. Смешение украинской речи с русской, что происходит слишком часто на Украине и пограничных с Украиной областях, – это дань цветку славянства, поэтическое изображение действительности.

«Мы до конца неизлечимы на правду и на достоверность», – собирает поэт воедино особенности славянской души, – у нас «мифы – средство верное от боли», «любой из нас – язычник, а приглядишься – православный». «С рождения мама ребёнка кормит верой», «лукавость западного теста от нас отскакивает пулей». Мириады сплюсованных деталей сводятся в романе Подлuzского к женскому началу славянки, «чаровницы сердца и руки». Когда Прасковье исполнилось 55 лет, к ней снова приходит шарманщик, некогда предсказавший её судьбу. И замирает сердце, что скажет он женщине наших дней? Шарманщик видит судьбу Прасковьи неотделимой от судьбы России. Вначале он описывает все пороки современной жизни: «пришибленность атеизмом», ложью, «злым капитализмом», «внутреннюю муку», но пророчит: «Держава выйдет из трясины без водки и аперитива». «Пока мир грешный без понятий, без чуда и без осязания. Но уж готовит Божья Матерь Страдания Преобразования». Это Преобразование, Преображение произойдёт, когда новый Мессия «Лишь к нам придёт. Он; первым делом вино преобразует в воду». Лишь тогда русы «вернутся к собственному коду». «Для люда будет уйма пищи, а для скота – овса и жита».

Роман в стихах заканчивается верой в то, что «став солью православной», «сошлись любовно половинки Руси моей и Украины». Чтобы это произошло, мы должны отстоять свой дом, где родились великие идеи и учения, нашу славянскую мечту, чтобы покинуло политиков безумие раздора, нужно решить проблему нашего сознания: то есть то, что ты видишь, охватываешь, постигаешь, за что берешь

ответственность. Реальность делает нам вызовы: духовная безопасность русского мира, славянского мира или тёплое стойло?

СМИ объявляют о конце истории, работают на принятие нами неизбежности, что мы все должны подчиниться тёмной власти тельца. Но надо помнить, что ты не один, есть близкие тебе люди, есть общеславянская соборность. Территория интегрированного сознания сместилась на Восток, включив знания и духовные ценности Востока и Запада, универсальность синтезированной стратегии для всего человеческого рода, отбросив ложные приоритеты, основанные на индивидуализме и губительном для планеты потребительстве, вернув полное надежды ощущение значимости нашей жизни.

О ПОЭМАХ ВЛАДИМИРА ПОДЛУЗСКОГО «РУССКАЯ ТРУБА» И «СТАРОДУБСКАЯ ПРОРОЧИЦА»

«Берега», № 3 (39)-2020

О поэме как жанре

Новейшее время среди поэтов и критиков породило, я бы сказала, преследование поэмы как жанра. Некоторые литературные журналы заявили о том, что они поэмы не публикуют. Истоки этого, я думаю, идут от того, что не каждому поэту создание поэмы по плечу. Не могущие и воинствуют, как всегда.

Однажды довелось мне беседовать с польским консулом по культуре в Калининграде. Речь зашла об обучении иностранцев в Польше. Тогда я и узнала, что обучение платное для иностранцев на всех факультетах, кроме физики и математики. Он говорил: «Ну, нет у нас в Польше таких умов,

чтобы тянули физику и математику, пытаемся привлечь из других стран».

Я вспомнила, что и настоящую оперу, и балет не могут поставить в европейских странах, потому что нет мастеров пения и балета. Хорошо, если найдётся кто-то из русских эмигрантов, кто прошёл советскую школу и способен станцевать или спеть что-то посложнее, под него и создают репертуар, а своих талантов нет.

Но и в Россию пришли за последние тридцать лет подражания западным реалиям, где по нищете таланта ставится что-то простенькое, начали примитив навязывать и у нас, изгнав из театров специалистов высокого класса.

Нет в Европе уже давно и поэтов, могущих выстроить образный ряд в рифму и в ритм для создания большого поэтического полотна, и свободный от формы, да часто и от содержания верлибр начал занимать место поэзии. А уж поэму создать – это уже другие масштабы мысли.

Поэма в России

В России поэма всегда будоражила художественную мысль и продолжает жить как жанр вопреки выродившимся, но оседлавшим литературные сомнительные премии за приземлённую литературу. Поэтические повествования или историко-драматические произведения поднялись на невиданную высоту в творчестве Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Николая Некрасова, Владимира Маяковского, Сергея Есенина, Александра Твардовского, а 20-й век дал русской и мировой поэзии женщин-гигантов: поэмы Марины Цветаевой, Анны Ахматовой, а затем Юлии Друниной, Беллы Ахмадулиной, Сэды Вермишевой – это поэтический альпинизм, снискавший признание читателей планеты. Поэтические повести в современной поэзии по плечу сегодня немногим, и хочу отдать должное Владимиру Подлузскому,

которому в крупных формах стихосложения свойственны внутренняя напряжённость, острая конфликтность содержания, погружение в прошлое ради будущего.

Владимир Подлузский в 2012 году выпустил роман в стихах «Тарас и Прасковья», посвящённый актуальной теме взаимоотношений Украины и России, теме славянства и особенно восхитительному образу славянки. В текущем году он порадовал читателей двумя поэмами: «Русская труба» и «Стародубская пророчица».

Поэма «Русская труба»

В поэме Владимира Подлузского «Русская труба» вновь поэт современности делится своими масштабными размышлениями о судьбах и путях народов СССР и России. Столько любви и боли за свой народ! Труба-нефтепровод, прошедшая через не одну деревню, через поколения, принесла нефтедоллары, не дошедшие до конкретной деревни, где поселилась бедность, безответственность, разгильдяйство, произошло размывание нравственных ценностей. Но не только деревни, а целая страна попала в круговорот великого блуждания народов. «По избам зашатался самогон», «труба ордой тащилась среди нас», «в войну того не потеряла Русь, чего лишилась в трубных переходах».

Деревни заброшены. Сменяют друг друга невзгоды: «точил картошку колорадский жук», «валил стада откормленные ящур». «В трубу летела наша высота, и глубина, и громкая Победа». В нравственном смысле труба подтачивала дух там, «где вирусом плодился доллар». Позор несла нам нефтяная труба. И многострадальный народ, словно услышав другой трубный глас архангелов, собрав буквально по копейке средства, построил храм, чтобы возродить нравственность, чистоту, уважение к земле, к честному труду. Дух поэмы взывает к нам, к осознанному пути, зовёт раз-

делить боль и любовь, трепетную, выстраданную, чтобы возродить духовное величие и высоту нас всех по отдельности и народ в целом. Поэма, появившаяся на свет в период, когда над миром нависла угроза электронного концлагеря, когда сатанисты мира по сути дела поставили вопрос о конце истории человечества, более чем актуальна. Она напоминает о необходимости всех людей, стоящих на платформе трезвости и благоразумия, выйти на поле нравственных ценностей, тогда сдвинутся с места буксующие реформы, у детей появится будущее – жить на планете благородства и высоты духа, придёт понимание того, что мы можем сбереечь планету и Человека на ней.

Поэма «Стародубская пророчица»

В старинном русском Стародубе, в который направляется лирический герой поэмы – Поэт, знающий волшебную силу Слова, живёт его сестра – обобщённый образ – обладающая даром целительства, высоким уровнем интуиции и исторического прозрения.

Город Стародуб стоит на перекрёстке культурных и торговых путей славянских государств: России, Украины и Беларуси, на метафизическом перекрёстке дорог между Западом и Востоком. Здесь проходили два раза в год ярмарки, на которые съезжалось богатое купечество, привозя на продажу лён и холсты, скот и продовольствие. Богатые хлебом места, которые часто в результате пожаров и захватнических войн превращались в руины и возрождались вновь, когда мир воцарялся вокруг:

Сиянье церквей и пророков,
Чья неоспоримая власть,
От самых корней и истоков
До крон голубых разлилась.

Жители Стародуба к концу 19-го века возвели здесь восемнадцать храмов. Часто даже иудеи принимали Православие. И, несмотря на торжество православной веры, глубинная народная память переносила через тысячелетия тайны волхвов, старинный лад в ведении хозяйства, в строительстве домов, разведении скота, принимая в расчёт языческих покровителей, богов земли, солнца и воды, глубинные тысячелетние знания о душе, теле и духе, знания о том, где есть вода, чтобы вырыть колодец, об энергиях, снижающих усталость, дающих исцеление.

Неизречённая реальность, вёдомая Поэту, осторожно намекающему на незримое Присутствие, Божественное провидение, проявилась в судьбах Поэта и его сестры – стародубской пророчицы, известной далеко за пределами края, смиренно несущей Дар людям и беспомощной помочь себе и своим близким.

Неизречённое таинство – имплицитный сюжет поэмы, многоуровневое и синтезированное содержание мысли Владимира Подлузского стало основой его неизречённого реализма:

Уж можно потайное бремя
Сказаний пролить через дождь.
Пускай напоятся грибницы
И тайны свои отдадут...

Своеобразие поэтического самовыражения и образного строя позволяет говорить о «неизреченном реализме», Божественном Присутствии и мистическом прозрении.

Вопросы стиля, богатого экспериментами и образными находками, понимание его читателями мало волнуют поэта, ему, возможно, и самому до конца не ясен этот таинственный генетический код русского человека, широта которого изумляла Фёдора Достоевского, говорившего о том, что «его бы сузить», но вряд ли это возможно, это Божественное предопределение.

Сам же автор пояснил: «Хотелось бы кое-что сказать о неких тайных знаках, которые пытался расставить в поэме. Они заключены в особое сюжетное кольцо. Первая же строка говорит о небесном свете, солнце, а последняя о возжѣнном им земном огне:

Русь точно сильнее Тибета
С печатью богов на устах.

Космос даёт жизненную энергию России, а та растит хлеба. Это Хлеб церковный – символ тела Христова. Но и русский народ в этом контексте – тоже хлеб Божий. В производстве у границы ложатся целые пшеничные валки. Одни уходят в небесные закрома. Другие только зарождаются, замешанные в великой деже. А авторское перо лишь прикасается к святой русской силе, показывая её возможности, простирающиеся в двух, а может, и более параллельных измерениях. И стародубская пророчица хорошо видит всё, с помощью Святой Матроны и Николая Угодника черпает свои прозрения, помогает страждущим».

Взор Владимира Подлузского обращѣн ввысь, его духовный опыт опирается на пушкинский фундамент, и таинство пронизывает все уровни поэмы. Мистическое видение пророчицы не равно постижению Поэта, на вопрос о будущем Украины и России, стародубская пророчица говорит загадками, сквозь которые прочитывается оптимистическое начало нового единства народов без указания сроков, где временное – часть вечного. Наблюдательность Поэта подсказывает ему, как пояснил Владимир Всеволодович: «Хлеб, в данном случае Дух, как одна из ипостасей Божьих, соединяет братские славянские народы. Фуры везут зерно в Белоруссию, что соответствует в иные годы, как, например, в 2019-м, исторической правде».

В образном ряду поэмы появляется мистический «самогон – то самое библейское вино, философский «первак» из всех главных смыслов поэмы. Вся она пропитана жи-

данием Второго Пришествия. Расширяется дорога на Запад, потерявший в Своем материальном довольстве вкус и чувство. И Бог спасает его русским зерном, чтобы тот вкусил русского хлеба и вернулся в истинное христианство – на столбовую дорогу человечества. В данном случае, к его главным истокам – Православию»:

Распробуют хлеб пусть наш русский,
Такой же святой до сих пор.

В поэме все эпохи, города и веси соединяет образ горлицы – христианский символ Любви и Согласия. Она сидит прямо у дороги. А рядом, конечно, Перунова языческая белка. Бинарность русского мировоззрения включает культурный пласт земли, вбирая духовный опыт, проживание событий, отличая Божественное от человеческого.

Мы все накануне рожденья
Второго на той полосе.
Святой, пограничной и спорной,
Поющей и плачущей вдрызг
На этой моей лукоморной
Частице молитвенных риз.

Ткань поэтического повествования соткана таким образом, что отражает, как вода – небо, многомерность, масштабность, полифонию мировоззрения истинного русского человека, живущего во всех смыслах в Пограничье, в местах сложнейшего соединения и одновременно разделения трёх восточнославянских государств.

Актуальности поэмы в её духовной национальной основе. В каждом стародубском доме есть иконы, крепкая вера. Она и подвигла к строительству многих церквей Стародуба. Возможно, именно этот старинный городок впоследствии станет одним из эпицентров примирения двух славянских народов:

Пророчества тянут поводья
И русского шпорят коня.
Россия – с времён Беловодья
Столица земного огня.

Мистическое – антипод пессимистического

Владимира Подлuzского вы не встретите ни на одном телевизионном канале, потому что он противник дурновкусия, потому что его творчество национально спасительно, потому что он подлинно русский интеллигент, который противостоит оплёвыванию великой русской литературы и живых проявлений человечности. Мистическое (Божественное, неизречённое) русский религиозный философ Н. С. Арсеньев противопоставлял пессимистическому. И в этом плане степень духовного влияния в современной литературе Владимира Подлuzского нелегко уловить и понять, потому что нет таких счётчиков. Но несомненно то, что благодаря таким национально-мыслящим поэтам происходит выражение в художественной форме целостности русской духовной почвы, разоблачение абсурда постмодернистских проектов, так как поэты уровня Владимира Подлuzского выражают лучшие стороны своего самобытного народа, крепят его духовные фундаментальные основы, чтут традиционные ценности.

КИЕВ

Я часто вспоминаю Киев.
Среди разливистого мая
Мы добрались перекладными
До града, музыке внимая:
Днепра под синими мостами,
Церквей под жёлтыми крестами.

Себя почуяли братами
Под золотыми воротами.
Таким восторженным у рая
Стоять я буду, замирая.
И всё до капли понимая,
Я знаю точно – Русь святая!
Молитвы, торг и переторги,
Густая зелень пышной липы.
Мои небесные восторги,
Как детства солнечные клипы.
В волшебном том калейдоскопе
Подарке крёстной и посёстры.
И в тёплом от дождя укропе
Лучи натягивают кросны.
У настоящей белой Лавры
С её неизвестным блаженством
Я слышу звон нездешней славы,
Речённый чёрным духовенством.
Бывал Андрей здесь Первозванный
Святым предвестником Крещенья.
И я пришёл в сей край желанный
Спуститься в мощные пещеры.
Сверкает гривой конь Славутич,
В хомут затянутый и дуги.
И крест с мечом висит, как участь,
Над миром, взятым на поруки.
Тут патриарх венчал на царство
Умеренного русофила.
Илья тут Муромец коварство
Видал средь княжеского пира.
Академический и русский
Хранил тут дух, вкраплённый в гранки,
Пахомий, предок мой, Подлузский,
Четвёртый ректор Могилянки.
Счастливым никогда не буду —
Таким, как в майском том разливе.
Дай Бог мне хоть какую ссуду,
Чтоб снова я увидел Киев.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Подлuzский Владимир Всеволодович родился 5 июня 1953 года в потомственной учительской семье в селе Рохманово Брянской области.

Умер 11 ноября 2020 года и похоронен в Сыктывкаре.

Род Владимира Подлuzского по матери – священники и учителя, а по отцу – дворяне и разночинцы. Дед поэта за свои проповеди попал на Беломорканал, откуда его, по преданию, вызволил сам Сталин, вернув служителю культа приход. За бабушку по матери Марию Тимофеевну пытался свататься великий украинский поэт Павло Тычина, учившийся с ее братьями Николаем и Александром в Нежинской духовной семинарии. А её сестра Елизавета Тимофеевна учительствовала в Стародубском селе Ковалево. Она была учительницей Саши Шкребнева и его сестры Ули, будущих отца и крестной Людмилы Путиной, родившихся в соседней деревеньке Шняки, переехавших вскоре с семьей в Ковалево.

По отцовской линии у Владимира Подлuzского ещё в конце XVII века его далёкий предок дворянин Пахомий Подлuzский был одним из первых ректоров Киево-Могилянской академии – фактически первого высшего учебного заведения в славянской Восточной Европе. Академия дала целую плеяду самых блестящих имён. Родной брат бабушки поэта по отцу Всеволоду Николаевичу – Анны, главный учёный секретарь Академии педагогических наук СССР Иван Протченко, долгие годы был одним из редакторов орфографических словарей русского языка.

В 1970 году Владимир закончил Рохмановскую среднюю школу с Почвальной грамотой. В этом же году стал корре-

спондентом в Погарской районной газете. Работал в редакциях газет Мглинского, Климовского, Суземского, Комаричского, Гордеевского районов.

Окончил артиллерийскую сержантскую школу в тогда ещё Горьковской области в Мулине, с отличием – факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета, Северо-Западную академию государственной службы и управления при Президенте РФ, Брянский сельхозинститут. По образованию журналист, менеджер, агроном. Сорок лет отработал в прессе на Брянщине и на Севере.

В 1987 году переехал в республику КОМИ. На Севере работал в районных газетах, заместителем главного редактора в газете «Вечерний Сыктывкар» и первым заместителем главного редактора в правительственной газете «Республика». Избирался депутатом Сыктывкарского горсовета.

С 1997 года член Союза журналистов СССР. В 2001 году принят в Союз писателей России. Поэт и публицист. Автор четырёх книг стихотворений: «Светозар», «Посконные холсты». «Зажинки», «Суслоны», – и романа в стихах «Тарас и Прасковья», за который удостоен звания Лауреата Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества». Печатался в журналах: «Берега», «Наш современник», «Роман-журнал XXI век», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Днепр», «Десна», «Глаголь», в «Литературной России», «Дне литературы», «Российском писателе» и других изданиях. Его подборки вошли в «Антологию русской поэзии. Век XXI» и в «Антологию военной поэзии».

В 1998 году «Литературная Россия» дала большую подборку стихотворений Владимира Подлuzского. Она вызвала живой интерес у самого Юрия Кузнецова.

В 2013 году сайт «Российский писатель» назвал Владимира Подлuzского новым русским национальным поэтом и ввёл в своё «Избранное», где помещены стихи самых блестящих поэтов двадцатого и двадцать первого века.

Публикации последних лет – «Журнальный мир»

Берега № 4(46)/2021

Магия свежей красоты

Берега № 4(40)/2020

Сказ о романе в стихах

Берега № 3(39)/2020

Стародубская пророчица

День поэзии № 12 (2018/19)

Ивановы. Лесная деревня. Белая игла.

Берега № 4(34)/2019

На дне нового «Тихого Дона»

Берега № 3(33)/2019

Львиная доля

Берега № 2(32)/2019

Львы

Берега № 6(30)/2018

Копель

Подъём № 1/2018

Старая колокольня

Нижний Новгород № 1(12)/2017

Сказ о царевице Алексее

ПИСАТЕЛИ РОССИИ О ВЛАДИМИРЕ ПОДЛУЗСКОМ

Владимир Корнилов:

Творчество Владимира Всеволодовича служило всегда бережливому отношению к исконному русскому языку и его культурно-историческим ценностям...

Я лично, открыв для себя это имя, стал с огромным интересом следить за его талантливым творчеством, отвечая на него своими искренними отзывами.

С неослабевающим интересом прочитал подборку «Сёла-самогуды». И сразу же что хочу отметить в ней – это ее цельность. Все стихи пронизаны не только светом любви к своему Отечеству, к русскому православному человеку, но и отмечены едкой сатирой на современную городскую жизнь, подменившую нравственные и духовные ценности.

Николай Ольков:

Большой поэт и огромной души человек. Таких людей не забывают, и Владимир надолго останется в русской литературе.

Нина Волченкова:

Владимиру Всеволодовичу Подлузскому
ПРОЩАЛЬНОЕ

Ушёл поэт, как многие уходят.
Но в сердце неуёмна эта боль.
События с печалью в хороводе,
И незавидна нынче наша роль.

Вы были честным, мудрым и открытым.
О Вас в прошедшем трудно говорить.
Я знаю, что не будете забыты –
Вы мир любви успели подарить.

В стихах, в поэмах, в море публикаций
Вы отразили нашей жизни суть.
Не будет больше радостных сенсаций,
И время вспять уже не повернуть.

Осталось землякам сказать: внимайте –
Осиротела Брянщина сейчас.
Простите нас! Простите и прощайте!
Ноябрь ещё сложнее стал без Вас.

Григорий Блехман:

Его аналитическая тщательность и высочайшая степень неравнодушия к чистоте русского слова и чистоте помыслов сыскали всеобщее уважение.

Такие люди, как Владимир Всеволодович, уходя в иное измерение, остаются и на земле. Их оставляют среди нас сделанные ими благие дела.

Наталья Радостева:

Огромная благодарность Замечательному Поэту и честному, чуткому, добросердечному, широкой души человеку – за переписку, поддержку моей общественной и политической деятельности, щедрые отзывы о Творчестве и искреннюю дружескую поддержку.

Казалось, закончив огранку своего таланта, Владимир Подлузский только открыл нам возможность полюбоваться его сиянием, ждать его новых творческих, радующих наш эстетический вкус, открытий – и вот...

Пункт плана о встрече меняется на вечное поминание в числе ушедших близких, на чтение его стихов с рекомендацией литератора читателям на творческих вечерах.

Екатерина Козырева:

Главное, о чём сказал Владимир Подлузский давно с горечью и болью за русскую жизнь:

Битва за деньги и битва за Слово
Стали вдруг русской писательской битвой.

Наталья Егорова:

Я с Владимиром Всеволодовичем была знакома по сайтам – откликались мне родным и его прекрасные, очень русские, наполненные болью за Россию стихи, и его очень умные и добрые комментарии. И в душе переросло это знакомство за грань литературной переписки, стало чем-то важным и значимым.

АВТОРЫ СБОРНИКА «ПОЭТ ВЛАДИМИР ПОДЛУЗСКИЙ»

Александр Александрович Лобанов – родился 7 октября 1954 года. Жил с родителями в Донецке. В 1972 году поступил в медицинский институт, а после четвёртого курса перевёлся на военно-медицинский факультет в Куйбышев (Самара), связав таким образом жизнь со службой в армии в качестве военного врача. Полковник в отставке. Ветеран боевых действий. Прошёл Приднестровье, Чечню. Повести и рассказы неоднократно публиковались в «Нашем современнике», «Российском писателе», журнале «Берега». Постоянный автор альманаха «Подвиг», на страницах которого вышли в свет романы: «Крутой этап», «Приднестровец», «Будем жить», «Шайтан», «Снежная королева». Автор книг: «Небесные колокольчики», «Лелег». Член Союза приднестровских писателей, Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

Людмила Михайловна Максимова – учредитель, главный редактор журнала «Сибирь и Я». Родилась в Брянске, где окончила театральное училище, режиссерское отделение, далее Иркутский государственный университет, филологический факультет, журналистское отделение. Член Союза журналистов России.

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор литературного журнала «Берега» – Калининград, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, Заместитель президента АНО «Всемирная Информационная энциклопедия» – <http://www.kaliningrad.wie.su>, член Литературного форума «Мир слова» Издательского Совета Русской Православной Церкви, член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени Святых Благоверных Петра и Февронии. Почетный член философского общества. Почетный гражданин Балтийского городского округа, Лауреат литературных премий: Гумилевской, Корниловской, Союзного государства, Щит и меч Отечества, Золотое перо Руси, автор 27 художественных и публицистических книг.

Александр Александрович ЛОБАНОВ
Людмила Михайловна МАКСИМОВА
Лидия Владимировна ДОВЫДЕНКО

**ПОЭТ
ВЛАДИМИР ПОДЛУЗСКИЙ**

На обложке фото *Валентины Архиповской*

Подписано в печать 04.04.2023 г.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60х90¹/₁₆. Усл. п. л. 12.
Заказ № 410. Тираж 50 экз.

Изготовлено и отпечатано
в ФГУП «И и Т газеты «Страж Балтики»
Минобороны России. г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15.
Тел.: 53-17-05.